

От первого лица

сборник воспоминаний о Кижях

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
учреждение культуры
«Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник “Кижы”»

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

(сборник воспоминаний о Кижях)

Петрозаводск
2016 г.

УДК [94+72+39]:069.02(470.22)
ББК 63.3(2Рос.Кар) + 85.113(2)

**Печатается по решению научно-методического
совета музея-заповедника «Кижь»**

Составление и редакция
Борис Гушин

Сборник подготовлен к 50-летию музея-заповедника «Кижь». В него включены воспоминания людей, которые в разное время работали в Кижях, а некоторые продолжают работать и сейчас. Сборник, в основном, охватывает период с 1950 до конца 1980 гг., то есть период, когда происходило становление музея, развитие его архитектурной экспозиции, активно перевозились и реставрировались памятники, формировалось фондовое собрание, сложилась система подготовки экскурсоводов, происходили другие важные процессы формирования музея-заповедника «Кижь».

ISBN 978-5-9908193-1-3

9 785990 819313

© ФГБУК «Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник «Кижь»»

В 2016 г. Государственному музею-заповеднику «Кижы» исполняется 50 лет. К этому событию музей приурочил издание данного сборника воспоминаний. Его авторами являются бывшие и нынешние сотрудники музея, а также сотрудники других учреждений, которым пришлось работать на острове Кижы. Большая часть сборника охватывает период с 1950 до конца 1980 гг., хотя некоторые из статей выходят за рамки этого хронологического диапазона.

Историографическое значение сборника определяется следующими обстоятельствами. Прежде всего, «Кижы» является одним из первых созданных в Советском Союзе музеев-заповедников народной культуры. История его формирования во многом отразила те процессы, которые были свойственны музеям-заповедникам как таковым. Формирование и развитие музея-заповедника «Кижы» — это страница истории музейного дела России, без которой эта история не будет полной.

Второе обстоятельство связано с особенностями жанра воспоминаний как исторического источника. Воспоминания позволяют взглянуть на исторические явления и процессы глазами конкретного человека, увидеть его субъективный взгляд, ощутить эмоциональную реакцию на события, в которых он участвовал. Нередко воспоминания позволяют узнать о каких-то деталях, которые оказываются скрытыми от исследователя, пользующегося традиционными архивными и библиографическими источниками. Для музея-заповедника «Кижы» это особенно важно, поскольку его формирование во многом было результатом творческого процесса, в котором участвовали люди особого склада — ученые, реставраторы, архитекторы, специалисты в области сохранения культурного наследия.

Кроме того, период 1950 — 1980 гг. является чрезвычайно важным в истории музея-заповедника «Кижы». Именно в это время он сформировался в тех очертаниях, которые мы сейчас можем наблюдать. Это касается состава архитектурно-этнографической экспозиции, структуры фондового собрания, направленности научно-исследовательской работы, организации системы подготовки экскурсоводов, сохранения и реставрации памятников деревянного зодчества. Статьи сборника, написанные специалистами, трудившимися в разных областях музейной работы (научные сотрудники, реставраторы, хранители, экскурсоводы), демонстрируют разносторонний взгляд на происходившие в музее процессы.

Собранные в сборнике статьи можно разделить на три группы. Наибольший интерес представляют материалы обобщающего характера, рассказывающие о деятельности музея (или каких-то отдельных аспектах его деятельности) за более или менее существенные отрезки времени. Сюда можно отнести воспоминания заведующего

отделом «Кижы» Карельского краеведческого музея в 1961 — 1964 гг. Н. В. Воробьева, специалиста, занимавшегося охраной памятников деревянного зодчества в 1949 — 1965 гг. Р. И. Каталкиной, настоятеля Кижского прихода в 1997 — 2010 гг. Н. Н. Озолина, директора кижской школы в 1993 — 1999 гг. Е. А. Дымовой. Эти материалы отличает высокая информативность, насыщенность фактическими сведениями, интересующийся историей музея-заповедника «Кижы» читатель сможет представить достаточно яркую картину его жизни.

Вторая группа статей (их большинство) посвящена конкретным событиям, которые сыграли большую роль в жизни музея в разные периоды его истории или имели большое общественное звучание. Например, восстановление иконописного убранства кижских храмов в 1950 г. (В. Г. Брюсова), сохранение и реставрация памятников Кижей в 1960 г. (Б. В. Моталев), защита общественностью кижских памятников от разрушения в середине 1960 г. (Б. А. Гушин), пожарная безопасность памятников кижского погоста (Н. Л. Попов, Ю. И. Горбань), введение металлического каркаса в Преображенскую церковь (А. А. Кочкин, Н. Л. Попов), издание первого в Советском Союзе каталога собрания архитектурно-этнографического музея (Б. А. Гушин), экскурсионная работа (Т. И. Агаркова, Н. В. Вербовская, Н. М. Мельникова и другие). Следует отметить подробные воспоминания о Кижях конца 1960 г. А. И. Фролова, относящиеся ко времени, когда он работал в музее внештатным экскурсоводом. Интересно восприятие А. И. Фролова тех событий через призму его последующей профессиональной деятельности — преподавания теории музейного дела и туризма.

Третья группа — это статьи-портреты, посвященные конкретным людям, внесшим существенный вклад в развитие музея — А. В. Ополовникову (Р. И. Каталкина, М. М. Мечев, В. А. Крохин), М. К. Мышеву, С. В. Ямщикову, Д. С. Лихачеву (Б. А. Гушин), А. Т. Беляеву (Т. В. Николюкина), В. А. Ниemi (С. В. Куликов, Б. А. Гушин). Высокий эмоциональный заряд несет работа Н. А. Архиповой, посвященная жительнице острова Кижы, много лет проработавшей в музее, М. П. Степановой.

В целом, сборник является интересным историческим документом, раскрывающим важные и во многом малоизвестные страницы истории музея-заповедника «Кижы». По мере течения времени и все большего отдаления от нас описываемых событий его значение будет все больше и больше возрастать.

**Игорь Мельников, заместитель директора
музея-заповедника «Кижы»**

ГАЛИНА МИХАЙЛОВСКАЯ¹

КИЖИ: ВЗГЛЯД ИЗ ОКНА МЕТОДИЧЕСКОГО КАБИНЕТА

Кижы — это остров в Онежском озере. В послевоенные годы здесь был создан историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник, он носит то же название — «Кижы». Историческим и архитектурным центром музея стал храмовый комплекс, известный как Кижский архитектурный ансамбль или Кижский погост. В 1990 г. он был включен в Список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО.

Мимо окна моего кабинета на острове Кижы каждый день идут и идут люди. Наверное, многие из них запомнят эти места на всю жизнь, а для кого-то остров станет настоящим открытием. То, что всегда трогало сердце человека, живо здесь до сих пор: величие храмов, добротность крестьянских домов, уходящие к горизонту лесные дали, высота небес и еще что-то необъяснимое, чего не выразить словами... Когда-то художник И. Билибин писал об особенной красоте здешних мест, «идушей от озер и озерности», о тех необычайных тонах и оттенках цвета, которые довелось ему открыть для себя. В справедливости его слов и наблюдений убеждаешься снова и снова.

Летний остров впечатляет количеством людей. Они приезжают сюда, порой за тысячи километров, чтобы своими глазами увидеть красоту, многократно растиражированную в фотоальбомах, рекламных проспектах и путеводителях. В иные дни у кижского причала одновременно пришвартовано по нескольку круизных теплоходов, остров наполняется народом, звучит разноязыкая речь. Разные люди едут сюда: образованные и не очень, те, кому интересно все, и те, кто хотел бы просто погулять и искупаться, набрать воды в местном колодце. Приезжают на Кижы и люди искусства, и свой брат-музейщик, и участники многочисленных симпозиумов, конференций, семинаров. В последние годы среди так называемых «массовых посетителей» часто встретишь любителей байдарочных походов, яхтсменов и прочих «неорганизованных». Это — особая статья, вольные птицы, любой островок для них — и стол, и дом. Приятные в массе своей люди, вот только хрупкая чистота тех самых островков не всегда, увы, выдерживает их натиск. Не так давно появилась особая категория: паломники, в одиночку или группами странству-

¹ Михайловская Галина Александровна, ведущий специалист музея «Кижы» по просветительской работе.

ющие по святым местам Русского Севера. Иногда среди посетителей встречаешь уроженцев этих мест, коренных заонежан, но большинство едет издалека, порой с другого конца планеты. Иностранцы туристы, а их здесь более 50 процентов, тоже весьма разнообразны: интеллектуальная элита, обитатели домов престарелых, средние обыватели, пожилые и молодые. Среди приехавших из Франции, Германии, США, Финляндии, да и других государств довольно часто можно встретить потомков русской эмиграции, людей, чьи родители давно покинули Россию, кто вырос и прожил жизнь вдали от нее, но сохранил и русскую речь, и особое трепетное отношение ко всему, что видится в пути. Для них поездка в нашу страну — тоже своего рода паломничество. До сих пор приезжают и те, кто воевал в России в годы Второй Мировой войны. Что влечет их сюда? Какие чувства заставляют пускаться в это далекое путешествие?

За краткие часы экскурсии трудно составить себе представление о тех, с кем свела тебя судьба. Большую часть времени экскурсовод повествует, искусно лавируя со своими спутниками-туристами меж многочисленных групп. Но даже из недолгого общения становится ясно, как впечатляют людей наши просторы и то, что человек сумел обжить этот суровый край, — черпая вдохновение в красоте Природы, он создавал здесь красоту рукотворную. О многом говорят и записи, которые остаются в специальных книгах для отзывов, которые лежат на столах в крестьянских домах. Они для тех, кто хочет поделиться впечатлениями, выразить критику или благодарность в адрес музея, просто оставить автограф. Но чаще всего вы прочтете там слова восхищения островом, его уникальной архитектурой, безвестными — увы! — мастерами, что оставили после себя такую красоту. И это, без сомнения, справедливо.

Большая часть посетителей музея отправляются на экскурсию по главной экспозиции, туда, где высятся церкви Кижского погоста. И не все знают, что сегодня архитектурная коллекция насчитывает более 80 памятников народной деревянной архитектуры, они образуют исторические поселения и архитектурные сектора, расположенные в разных местах. По дороге, которую здесь называют Верхней, можно отправиться в центральную часть острова, подняться на Нарьину гору — так называется его самая высокая точка и пройти еще дальше, на северную оконечность. На горе стоит часовня Спаса Нерукотворного — памятник архитектуры XVII в., от нее открывается такой вид на окрестности, что захватывает дух. Те, кто приехал не в первый раз, любят ходить туда. Вдали от оживленных туристических троп их ждут и сохранившиеся деревни, и живописные природные ландшафты, можно посидеть в тишине на придорожной скамье, сделать отличные снимки. Когда-нибудь, рассматривая их, человек сно-

ва увидит остров таким, каким он предстал перед ним в этот день, ощутит запах его влажного воздуха или жар палящего солнца, прикосновение холодного (или теплого!) ветра и, может быть, захочет вернуться, чтобы вновь пройти по его дорогам и увидеть все уже в другом свете. Иногда, отправляясь в путь, люди берут с собой аудиогид — он может рассказать много интересного об этих местах, дает возможность услышать необычный заонежский говор местных жителей, их воспоминания о прошлом органично вошли в текст экскурсии. Но кому-то важнее просто побыть в одиночестве и тишине. Конечно, и здесь она порой нарушается ревом проехавшего трактора — внутримузейная хозяйственная жизнь не может остановиться, но все же для жителя современного города такая прогулка — истинное погружение в покой и созерцание.

Многолик и многообразен людской поток. За летние месяцы более 100 тысяч туристов успевают посетить остров Кижь, немало и тех, кто до глубокой осени стремится достичь его берегов. Что пожелать им, запоздалым путникам? Наверное, спокойной воды, чистого неба и немного осеннего тепла. Осень в Кижях — пора особая, нешумная, порой немного печальная. Темные, влажные срубы церквей и домов, фоном — пожухлая трава, многоцветье увядающей листвы, озеро, то свинцово-серое, то ослепительно-голубое. Для многих Онежское озеро тоже своего рода открытие: «...Такая прозрачная вода, и ее можно пить?!». Можно. Потому что здесь все настоящее, не открыточное, не рекламное, не сувенирное — это признают даже самые закоренелые скептики.

2015 г.

ВЕРА БРЮСОВА¹

КИЖСКИЕ ФРАГМЕНТЫ

(из рукописи, переданной автором музею-заповеднику «Кижы»²)

**В. Г. Светличная (Брюсова) —
художник-реставратор. Фото 1942 г.**

Нередко можно встретить с таким мнением, что искусство Севера — зодчество и живопись — крестьянское искусство. Это верно лишь в той мере, что оно создавалось местными жителями, но в своих истоках оно восходит к художественной культуре Новгорода, а позднее — Москвы, которая после покорения Великого Новгорода сменяет новгородский протекторат. Талантливые и предприимчивые северные крестьяне внесли огромный вклад в творческую переработку наследия, обогатили его и создали удивительное, прекрасное деревянное зодчество Севера.

В конце Великой Отечественной войны оккупанты, изгоняемые с советской территории, принялись спешно вывозить художественные и исторические ценности. Целые ансамбли интерьеров заонежских церквей и часовен были демонтированы, упакованы в ящики и отправлены в Финляндию. По мирному договору иконы были возвращены. По распоряжению ГУОП и лично И. Э. Грабаря для разбора и аварийной реставрации этого собрания в июне 1945 г. были

¹ Брюсова (Светличная) Вера Григорьевна (1917 – 2006 гг.), искусствовед, реставратор древнерусской живописи. В 1945 г. вместе с Н. Е. Мневой принимала участие в разборке икон, возвращенных из Финляндии. В 1950-е гг. вместе с Г. В. Жаренковым восстанавливала иконостас Преображенской церкви.

² Хранится в архиве музея «Кижы» (Ф.1. Оп.3. Ед.хр. 4102).

командированы Н. Е. Мнева, заведующая Древнерусским отделом Государственной Третьяковской галереи, и автор этих строк — от Государственных центральных художественно-реставрационных мастерских (ГЦХРМ).

Осмотр произведений произвел огромное впечатление, нашему взору впервые предстало замечательное явление в русской живописи XVII — XVIII вв. — заонежская икона.

Вывранные из своего естественного окружения, иконы и расписные доски разнообразной формы — круглой, трапециевидной, треугольной — имели необычный вид. После того как было разобрано несколько комплектов, стало понятно, что в деревянной церкви Севера живописи на деревянных досках предназначалась та же роль, что и фрескам в каменном храме. Это была определенная система внутреннего оформления. Сферообразно расходящиеся доски одним концом врублены в стену, а другим — в замковый круг, образуя так называемые «небеса». В центре «неба» — в круге полуфигура Вседержителя или Отечество (Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух). Вокруг — Богоматерь и Предтеча, фигуры ангелов и святых. «Космическая» процессия завершается четырьмя летящими и трубящими ангелами по четырем частям света.

Восточную стену занимает иконостас, на западной стене, у входа — икона Страшного суда крупного размера.

Истоки подобного рода системы оформления восходят к древности. Летописи отмечают роспись церкви Бориса и Глеба, выстроенной при Ярославе Мудром из дерева. Не оставалась нерасписанной и дубовая София Новгородская. Сохранились росписи деревянных церквей XVI — XVIII вв. в Потельче и в Дрогобыче.

После разборки икон выяснилось, что среди них не оказалось главного — «неба» из Кижей (из Преображенской церкви — Ред.). Не сразу удалось выяснить, что произошло непоправимое: кижские «небеса» распилили на дрова и сожгли в то недолгое время, когда репатриированные художественные ценности были сложены в сарае Дома Советской Армии.

В первую поездку в Петрозаводск Н. Е. Мнева, составив опись икон, уехала в Москву. Я осталась на месяц выполнить аварийное укрепление икон. Чтобы повысить интерес к «черным доскам», я сделала несколько пробных расчисток живописи. В окошечках реставрационных проб засияли краски удивительной интенсивности

и красоты — бирюзовые, киноварные, золотистая охра. Некоторые иконы достаточно было лишь слегка промыть.

О новгородских традициях здесь напоминает многое: былины новгородского происхождения, посвящения церквей и часовен кругу святых, особо почитаемых в Новгороде — Илье Пророку, Параскеве Пятнице, Власию, Зосиме и Савватию, Варлааму Хутынскому, Фролу и Лавру. Живопись икон, хорошо сохранившаяся и не утратившая под слегка пожелтевшей олифой яркости цвета, отличается своеобразием стиля. Широкое и свободное письмо сочетается с достаточно высоким профессионализмом и пониманием декоративного назначения живописи. В ликах заметно предпочтение простонародных типов, в житийских сценах много внимания уделено мотивам труда. Верную характеристику иконописи новгородского Севера дает С. Н. Дурылин: «Это подчинение большому и подлинному новгородскому искусству, следование его канону придает церковному искусству Севера... совсем особую ценность и значимость, как бы далеко не отстояло оно в своих достижениях от лучших новгородских памятников» (С. Н. Дурылин. Древнерусская живопись и Олонецкий край. — Петрозаводск, 1917 г. — с. 5.).

Качество и объем проделанной мною за месяц работы произвело благоприятное впечатление на местное руководство, и в дальнейшем мне было доверено весьма ответственное дело — восстановление интерьера кижской Преображенской церкви.

Спустя несколько лет мне была поручена реставрация иконостаса Преображенской церкви — это около ста двадцати икон крупного размера, находящихся в тяжелейшем состоянии, ввиду того что в сарае, где до нашего приезда стояли ящики с иконами, протекала кровля. Работа громадная, мне дали в помощники только что окончившего художественное училище юношу — Геннадия Жаренкова, и я приняла решение выполнить эту работу за один летний сезон. Это была действительно горячая пора. Чтобы олифление икон не затягивало процесс, я применила способ, которым пользовались иконописцы еще в XVII в. — олифа на солнце. Таким образом, вся процедура сократилась до одного часа, давала хорошую прочную пленку и заодно служила проверкой произведенному укреплению. О качестве реставрации можно судить по тому, что за последующие сорок лет иконы, установленные в неотапливаемом храме при резком колебании температур и

повышенной влажности, не дали ни одного рецидива, выдержав труднейший экзамен на добросовестность работы.

В последующие годы мною было расчищено несколько икон из местного ряда Преображенской церкви, а также несколько икон из собрания музея, сейчас находящихся в его фондах.

Иконы Карелии не все одного уровня, но среди них можно встретить подлинные шедевры. Например, икона «Богоматерь — всех скорбящих радость» из Покровской церкви в Кижях, начала XVIII в. Монументальность образа Богоматери заставляет вспомнить древнейшие фресковые и мозаические изображения, но ее фигура более живая, не без изящества, слегка наклонив голову, она как будто прислушивается к молитвам обездоленных.

Работа в Кижях сроднила нас с местными жителями. Тогда гостиницы в музее не было, все приезжие останавливались в деревне Ямка. От причала, находившегося тогда возле погоста, нужно было пройти по острову, напоминающему гигантского ящера с каменистым хребтом посередине. Вид со взгорья напоминал картину Левитана «Над вечным покоем», сходство усиливалось кладбищенскими крестами на возвышенности. За кладбищем, вправо и ниже, и стоит деревня Ямка, вполне соответствующая своему названию. Каждый, кто бывал или жил в Ямке, до конца своих дней не забудет бабушку Иринью — Ирину Михайловну Аникину. Когда я была на Кижях в последний раз, увидела на деревенском кладбище ее могилу, и сердце сжалось, как от утраты родного человека. С фотографии смотрело знакомое и такое дорогое лицо. Всегда бодрая, общительная и приветливая бабушка Иринья пользовалась уважением и любовью всей округи. Это была сильная духом женщина.

2006 г.

(Научный архив музея «Кижь». Ф.1. Оп.3. Д.4102)

ВИОЛА ГУЩИНА¹

ФРИЗ С СЕРАФИМАМИ

Летом 2005 г., через 20 лет после первого поступления, пополнилась коллекция акварелей и графики по кижской тематике, приобретенная в Санкт-Петербурге у Наталии Алексеевны Ильинской. В 1946 г. она была студенткой Академии художеств на дипломной практике в Кижях. Первое поступление акварелей в фонды музея от нее состоялось в 1985 г. Теперь в музее сформировалась персональная коллекция Н. А. Ильинской в количестве 16 единиц хранения.

Музей обладает ценными свидетельствами того далекого времени, когда рельеф острова Кижь хорошо и далеко просматривался из-за отсутствия тех зарослей, какие наблюдаются в настоящее время. Благодаря художественным работам мы видим, как располагались дома в деревне Наволок и какими они были, как использовались в то время... Иначе выглядела часовня в деревне Воробьи рядом с высокими, развесистыми елями и картофельными ямами, подступавшими к ее подножию. Видим Типиницкую церковь с разрушенным шатром...

Работы Натальи Алексеевны дают нам возможность полюбоваться тяблами и фризом с серафимами, сохранившимися от первоначального тяблового иконостаса в Преображенской церкви, тогда обнаженными в связи с опустевшими проемами от икон, вывезенных финнами в 1943 г. Эти ценнейшие свидетельства первозданного иконописного убранства долгое время томились, словно в заключении, за пышной резной золоченой рамой позднего иконостаса.

Увидеть все это стало возможным в связи с организацией Академией архитектуры СССР экспедиции по обмерам памятников деревянного зодчества в 1946 г. Экспедиция состояла из 2 независимых групп: одна под руководством Марии Евгеньевны Успенской (Ленинград) и 5-6 студентов архитектурного факультета Академии художеств (А. Бочаров, Т. Беленькая и другие). Вторая экспедиция — под руководством Александра Николаевича Буйнова (Москва) состояла из 2 человек — Ольги Максимовны, архитектора из Москвы (фамилию, к сожалению, не запомнила), и Наталии Ильинской, тог-

¹ Гущина Виола Анатольевна, ведущий научный сотрудник музея «Кижь».

да студентки архитектурного факультета Академии художеств. Все экспедиционные материалы обе группы сдали в Москву.

При приезде в Кижы участники экспедиции обратили внимание на малое количество населения, бедность и полуголодное существование. В отдалении от прославленного ансамбля была небольшая деревня, а также два деревянных двухэтажных дома — молочный завод и жилой дом, расположенные недалеко от церквей. Работать приходилось очень напряженно.

По моей просьбе Наталия Алексеевна поделилась своими воспоминаниями почти шестидесятилетней давности.

«После рабочего дня я в основном занималась акварелью, которую не должна была сдавать. Мне удалось поработать только в Преображенской церкви, — вспоминает Н. А. Ильинская, — церковь произвела на меня неизгладимое впечатление, особенно интерьер. От иконостаса остался только каркас, все иконы отсутствовали. «Небо» не было зашито: просматривалась вся конструкция и необычайная глубина подкупольного пространства. Конструкция тябл на «небе» была цела, и роспись их мне показалась удивительно интересной... Именно их я и скопировала. Слева от входа в зал тогда стояла приставная лестница, по которой можно было подняться на уровень «неба». Поднявшись туда и обойдя все, я увидела в довольно темном месте фриз с серафимами, который скопировала. Расположение фриза с серафимами помню точно, так как для этого нужно было перелезть еще через балку, то есть точно над алтарем, по периметру алтарных стен. Мне показалось совершенно невероятным его назначение, было жаль, что такую красоту никто не видит. Сама необъяснимость и, если хотите, нелепость его расположения поразила и врезалась в память.

Серафимы были разных тонов, я выбрала тот, который мне показался самым красивым. Помню, как трудно и осторожно нужно было добираться туда, так как я писала акварелью, с красками, этюдником, альбомом и водой. Копия с фриза мне удалась лучше, чем тябла, она довольно точна.

Совсем не помню самого процесса копирования тябл. Для этого, наверно, нужно было временно обратиться в летучую мышь, и как я это сделала — сейчас даже не представляю. В то время я совершенно не боялась высоты и в одной из церквей, по-моему в Сенной Губе, переходила по балке на большой высоте из одной части здания в другое, при этом со мной всегда был альбом и этюдник.

Работала я в церкви одна, меня пускал сторож. Однажды, в дождливый день, я решила написать этюд из окна алтаря и вдруг услышала причитания и плач на могиле. Ненастный день, пустота и тишина церкви и этот плач, скорее молитва, общение с душой умершего, помнятся мне и до сих пор.

Снаружи церкви были зашиты досками, а купола покрыты оцинкованным железом. Это было страшно. Сохранилась акварель, нарисованная против света, на которой чувствуется розовая покраска стен и сверкающие, как молочные бидоны, купола. Сверкание жести и розовая обшивка не вдохновляли, но все-таки они просматриваются. Силуэт же всегда был великолепен! В Покровской церкви мне работать не удалось, она была заперта, и у меня даже в памяти не сохранился интерьер. Несколько дней, проведенные в Кижях практически в одиночестве, остались в памяти на всю жизнь».

Наталия Алексеевна — удивительный человек! В жизни старается видеть хорошее, интересное. Счастлива своей любимой работой. До 80 лет, на протяжении последних 25 лет, читала курс лекций «История садово-паркового искусства и ландшафтной архитектуры» в Академии художеств на архитектурном факультете, который когда-то окончила.

До 82 лет консультировала дипломников. Кроме Академии художеств, с 1961 г. в Союзе архитекторов долго была заместителем руководителя ландшафтной комиссии, а последние 16 лет — ее руководителем.

За свою плодотворную творческую деятельность награждена редкостной медалью «За преданность содружеству зодчих».

Считает, что пора бы и угомониться, но поработать все-таки так еще хочется! Наталия Алексеевна — удивительная собеседница, горячо воспринимающая всю современную ситуацию в градостроительстве своего любимого Ленинграда — Петербурга.

Отрадно, что наш интерес к ее акварелям и графике стал своевременным, и приобретение их — ценным для музея «Кижы», что очень удивило ее и порадовало: «Сижу, потрясенная тем, что мои акварели так дорого стоят. Очень буду рада, если эти работы кому-то пригодятся, что они попали в музей — это все как сон!».

2011 г.

РАИСА КАТАЛКИНА¹

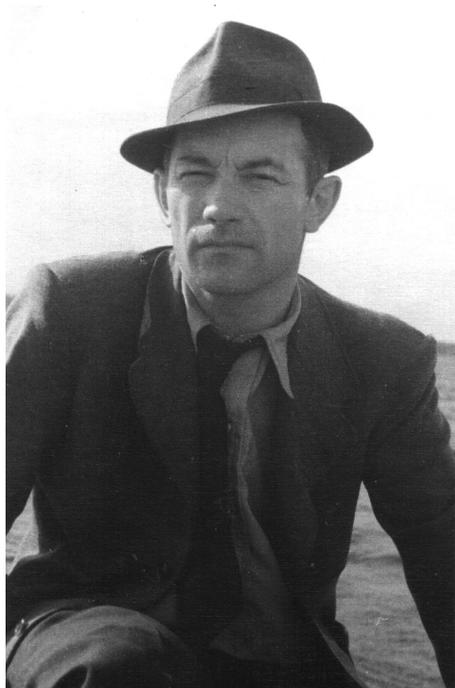
ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

Важную роль в формировании музея-заповедника «Кижы» сыграл выдающийся исследователь народного зодчества Русского Севера архитектор Александр Викторович Ополовников.

С 1946 по 1965 г. все работы, связанные с охраной памятников архитектуры, выполнялись Управлением по делам строительства и архитектуры при Совете Министров КАС-СР (ныне Госстрой Карелии), а генеральным консультантом всех работ в эти годы был Александр Викторович Ополовников. На острове Кижы состоялось мое первое знакомство с этим человеком, вклад которого в возрождение архитектурных памятников Русского Севера нельзя переоценить.

В июне 1949 г. я в составе небольшой группы студентов на колесном пароходе «Урицкий», который шел до Кижей около шести часов, прибыла на остров для прохождения преддипломной практики. В соответствии с заданием нам предстояло выполнить обмеры дома Ошевнева в деревне Ошевнево (в 1951 г. этот дом был перевезен на о. Кижы), а также в деревне Кургеницы жилые дома Корнилова и Ремесова.

Панорама Кижского погоста — это величие северного народного зодчества — превзошла наши ожидания! Иллюстрации, которые мы

А. В. Ополовников.

Фото 1950 гг.

¹ Каталкина Раиса Ивановна, архитектор по планировке городов и поселков Управления по делам строительства и архитектуры при Совете министров К-ФССР, старший архитектор по охране памятников Управления по делам строительства и архитектуры 1949 — 1965 гг.

видели в книгах, конечно, не могли передать действительную композиционную красоту этого ансамбля.

И в то же время от увиденного была какая-то грусть. Церкви и колокольня стояли в окружении развалившейся каменной ограды с колючей проволокой на деревянных покосившихся столбах. Рядом стояли старые дома (сельсовет, жилой дом, магазин). У входа приютилась сторожка. Церкви и колокольня были обшиты тесом, который уже успел прогнить во многих местах. Крыльца были наглухо обшиты тесом, главки покрыты железом — все это искажало подлинный облик шедевров деревянного зодчества. А интерьер Преображенской церкви был просто загроможден культовой атрибутикой, иконостас вообще отсутствовал, от неба сохранились только старые тябла.

Но развеять эту грусть помог нам Александр Викторович Ополовников, который в это время был на острове, уточнял материалы обмеров церквей, выполненные ранее архитектором Б. Гнедовским и кандидатом архитектуры Л. Лысенко.

А. В. Ополовников рассказал нам о своих планах по реставрации памятников и постепенному восстановлению их первоначального облика. Показал уникальные деревянные конструкции, которые кроме конструктивно-технических функций несли красоту: подзоры, причелины, потоки, курицы, лемех и многое другое.

Александр Викторович, несмотря на свой суровый вид и немногословность, рассказывал нам с такой теплотой о деревянном зодчестве, о срубах, о теплом материале — дереве, что у меня появилась мечта увидеть церкви в их первоизданном виде.

В дальнейшем моя судьба сложилась так, что я после защиты диплома была направлена на работу в Управление по делам архитектуры при Совете Министров КФССР (ныне Госстрой РК) на должность старшего архитектора по охране памятников архитектуры республики. И вся моя работа на протяжении многих лет была непосредственно связана с организацией работ по обследованию памятников, их охраны и ремонтно-реставрационных работ.

А. В. Ополовников в те годы работал в Управлении по делам архитектуры при Совете Министров КФССР по трудовым соглашениям и договорам, которые предусматривали первоочередные работы по обследованию памятников, их обмерам и проектам реставрации.

Нами составлялись ежегодные планы работ в соответствии с небольшим ассигнованием на охрану памятников. В основном

все проектные работы выполнялись Александром Викторовичем. Все проекты А.В. Ополовникова по реставрации проходили экспертизу в Академии архитектуры СССР и неизменно получали высокую оценку. С его участием определялись первоочередные работы. Впоследствии появилось много критиков, усомнившихся в правильности его подхода к реставрации кижских памятников, и до сих пор есть спорные вопросы, но в главном Александр Викторович был прав — и церкви, и дома надо было срочно спасать от неминуемого разрушения. В том, что сейчас можно увидеть такую красоту, — огромная его заслуга! А. В. Ополовников был человеком очень пунктуальным и аккуратным. За годы работы в Карелии им был выполнен огромный объем работ с точнейшими обмерами, обследованиями, пояснительными записками, историческими справками, фотоматериалом — и все это в установленные в договорах сроки. Кроме того, в договорах предусматривался авторский надзор за ремонтно-реставрационными работами, который Александр Викторович осуществлял, казалось, не по обязанности, а по велению своего сердца. Много времени и сил он отдал нашим краям. В любое время года, невзирая на бездорожье и отсутствие транспорта, отзывался на любой наш звонок, консультировал, а необходимые дополнительные шаблоны привозил сам или переправлял с попутчиками.

Несмотря на суровость и требовательность Александра Викторовича, у него сложились удивительные отношения с бригадой плотников во главе с большим мастером М. К. Мышевым, который очень уважительно относился к архитектору и всегда ждал его оценки. Кижских плотников всегда отличала большая ответственность за свою любимую работу. Плотники не обижались, если надо было иногда что-то переделать по указанию Александра Викторовича, потому что он не просто «давал указания», очень хорошо разбирался в их ремесле, понимал душу дерева. Ополовников учил их более тонко чувствовать пропорции архитектурных деталей, нередко сам брал топор в руки и управлялся с ним очень ловко. Вероятно, именно за это его и любили плотники.

По рекомендации Александра Викторовича было положено начало создания Кижского музея под открытым небом. Благодаря ему удалось сберечь для будущих поколений разрушающиеся дома и церкви. Сохранение памятников деревянного зодчества в музее-заповеднике считалось самой действенной формой. На протяжении ряда лет, в соответствии с выделяемыми средствами на охрану памятников, постепенно и целенаправленно воплощались в жизнь все рекомендации А. В. Ополовникова.

Нельзя также не вспомнить В. Г. Светличную-Брюсову, которой были проинвентаризованы все иконы Кижского погоста, в том числе и иконостас Преображенской церкви, вывезенный финнами во время оккупации в Финляндию и впоследствии возвращенный. До 1950 г. иконы находились в сарае Краеведческого музея. Все иконы были перевезены в Кижы. В. Г. Светличная-Брюсова провела большую работу по укреплению живописи и восстановлению Преображенского иконостаса, а также других икон, которые хранились в Кижях до 1963 г., а впоследствии были переданы в Краеведческий, а затем в Музей изобразительных искусств РК.

По роду своей деятельности мне приходилось ежемесячно посещать Кижы, принимать выполненные ремонтно-реставрационные работы. Кроме актов у нас был заведен рабочий журнал, в который М. К. Мышев записывал все замечания и основной перечень работ на следующий месяц. Я с большой благодарностью вспоминаю М. К. Мышева, он всегда встречал меня, когда я приезжала на остров, и был моим спутником при посещении других памятников, до которых добраться можно было только на лодке или пешком. Мы с М. К. Мышевым за годы совместной работы прошли очень много километров. Вот один из наших маршрутов: надо было посетить церковь в дер. Типиницы, потом пошли в дер. Яндомозеро, потом через Великую Губу в Леликозеро и обратно, а потом на теплоходе в Кижы добрались к ночи, но все запланированное сделали. Условия работы были очень сложные. В те годы добраться до Кижей, например, зимой было очень трудно: из Петрозаводска до Медгоры на поезде, оттуда до Великой Губы на автобусе, а там еще 25 км по льду на лошади. Зимой недалеко от Яндомозера рабочие заготавливали лемех для реставрации кижских куполов, М. К. Мышев возил меня туда на лошади для уточнения пропорций лемеха и объема выполненных работ. Условий для размещения никаких — только благодаря доброте и гостеприимству местных заонежских жителей, в домах которых можно было обогреться и заночевать. И все же такие условия работы не пугали людей, которые ценили эту уникальную красоту памятников деревянного зодчества и работали с большим энтузиазмом для сохранения исторического народного наследия Карелии. Низкий им всем поклон!

Хотелось бы отметить большую работу А. В. Ополовникова по пропаганде памятников Карелии. В те годы было выпущено несколько буклетов об отдельных памятниках, а посещаемость острова Кижы из года в год стала возрастать. Если в 1949 — 1952 гг. это были единицы (мы вели журнал регистрации посещений) и в основном это были специалисты и студенты архитектурных вузов, то когда стали ходить те-

плоходы, желающих познакомиться с Кижами стало больше, включая большие туристические теплоходы. Экскурсоводов в штате Управления по делам архитектуры не было, и Александр Викторович не отказывался лично проводить экскурсии и очень интересно рассказывал туристам о памятниках.

В 1964 г. Управлением по делам архитектуры было организовано совещание, посвященное 250-летию Кижского архитектурного ансамбля, на которое были приглашены специалисты со всех регионов страны. А. В. Ополовников сделал содержательный доклад и провел экскурсию по острову Кизи.

Александр Викторович представлял нашу Карелию в составе делегаций на больших совещаниях в Ленинграде, Риге, где выступал с докладами об архитектурных памятниках Русского Севера.

В 1965 г. полномочия по охране памятников архитектуры были переданы Министерству культуры КАССР.

Весь свой колоссальный труд по сохранению памятников архитектуры Русского Севера А. В. Ополовников отразил во множестве научных работ, среди них — две замечательные книги: «Памятники деревянного зодчества КАССР» (1955 г.) и «Русское деревянное зодчество» (1983 г.). Эти книги — памятник замечательному человеку, отдававшему все свои силы делу сохранения шедевров деревянного зодчества.

2004 г.

О КИЖАХ И НЕ ТОЛЬКО. ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Р. И. Каталкина. Фото 1954 г.

Работа, связанная с охраной памятников архитектуры, эти 16 лет остались в памяти на всю жизнь. Это была работа интересная, ответственная, она не только увлекает, но и завораживает на долгие годы.

Конечно, учитывая те послевоенные годы, было непросто решать серьезные задачи и осуществлять первоочередные работы по сохранению памятников архи-

тектуры. Так как все было связано с выделяемым финансированием. Это были годы тревог, разочарований, надежд на понимание, а когда что-то получалось, конечно, была радость.

Приятно вспомнить, что по жизни мне встретилось много хороших, ответственных, понимающих и профессиональных людей. Конечно, это А. В. Ополовников — человек, посвятивший свою жизнь изучению деревянного зодчества, М.К. Мышев — мастер, большой умелец плотницкого дела, Б. В. Гнедовский — первый автор обмерных чертежей памятников Кижского погоста, которые и послужили основой для обмерных чертежей и проекта реставрации А. В. Ополовникова.

Забегая вперед, скажу, что в созданной Научно-реставрационной мастерской Б. Гнедовский взял на себя руководство проектной группой. Но с ликвидацией мастерской был потерян такой архитектор, который ценил историю Карелии, поднимал вопросы по сохранению памятников Петрозаводска и республики и во всем поддерживал Д.С. Масленникова (бывшего тогда начальником Управления по делам строительства и архитектуры).

Дмитрий Сергеевич Масленников — мой первый руководитель, который был у истоков послевоенных работ по сохранению памятников архитектуры Карелии. При наличии огромных сложных задач по развитию и планировке городов и поселков республики, Д. С. Масленников уделял большое внимание сохранению памят-

ников архитектуры. Когда я в 1949 г. приступила к работе в Управлении старшим архитектором по охране памятников архитектуры и художественной промышленности, Д. С. Масленников поставил передо мной большие задачи по организации работ по сохранению архитектурного наследия. А это — определение объемов первоочередных работ по обследованию памятников, уточнению списков памятников, подлежащих государственной охране, заключению договоров на проектно-сметные работы.

Дмитрий Сергеевич привлекал для консультаций авторитетных специалистов — архитекторов Л. М. Лисенко, Б. В. Гнедовского, А. В. Ополовникова, который и стал автором большого количества проектов обмера и проектов реставрации памятников и в дальнейшем осуществлял авторский надзор за ремонтно-реставрационными работами.

Учитывая заинтересованность А. В. Ополовникова в работе на территории Архангельской области, Сибири и других районах, Д. С. Масленников просил меня находить компромиссные решения при подготовке заданий и договоров на проектные работы, чтобы сохранить А. В. Ополовникова для ведения работ по сохранению памятников Карелии. Учитывая большой объем работ по сохранению памятников, Д. С. Масленников в те непростые послевоенные годы сумел доказать и убедить руководящие инстанции в необходимости создания Научно-реставрационной мастерской (НРМ) и создал ее при Управлении по делам архитектуры.

В составе мастерской была проектная группа, которую возглавил Б. В. Гнедовский, строительная группа, возглавляемая М. К. Мышевым. В штате был художник-реставратор Г. В. Жаренков, который принимал участие в укреплении иконостаса Преображенской церкви под руководством В. Г. Светличной-Брюсовой, кандидата искусствоведения. Иконостас был возвращен из Финляндии и, учитывая его плохое хранение, был в аварийном состоянии.

За Управлением осталась роль заказчика. В общем, все было налажено и организовано. Сделано все своевременно, и в этом большая заслуга Д.С. Масленникова. Работа НРМ шла с нарастающими темпами. Обследовались памятники, устанавливались охранные доски, велись ремонтно-реставрационные работы и работа в архивах с выпиской исторических справок.

Было принято решение о перевозке памятников на остров Кижы в соответствии с ситуационным планом, хотя утвержденного Генплана еще не было. Перевозка памятников с последующими ремонтно-реставрационными работами была экономически обоснована.

Так были перевезены дом Ошевнева, дом Елизарова, церковь Воскрешения Лазаря и еще четыре памятника.

Но это радовало недолго. Д. С. Масленников был снят с работы, причем решение было неожиданным и непонятным. Были собраны подписи ведущих специалистов в защиту Дмитрия Сергеевича, но это не было услышано, и он ушел с работы. Очень было жаль, что республика потеряла такого широко образованного и высококвалифицированного специалиста, заинтересованного и так много сделавшего для развития нашей республики.

Результат этого не заставил себя долго ждать. Вскоре после ухода Д. С. Масленникова НРМ была ликвидирована. Сложившаяся проектная группа была распущена. Вопрос стоял о сохранении строительной бригады. На момент ликвидации мастерской я была назначена временно исполняющей обязанности начальника, так как начальник мастерской Г. Селезнев тоже был снят с работы. Было невероятно тяжело подписывать документы по ликвидации мастерской, осознавая ее огромное значение в сохранении памятников.

Но худа без добра не бывает. Начальником Управления по делам строительства и архитектуры был назначен Р. А. Соломонов, который с пониманием отнесся к моему предложению по сохранению бригады плотников. Согласовал с необходимыми инстанциями решение о принятии бригады плотников в штат Управления, и бригада была сохранена! Работы были продолжены хозяйственным способом. Но в штате Управления не было хозяйственной части, и все вопросы приходилось решать самим — приобретение строительных материалов, организация транспорта. Но М. К. Мышев активно включился в работу, и мы вместе решали все возникающие вопросы.

Время не стояло на месте, и опять было принято новое решение Правительства Карелии: Управление по делам строительства и архитектуры было передано в состав Министерства коммунального хозяйства КАССР. Р. А. Соломонов, обеспокоенный судьбой памятников, внес предложение министру коммунального хозяйства В. И. Вараксину организовать строительную группу по ремонтно-реставрационным работам при проектной конторе «Коммуналпроект». Предложение было принято, и строительная группа была организована. Возглавил ее Б.В. Моталев, который по-доброму принял бригаду плотников М. К. Мышева.

К этому времени изменилось отношение к памятникам. Увеличилось финансирование, и соответственно, увеличились объемы реставрационных работ. Так были спасены и перевезены в Кижы дом Елизарова из деревни Середка и другие памятники. Но сколько

домов было потеряно ранее из-за недостатка финансирования. Разрушенные дома-памятники, расположенные вдоль берега и обозреваемые по ходу движения теплоходов, были разобраны по распоряжению «инстанций».

Вспоминаю еще один момент, который изменил отношение к памятникам в Карелии. Это первое посещение Кижей иностранной делегацией во главе с послом США в России Чарльзом Боленом. То, что мы не могли решить, стало решаться в кратчайшие сроки.

А получилось так. Я была в Кижях — в то время шли работы по покрытию главок Преображенской церкви лемехом. И остров посетил Председатель Совета Министров КАССР И. С. Беляев. Он попросил показать ему памятники. Я с огромным удовольствием проводила его по острову и показала все достояние Кижей. И, конечно, воспользовалась случаем и рассказала и о проблемах, которые не решались. А это небольшое финансирование, отсутствие охраны, противопожарного оборудования. Показала, в каких условиях живет бригада плотников. Рассказала, что тревогу с точки зрения пожарной безопасности памятников вызывает магазин, расположенный вблизи погоста и посещаемый жителями окружающих Кижы деревень. А вопрос о переносе его в Боярщину не решался. Да и причал, расположенный в непосредственной близости от погоста, тоже доставлял беспокойство. Пассажиры, ожидая теплоходы, разводили костры, а охрана в Кижях — один сторож да бригада плотников, когда она там работала. Вопрос о переносе причала в деревню Васильево также не решался.

И. С. Беляев выслушал меня и попросил все изложить в письменном виде и представить ему. По приезде в Петрозаводск я подготовила письмо, изложила все, что считала необходимым и первоочередным, а в конце добавила: «Нужна в Кижях лошадь», — ведь транспорта в Кижях не было. Это письмо подписал начальник Управления Р. А. Соломонов и посмеялся: «Много ты хочешь, еще и лошадь!» Письмо отправили в Совет Министров и стали ждать.

Так получилось, что прошло совсем немного времени, и я опять еду в Кижы готовиться к встрече первой иностранной делегации. А что можно было сделать? Только организовать уборку территории, в том числе у магазина и причала. Все сделали и ждали делегацию. Но приходит неожиданно грузовой катер и — сюрприз! Привозят оборудование для общежития: кровати, постельное белье, одеяла. И, кроме того, прибыла бригада в наше распоряжение. А у нас территория уже убрана. Я говорю: «Надо убрать магазин». Все наличные в магазине продукты, бутылки были вывезены на территорию сель-

совета в деревне Боярщина. Магазин был быстро разобран, все убрано, а площадь закрыта дерном с ромашками. Вот так быстро решился многолетний нерешаемый вопрос!

А в скором времени был установлен причал-дебаркадер в деревне Васильево, а у Кижского погоста приставали только туристические теплоходы. А лошадь? Да и она появилась в бригаде и стала помогать в перевозке материалов. А самое главное — финансирование на следующий год увеличилось в два раза. Стал решаться вопрос по установке противопожарного оборудования.

В общем, все было хорошо, только я не могла понять, кого благодарить — председателя Совета Министров Карельской АССР И. С. Беляева или первую иностранную делегацию на остров Кижы во главе с послом США в СССР Чарльзом Боленом?

Многое осталось в памяти. Мои путешествия и зимой, и летом. Это и Лычный остров, Яндомозеро, Типиницы, Челмужи, Кемь, Кондопога, Кавгора, Леликозеро и, конечно, остров Кижы и его «ожерелье» — Волкостров, Подъельники, Корба, Кургеницы и др.

С развитием Кижей возникали вопросы организационного порядка. В штате Управления не было экскурсоводов, смотрителей, не было дома для приезжих. Со временем там был организован филиал гостиницы «Северной» на 10 мест. На летний период стали работать экскурсоводами Д. Костромитинов, М. Прасолов.

В общем, подошло время, когда вопросы развития Кижского заповедника нельзя было откладывать. И министр культуры КАССР Л. Н. Колмовский поставил вопрос о передаче памятников архитектуры этому министерству. Это было правильное и своевременное решение, поддержанное Управлением по делам строительства и архитектуры. Переход произошел спокойно, работа продолжалась без остановки. Я была счастлива, что все перешло в хорошие руки.

Сейчас радуется, как изменилось отношение к памятникам архитектуры и истории, как развивается музей-заповедник «Кижы», который уже отмечает 50-летие своей уникальной работы и чей коллектив по праву может гордиться своим вкладом в дело сохранения памятников деревянного зодчества и истории.

Сейчас у музея серьезный период, связанный со сложной и уникальной работой по реставрации Преображенской церкви. Но я уверена, что эта работа будет успешно завершена!

И исполнится мечта — увидеть это возрождение!

2015 г.

МЮД МЕЧЕВ¹

ВОТ ТЫ КАКОЙ!²

В управлении в большой приемной комнате... в красивом симметричном порядке на больших планшетах, на прекрасной ватманской бумаге перед нами предстали рисунки церквей в технике отмывки тушью, великолепно исполненные с тем безупречным мастерством и умением, с которым сопрягается только слово «виртуозность».

На столе, на диване на медвежьей шкуре, на полу, на подоконнике (в московской квартире Ополовниковых) лежали прекрасные тонкие отмывки. Будто не рука современного художника, а рука времени Гау или Брюллова сделала то, что я видел, — тонкие, наполненные воздухом, легкие, очаровательные в своем обаянии купола с лемехом, прекрасная рубленая ограда с чудными воротами, обе церкви и часовня из Леликова, и ветряная мельница, и большой обетный крест, и дом Ошевнева, и колокольня... но все эти деревянные создания были без обшивки. И сразу, моментально, стало понятно, что это было за чудо — деревянное зодчество! Бревно с его строгим открытым видом и особенной поверхностью было лицом этого зодчества, его сущностью, его сокровищем! Как недоступно, возникает или чувство зависти и неприязни у дураков, или чувство радости и желания учиться, подражать, сравняться у тех, кто умеет и хочет учиться. А во мне в этот момент архитектурные работы Александра Викторовича поселили восхищение, радость и благоАрность художнику, а больше всего поразило их совершенство и грандиозность самого замысла.

В светелке дома Ошевнева — рабочем месте Ополовникова в летнюю пору — на большом столе были расположены его бумаги и рисунки, стены были завешаны прекрасными, божественными тушевыми отмывками церквей, домов и часовен.

2007 г.

¹ Мечев Мюд Марьевич, художник, график, член-корреспондент Академии художеств, с 1949 г. периодически работает в Карелии, иллюстратор «Калевалы», «Повести временных лет», Евангелия.

² Фрагмент воспоминаний, опубликованных в журнале «Север» (2007, № 7-8).

ВЛАДИМИР КРОХИН¹

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

По 16 часов в сутки работал Ополовников. Он приезжал в Кижы на 2 — 3 месяца и работал. В реставрации всегда почувствовал не теоретически, посылая из Москвы советы-приветы, а практически. Бревно к бревну «причертить» мог не хуже любого плотника. Он показывал, как надо затесать. Учил их топором: все, что было плохо сделано, вырубал топором, давая метку по колоде топором. Рабочие его любили.

Характеризуя так: «Толковый мужик, но крутой». Он был требовательным до самозабвения. Требовал исправлений. И переделок было много: неделю сидит, требует исправить. И они исправляли. Даже проекты реставрации прямо в Кижях делал. Тогда еще при керосиновой лампе приходилось работать. Для деревянного зодчества А. В. Ополовников — первый и по проектам и по реставрационным работам: совмещал их вместе. Обычно рабочим нужно было сделать чертежи в трех проекциях: фасад, разрез и перспектива. И он все делал хорошо. Рисовать умел хорошо: представлял все объемно. Лучше Ополовникова отмывки обмеров и проектов реставрации никто не делал.

А. В. Ополовников — большой реставратор русского деревянного зодчества. Хорошо, что есть его дочь, Елена Александровна: она правильно вошла в его колею. Дуэт получился прекрасный.

(Из устного рассказа В. А. Крохина 2006 г. в записи В. А. Гузиной)

¹ Крохин Владимир Анатольевич (1924 — 2009), архитектор-реставратор Архангельской реставрационной мастерской (1953 — 1973), Карельской специализированной научно-реставрационной производственной мастерской, ООО «Лад» (1974 — 1998 гг.).

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ¹

ГЕНЕТИКА МАСТЕРСТВА

Окончив архитектурное отделение Петрозаводского архитектурно-строительного техникума, в 1951 г. я был направлен на работу в научно реставрационную мастерскую при управлении по делам строительства и архитектуры при Совете Министров. В эти годы начинались масштабные реставрационные работы по Кижскому ансамблю деревянного зодчества.

Возглавлял эту работу московский архитектор А. В. Ополовников, руководил Б. Ф. Елупов, который жил в деревни Ерснево, рядом с домом моего отца.

Здесь я впервые познакомился с Александром Викторовичем. Он много рассказывал о своем видении реставрации Преображенской и Покровской церквей. Мне, молодому технику-архитектору, интересно было все это слушать. Любил он рассказывать охотничьи байки, т.к. сам был заядлым охотником.

Мой родственник – Маньшин Никита Григорьевич – был высококвалифицированным столяром. При реставрации этих объектов выполнял все погонажные детали (причелины, полотенца, наличники и др. детали). Вспоминается один из эпизодов рассказа А. В. Ополовникова.

Когда при восстановлении крыльца Преображенской церкви нужно было изготовить столбы по подобию одного сохранившегося, который стоял с левой стороны, о стену при входе в трапезную, я дал задание Никите Григорьевичу изготовить все другие. И вот когда столбы были готовы и установлены на место, я обнаружил, что взамен трех порезок на столбах, венчающих резную выкружку столба, Никита Григорьевич сделал четыре порезки, а не три. Я сделал ему замечание. Он ответил: Александр Викторович, посмотрите внимательно на все, убедитесь, что столбы с четырьмя порезками выглядят не хуже, а лучше, да и мы не хуже тех мастеров, что делали раньше.

Да, присмотревшись, я убедился, что прав Никита Григорьевич. Так чувство художественного мастерства архитектора-реставратора и мастера-исполнителя реставрации объединились в живое мастерство реставрации памятника Кижского деревянного зодчества.

2010 г.

¹ Максимов Владимир Николаевич, из деревни Ерснево Кижского сельсовета. В 1951 г. окончил архитектурно-строительный техникум, в 1964 г. — Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Два г. работал на реставрации кижских памятников, позже — сотрудник МВД.

ЮРИЙ СМИРНОВ¹

ПОЛУЗАБЫТЫЕ ЭПИЗОДЫ ИЗ ИСТОРИИ КИЖЕКОГО ОСТРОВА

Каждый человек, кто бывал в Кижях, наверное, хранит в своей памяти самые первые впечатления. Храню их и я, уже почти 60 лет. И, вспоминая, всегда удивляюсь: да было ли это наяву и со мною? Нынешняя юбилейная дата в жизни Кижского собора подталкивает откликнуться, но боязно отозваться, потому что те первые впечатления давно и слоями накрывались впечатлениями от последующих поездок на остров. Я опасаясь вспоминать впечатления, я решаюсь сказать о событиях и людях летом 1956 г.

Тогда совершалась первая экспедиция Московского университета по следам Рыбникова, Гильфердинга и братьев Соколовых. Замысел этих экспедиций принадлежал Владимиру Ивановичу Чичерову, участнику экспедиций братьев Соколовых, ставшему заведующим фольклора филологического факультета МГУ. Эту экспедицию возглавила Эрна Васильевна Померанцева, ученица Ю. М. Соколова. Среди участников было несколько человек, уже ездивших в фольклорные экспедиции: Н. Савушкина, М. Роговская, Л. Астафьева, А. Филатов, В. Гацак. Больше, однако, было новичков. Имена некоторых из них — С. Ожеговой, Е. Костюхина, Ю. Новикова — потом зазвучали в среде фольклористов.

Промозглым утром из плацкартного вагона довоенной постройки шумной толпой мы двинулись по проспекту вниз, к озеру. Шли, вчитываясь в двойные названия и удивляясь им. Во всю ширину проспекта, на высоте третьего этажа висел плакат. На нем крупно и старательно было выписано неожиданное утверждение: «Люди пожилого возраста, в спорте ваша молодость!» Стены домов были заклеены множеством плакатов и объявлений, порою весьма развеселых. Чаше других виделась афиша, на которой крупно красовалось слово «ТИГРОЛЕВ». Приблизившись к афише, можно было разглядеть слово помельче и пониже первого: «африканский». А уж совсем в упор можно было увидеть еще ниже и совсем маленькими буквами, в скобках слово «гибрид». Этой афишей почтенную

¹ Смирнов Юрий Иванович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН.

публику зазывали на представление заезжего цирка. Увы, попасть в цирк не удалось. Зато с тех пор я активно пользуюсь выражением, «тигролев африканский (гибрид)» повсюду ищу этого зверя, расспрашиваю о нем и нигде не могу обнаружить ни зверя, ни даже рассказов о нем.

Уже внизу проспекта мы свернули на левую боковую улочку, где в обычном жилом доме на первом этаже, в обычной квартире среди столов и шкафов помещалось присутственное место петрозаводских фольклористов. Они не отказали нам в пристанище прямо в своем присутствии. Помнится, более других в нас приняла участие У. С. Конкка. Она мне очень понравилась своей предупредительностью и терпеливостью. Выдержать такую шумную ораву, как наша, могла, наверное, только она.

Кажется, раза два наскоро нас навещал К. В. Чистов. Он готовился к поездке на Белое море и более говорил о ней, чем о том, что нас интересовало. Он смотрел на нас так снисходительно, что кое-кто из нас принимал это за высокомерие. Тогда мы не могли оценить его поездку вместе с женой Бэлой на Пудогу в конце 30 гг. Много позже, спустя несколько десятилетий я просмотрел в петрозаводском архиве все их пудожские записи и только после этого мог бы оценить снисходительность К. В. Чистова. Вроде бы уже тогда он рассказывал о судьбе тиража «Былин Пудожского края». Вагон с тиражом стоял в тупике близ Петрозаводского вокзала. Торговцы не спешили его разгружать. А тут началась война, и финские самолеты подожгли вагон. Вот этим Чистов и объяснял почти полное отсутствие сборника в книжных магазинах. Позже эту версию я слышал и от А. Д. Соймонова, составителя этого сборника.

На старинном, кажется, двухпалубном пароходе мы отправились в Кижы. Пароход еле двигался. Ему мешал и туман. Мы добирались до Кижей едва ли не целую ночь. Иногда выбирались на верхнюю палубу, но холод и сырость выгоняли нас с нее. На палубе порой можно было заметить пожилого мужчину и женщину помоложе. Эрна Васильевна всполошилась: «Да это же Лихачев!» Она подходила к нему, разговаривала, а нас не подводила, не знакомила. И мы держались от Лихачева подальше, еще не ведая толком, что же это за персона. Оказывается, он ехал в Кижы, чтобы посмотреть на собор. Так и не случилось мне тогда пообщаться с этим человеком. Это случилось много позже и совсем в иных обстоятельствах.

Те, кто ездил в Кижы, наверное, за извечную принимают ограду вокруг собора, бревенчатую, с башенками. А в 1956 г. этой ограды не было. Ее позаимствовали у Порженской церкви, что и теперь стоит в половине дневного перехода к югу от Кенозера. Собор и церковь стояли тогда без оград. Возле собора, пожалуй, еще стояло множество крестов, и чувствовалось, что за некоторыми могилами приглядывают. В собор нас пустили. Мы долго стояли в его гулком нутре, и страшно было смотреть вверх. Казалось, начнешь слишком вглядываться вверх, и тебя туда потянет, поднимет и невесть куда утянет. Собор был пуст. Иконостас финны вывезли. И как раз при нас финны прислали некоторое множество икон обратно, в очень тщательной упаковке. Старичок хранитель гордо показывал нам на возвращенное, произносил речи о возвращении еще не присланных икон и рассуждал о том, как ему восстановить иконостас: а ведь людей-то нету!

Старичок хранитель милостиво позволил нам поместиться в доме Ошевнева. Вся наша экспедиция легко там разместилась, и еще оставалось место едва ли не для такой же экспедиции. Старичок хранитель постоянно навещал нас, всегда наскоро. Он передвигался исключительно рысью. Его можно было увидеть едва ли не одновременно в самых разных частях охраняемой им территории. И больше всего его тревожило питейное заведение. Те, кто теперь видит неподалеку от дома Ошевнева, ближе к озеру цветник и место для курения, разумеется, ни за что не догадаются, что когда-то на этом месте находилось питейное заведение. В нашу бытность оно процветало. К нему на лодках из околных деревень приплывали мужички. Моторов тогда не водилось. Лодки-кижанки были длинными, тяжелыми, надсадными для нас при гребле увесистыми веслами. А мужички довольно резво управлялись с лодками и потом подолгу задерживались под стенами церкви и дома Ошевнева. Старичок хранитель рысил мимо них, забегал к нам и все бормотал: «А ведь подожгут, подожгут!» И мы тоже с тревогой взирали на толпу мужичков.

В разгар тревоги вдруг появился старичок хранитель с бумажкой. В ней его уведомили о том, что в Кижы днями приедет английский посол, какового и надлежит подобающим образом встретить и приветить. Не знаю, кто надумил старичка надавить на каких-то местных начальников, а только в одну северную ночь, благо она светлая-пре-светлая, те же самые мужички дружно раскатали по бревнышку это питейное заведение, расчистили место, засыпали желтым песочком,

вкопали два столба и между ними натянули волейбольную сетку, видимо, для того, чтобы английский посол наигрался в волейбол после посещения собора. А посол не приехал! И я до сих пор никак не могу узнать, действительно ли английский посол грозился приехать в Кижы или кем-то была разыграна многоходовая операция по защите кижских церквей от возможных угроз со стороны подвыпивших мужичков.

Нам очень хотелось увидеть посла. Ведь мы дотоле и в глаза не видывали ни одного англичанина. Чаяли узреть, да не сподобились. Едва узнали о незадаче, разбились на две группы и разъехались по своим деревням.

2012 г.

БОРИС МОТАЛЕВ¹

ВОСПОМИНАНИЯ О КИЖАХ

Б. В. Моталёв. Фото 1960 гт.

М. К. Мышев и Б. Ф. Ёлупов на
восстановлении часовни из
д. Кавгора. О. Кижы. Фото 1960 гт.

Я родился в 1915 г. в Кировской области. В 1935 г. закончил Устюжский архитектурный строительный техникум.

Работал в системе Министерства коммунального хозяйства (МКХ).

Работая в проектной конторе МКХ, которая в последние годы (1957 г.) временно вела работы по реставрации памятников архитектуры в республике, полюбились мне старинные постройки, т. е. памятники деревянного зодчества, и я принял решение работать в этой области. Сначала был прорабом ремстройучастка, а потом начальником участка с 1957 г. Памятники деревянного зодчества шли тогда в ведении Управления архитектуры Совмина КАССР.

В 1967 г. образовался музей «Кижы», куда и передали Ремстройучасток с рабочими, материалами и лошадью Машкой. Вот и все хозяйство.

С июня 1967 г. я был переведен на должность зам. директора музея «Кижы», где и работал до выхода на пенсию в 1977 г.

Строительно-архитектурный участок был небольшой, до 20 человек. В основном местные жители. Все хорошо знали

¹ Моталев Борис Васильевич (1915 — 1991 гг.), руководитель секции реставрации проектной конторы МКХ КАССР, зам. директора музея-заповедника «Кижы» по реставрации и строительству в 1960-е – 1970-е гг.

плотницкое дело, были среди них и лодочные мастера, которые шили лодки-кижанки. Все мы были, можно сказать, патриотами этого дела; работать и жить приходилось в очень трудных условиях, на сухом пайке. Необходимо отметить рабочих К. П. Клинова, Б. Ф. Елупова, Н. И. Степанова, П. М. Мотова.

Все работы выполнялись ручным способом, а транспорт — одна Машка. Работа велась по старинке — распиловка продольной и поперечной пилой, был набор и столярного инструмента. В основном, конечно, топор.

Были домкраты до 60 тонн, лебедки, а чаще всего применялись блоки.

Мы занимались реставрацией не только в Кижях, но и на периферии: в Кондопоге, в Кеми, Яндомозере и др.

Работа велась по проектам А. В. Ополовникова, под его руководством выполнялись и обмерные работы. Принимала работу Каталкина Р. И.

Большой вклад в дело сохранения памятников внес, работая мастером, Мышев Михаил Кузьмич, патриот этого дела. Работая с бригадой строителей на жилых объектах еще до реставрации памятников, он получил хорошую закалку и мастерство, а главное, стал организатором строительства и реставрации деревянных построек в Карелии. Он хорошо знал людей, кому что можно доверить. Ему пришлось заниматься перевозкой построек, в первую очередь тех, которым грозила на местах утрата: были перевезены на остров Кижь дома Ошенева и Елизарова, несколько домов в деревню Ямку, ветренная мельница из Волкострова и водяная из Березовой Сельги.

Когда я только приехал, отношение к нам, реставраторам, со стороны партийных и советских органов было плохое, с презрением, такое же и у большинства местного населения. Было время, собирались разобрать церкви. Их поддерживали и председатели колхозов. Наша бригада отстояла, пришлось им уйти восвояси, хотели пилить на дрова.

С большим трудом перевозилась часовня из Кавгоры; приходилось на себе детали переносить через болота, дороги не было — это был героизм рабочих — именно патриотизм и воля старших поколений людей. Внутреннее оборудование было растащено и поломано. Состояние памятников было плохое — крыши протекали, оконные и дверные проемы сняты, печи разобраны, декор разбит и т. д.

На Преображенской церкви лемеха не было, главки покрыты железом, некоторые венцы выпирали из сруба. Кровля представляла

гнилые отдельные кусочки. Обшивка была снята по указанию Ополовникова, под железом нашли остатки лемеха, которые были взяты за образцы при восстановлении. На венцах сруба большая гниль. Ее приходилось заменять и ставить коронки.

Лемех тесали из осины, которую заготавливали на берегу вплоть до деревни Яндомозеро, и на лошадях везли в Кижы.

Основание дало осадку, и пришлось поднимать домкратами. Иначе грозила авария памятника. Крыльцо полуразрушено. Пришлось заменить тетивы и ступени, площадки. Заменять связанные бревна длиной до 18 м в трапезной было нельзя, могла быть авария. Потеря связи – авария стены.

Вся надежда была на химическую пропитку древесины, которая велась представителями Сенежской лаборатории. Но, со слов работников музея, она не оправдалась. Химические вещества отрицательно повлияли на сохранение древесины.

Представляется, что правы были те, которые ратовали за переборку памятника старым дедовским способом. Другого выхода нет.

Химической пропитке Преображенская церковь не подвергалась.

Но ошибкой было и посадить ее на металлический каркас, который установлен в центре памятника и сделал его недоступным для туристов. В Покровской церкви кроме ремонта кровли и главок (замена лемехов) ничего не делалось, но она тоже находится в аварийном состоянии, видимо, и она должна подвержена переборке.

Для переборки нужно много сделать в качестве подготовки. Этот вопрос надо еще раз хорошо продумать с заготовкой леса и механизмов подъема, рабочей силой.

Использовать документацию Ленинградского инженерно-строительно института.

О недостатках в работе

Должным образом из года в год не решался вопрос с обеспечением лесоматериалами. Для этих целей нужен спецлес, хорошо выстоявший в борах и высушенный, в штабелях, гладкоствольный, смолистый, не подсоченный. А мы получали лес в основном из Ламбасручья, где-то в конце лета, что влияло на его качество, без сортировки и осмотра хотя бы на месте при сплотке.

Отсутствовал автотранспорт, что не позволяло заглянуть в глубину для выбора леса из старых домов.

У нас не было плотничного и столярного инструмента старого образца. Мы не были обеспечены современной подъемной техникой.

Не было жилого дома для строителей. Не было набора и обучения молодых рабочих. К работе привлекались студенты в летнее время.

О ликвидации первого аварийного состояния Преображенской церкви

Когда впервые в 1957 г. я пришел на Преображенскую церковь, понял, что за ней нет постоянного наблюдения нет журнала посещения и т. д. Когда установили геодезическое наблюдение выяснилось, что она движется на восток, на несколько мм в год, сразу все были приняты меры:

- подведен (усилен) фундамент: деревянные стулья и камни внутри подвала и снаружи;
- установлено проветривание помещения;
- установлены сжимы на стенах;
- заменены гнилые части венцов;
- установлены коронки со снятием гнилых частей;
- ликвидированы протечки воды в кровле;
- натянут трос наверху сруба в районе «неба» и верха иконостаса.

В результате принятых мер отклонение памятника на восток прекратилось.

Несвоевременное принятие указанных мер могло привести к аварии, журнал надо было вести постоянно, особенно по Преображенской церкви.

Материалы наблюдения (чертежи, графики и др.) в проекте ЛИСИ стали храниться у гл. хранителя музея.

Вариантов и предложений по укреплению Преображенской церкви было много; все они обсуждались на совещаниях, большинство из них было за сохранение памятника на месте без переборки. Дело, конечно, завидное, но реально не выполнимое. Вся надежда была на применение химической защиты. Когда с этой идеей в Карелию приехал профессор Горшин С. Н., лет 10 тому назад, он был принят в Совмине и обкоме партии, быстро вошел в доверие всех специалистов и работников музея. Он доказывал, с повторной химической обработкой памятники могут сохраняться до 100 лет.

Дело заманчивое. Быстро создали на острове полигон с лабораторией, сделали ванну длиной 7 м для вымачивания старой и новой древесины; т. е. все просьбы были выполнены, работали студенты ЛИСИ. Была также внедрена панельная пропитка стен строений, но должных результатов она не дала. Сам Горшин молчит, в газетах его не слышно.

Химией занималась реставрационная контора, у нее вся документация.

Что делать дальше с Преображенской церковью?

1. Установить наблюдение за памятником, его наклоном, не допустить аварийного, опасного состояния, при котором и переборка будет затруднена. Следить за выпучиванием стен (венцов), особенно на восточную сторону. Время не ждет, надо принимать решение одновременно составить кадры, материалы, жилье для рабочих.

2. Проинвентаризировать весь материал, сгруппировать его, все проекты и протоколы совещаний. Поручить видному деятелю просмотреть все еще раз и грамотно отнестись к накопленной информации и выяснить, что можно использовать для ускорения решения вопроса о сохранении Преображенской церкви.

1990 г.

(Научный архив музея «Кижи». Ф.1. Оп.3. Д.1473)

НИКОЛАЙ ВОРОБЬЕВ¹
НАЧАЛО МУЗЕЯ (КИЖСКИЙ ОТДЕЛ)

**Сотрудники музея «Кижь» с родственниками (слева
третий — Н. В. Воробьев, пятая — Н. М. Кожарина;
справа пятый — Н. И. Долголенко).
О. Кижь, фото 1962 — 1963 гг.**

Домузейное время

В 1945 г. территория Кижского погоста была объявлена государственным заповедником. Однако только отдельные любители архитектуры могли ознакомиться с ансамблем.

С 1949 г. под руководством архитектора Ополовникова А. В. начались реставрационные работы на существующих кижских памятниках и перевозка уникальных сооружений из других районов Карелии.

Молва об этом разносилась по городам, начались массовые попытки попасть на остров, лично увидеть объятное.

Первым «экскурсоводом» для прибывающих был сторож ансамбля Маньшин Н. Г. Судя по рассказам старожилов, его «экскурсии» были скорее религиозными, чем антирелигиозными.

¹ Воробьев Николай Васильевич (1915 — 2001), заведующий отделом «Кижь» Карельского государственного краеведческого музея с 1961 по 1964 гг.

Встал вопрос о более квалифицированном обслуживании посетителей. С 1956 г. Управлением по делам строительства архитектуры Карельской АССР посылался на лето экскурсовод. До 1960 г. им был Прасолов М. И.

За время его работы Кижы посетило: в 1956 г. — 800, в 1957 г. — 2300, в 1958 г. — 6000, в 1959 г. — 11600, в 1960 г. — 16800 человек.

Людей привозили не только рейсовые теплоходы, но специально туристические. Возникла серьезная опасность сохранности памятников (люди разводили костры, гуляли где попало и в большинстве своем осматривали памятники самостоятельно, кому как удобно, в реставрируемых памятниках устраивались на ночлег, появлялись чрезмерно выпившие компании).

Создание отдела госмузея

9 января 1960 г. был издан приказ Министерства культуры и Министерства коммунального хозяйства Карельской АССР № 5 «О создании отдела Государственного Краеведческого музея Карельской АССР в Кижском заповеднике».

Приказом предусматривалось:

1. Создать на базе Кижского заповедника отдел Госмузея с 1.01.61 г.

2. В соответствии с приказом Министерства культуры РСФСР №432 от 21 мая 1960, выделить для отдела музея в Кижках три штатных единицы.

3. Возложить на отдел музея создание историко-бытовой экспозиции, ведение научной работы с 1.01.61 г.

4. Управлением по делам строительства и архитектуры предоставить помещения для работы отдела и отреставрированные памятники для экскурсий.

5. Работы по подготовке памятников, а также охрану, благоустройство территории и другие хозяйственные работы осуществлять Управлению по делам строительства и архитектуры.

6. Директору музея к 1.02.61 г. укомплектовать штаты отдела.

Я почему-то с содержанием этого приказа сразу ознакомлен не был. Узнал о его существовании к концу 1961 г. С 1 февраля 1961 г. отдел состоял из одного человека, научного сотрудника Кожариной Н.М. Она и начала составление тематического плана и отбор экспонатов из фондов госмузея. Я был приглашен для работы в отделе в марте 1961 г., но приказом только с 8 мая 1961 г. Хотя на работу ходил март и апрель, правда, без зарплаты. До начала навигации были разрабо-

таны тематические и тематико-экспозиционные планы, обсуждены на ученом совете, отобраны и помечены экспонаты для выставок и интерьеров.

Выезд на место работы

14 мая 1961 г. целый десант (директор музея Мезенцев Г. И. и его заместитель Мулло И. М., я, Кожарина Н. М., архитектор, представитель группы художников во главе с А. А. Акимовым (5 человек), столяр музея, столяр выставочного зала Союза художников, нагруженные до зубов на теплоходе «Лермонтов» отбыли в Кижы. Через четыре часа пути я впервые увидел Кижы.

Разгрузившись и кое-как устроившись, сразу приступили к делу; обошли территорию (она оказалась довольно захлавленной), памятники, прикинули где, что нужно и можно делать бригаде рабочих и нам.

М. К. Мышев и его подчиненные встретили нас не очень-то радостно. Указания о захлавленности, недоделках — воспринимали болезненно.

Мне было заявлено, чтобы я в их дела не вмешивался и во всем обходился своими силами и средствами.

Начало работы

Все прибывшие были разбиты на группы и приступили к оборудованию выставок и интерьеров. Главные работы велись в доме Ошевнева.

В нижней избе развешивалась экспозиция по истории края. Предварительно стены избы были обиты тканью (это делали столяры), художники согласно тематико-экспозиционного плана развешивали готовые и писали новые тексты, схемы, рисунки и т.д.

В верхней (северной) избе Мулло И. М., Кожарина Н. М. и художники оборудовали выставку «Народные прикладное искусство, фольклор Заонежья, одежда».

В верхней (южной) избе и горнице был воссоздан интерьер с необходимыми бытовыми предметами.

На верхнем сарае размещались сельхозорудия. Всего в экспозиции было размещено 275 экспонатов, в интерьерах — около 300 предметов и орудий. В остальных памятниках проводилась уборка и устранение мелких недоделок.

Сразу же были оформлены на работу Костина Мария Ивановна 1894 г. рождения и Максимов Николай Федорович 1909 г. рождения. Их зарплата составляла 30 рублей, обязанности: смотрители, сторожа, уборщики.

К 1 июня отдел в основном был готов к приему посетителей.

Территорию убирали всем миром (мы, рабочие, смотрители). Стройматериалы были сосредоточены в определенном месте, строительный и другой мусор закопали в ямы, были оборудованы места курения, туалеты, установлены предупредительные таблички, поставлены противопожарные бочки с водой и ящики с песком.

Экскурсионная и другая работа в сезон 1961 г.

Экскурсии пришлось уже вести в ходе работ по оформлению интерьеров и экспозиций.

Первая экскурсия состоялась сразу же по приезду в Кижы с группой геологов, прибывших в мае с нами и направлявшихся на Оленьи острова. Уже в конце мая стали ежедневно приходиться два туристических теплохода по 350 чел., один из Петрозаводска — до 600 человек и ежедневно рейсовый теплоход с группами 20 — 30 человек.

Только за первые полтора месяца было произведено 145 экскурсий с охватом 1553 чел. И 17 консультаций с охватом 55 человек. Всего за сезон 61 г. (июнь — сентябрь) побывало в Кижях 19193 экскурсанта. В половине сентября приезд посетителей прекратился.

Мы подготовили экспонаты и имущества к хранению и с 15 сентября приступили к обследованию памятников в окрестностях Кижей и сбору экспонатов у населения.

Памятники в окрестностях выглядели неприглядно. Приведу выдержки из описания их сохранности на момент осмотра:

Часовня в д. Васильево. Пол разобран. Внутри хранится сено. Часть досок обшивки сорваны. Нет ставней.

Часовня в д. Подъельниках. Дверь сорвана. Иконы разбросаны. Вокруг памятника мусор, щепки. Нет охранной доски. Нет ставней.

Часовня в д. Волкострове. Нет стекол в рамах. Иконы разбросаны. Оторваны доски крыльца.

Часовня в д. Кургиницы. Используется под склад картофеля. Нет стекол в рамах. Кресты упали на крышу. На звоннице сорваны балясины. Иконы валяются. Потом ее заняли под клуб.

Часовня в д. Воробьи. Хранится картофель. Икон нет. Грязно. Сама часовня в хорошем состоянии, нет замка.

Часовня в д. Корба. Реставрирована, но нет в окнах стекол. В иконостасе нет 3 икон.

Во всех часовнях замки повешены для вида.

Пришлось обратиться в Великогубский сельсовет, и он своим решением закрепил за каждым памятником депутата, проживающего в этой деревне.

Реставрационная бригада быстро произвела неотложный ремонт. Мы повесили контрольные замки, и доступ в памятники был возможен только в присутствии закрепленного депутата сельсовета. Правда, не все из них относились к этому делу с ответственностью. Было об этом доложено и в райсовет, но реакция была удивительная. Медвежьегорский райсовет решением от 15 октября «Об итогах учета недействующих молитвенных зданий» постановил:

подлежат сносу в 1962 — 64 гг.:

- часовня в д. Телятиново — 1 кв. 1963 г.;
- часовня в д. Косельга — 1 кв. 1963 г.;
- часовня в д. Воробьи — 2 кв. 1963 г.;
- часовня в д. Подъельники — 2 кв. 1963 г.;
- часовня в д. Лемишево — 1 полугодие 1963 г.

Сделать этого им не удалось, а случай послужил на пользу сохранения всех памятников Карелии.

В сентябре сделали несколько выездов в деревни, расположенные вблизи Кижей, надо было собрать нужные нам интересные предметы быта.

Нужные нам предметы быта были у населения, но не всегда их отдавали бесплатно, а средств у нас не было. Например, Семенова Евдокия Терентьевна из дер. Шлямино просила за платье — 15 рублей, сани изготовления 1904 г. — 5 рублей, 1 кг льна, деревянные ведра, бочки и др. — 3 рубля.

На третий раз посещения ее (каждый раз с длительным чаепитием; чай и сахар, булки я брал с собой) она все отдавала бесплатно, но с условием, что на предметах будет этикетка, что подарено тем-то. Эти просьбы мы выполняли.

Резной, деревянный диван был выменян на обычный современный диван, самодельные стулья — на стулья, приобретенные в магазине. Но многие отдавали вещи бесплатно и даже сами приносили.

Много помогал в сборе Мулло И. М. Осенью посетил нас инспектор пожарной охраны, им было предложено немедленно перезарядить огнетушитель, достать мотопомпу, построить противопожарный пирс, отремонтировать громоотводы, очистить

чердачные и подвальные помещения церквей и др. Что могли, сделали сразу. На чердаке Покровской церкви были найдены церковные книги и летопись Кижского погоста (отчет). Все они переданы в музей.

Установив круглосуточное дежурство (дежурили по очереди по 24 часа смотрители Максимов, Костина, Маньшина), мы уехали в Петрозаводск и продолжали работу там, т.к. оставаться в неотапливаемых комнатах было нельзя.

Зимой периодически приезжали в Кижы, проверяли несение охраны.

В течение летнего сезона 1961 г. приезжал А. В. Ополовников. Он тогда вел авторский надзор. По несколько раз в мае приезжали Каталкина Р. И. (Управление архитектуры) и Моталев (Министерство коммунального хозяйства).

Министру культуры и начальнику Управления по делам строительства и архитектуры мною была написана докладная.

В частности, я просил решить вопросы:

- о запрещении суточных стоянок в Кижях туристских теплоходов;
- об отпуске средств на котел, лодки, мотопомпу, приобретение экспонатов;
- о выделении дополнительных огнетушителей (у нас было всего 8 штук);
- о решении вопроса связи, освещения, обеспечения дровами;
- о выпуске путеводителя и буклетов;
- о гостинице;
- о ремонте памятников в окрестностях Кижей и др. вопросах.

Главным итогом первого года существования отдела было то, что нас стали признавать, считаться.

В конце 1961 г. я неоднократно обращался лично к председателям Совета министров КАССР тов. Беляеву И. С.

По его указанию в последние дни декабря нам выделили деньги на приобретение моторной лодки, весельной лодки и мотопомпы.

1962 год

В течение зимы 1962 г. мы составили материалы для проведения экскурсий, выезжали для сбора экспонатов в Прионежье, создали передвижную выставку «Памятники Карелии» и, используя ее, читали лекции (примерно 33 лекции). Подготовили 22 пояснительных текста по памятникам в Кижях. Я написал небольшой

путеводитель. Выпустили 10 000 экз., даже не указав составителя. Во втором выпуске (тираж 10 000 экз.) автор был указан. Была подготовлена выставка с указателем о заповеднике. С осмотра ее мы начинаем обзорную экскурсию.

В отдел добавился новый работник – научный сотрудник Долголенко Н. И., правда, оформлен он был сначала смотрителем со ставкой 30 рублей в месяц.

К началу сезона были готовы к осмотру новые памятники: дом Елизарова, церковь Лазаря, часовня из Леликозера. Имели уже свой катер, лодку, мотопомпу. В д. Васильево установили дебаркадер с 20 гостиничными местами и 50 лодками для проката.

Отдел имел трех научных сотрудников и трех смотрителей. Мы добились, чтобы стоянка теплоходов была не более 3 — 5 часов.

Экскурсии проводились уже обзорные, тематические и по окрестным памятникам. Одиночные экскурсанты могли ознакомиться с историей памятника по пояснительным текстам, вывешенным у каждого памятника. Всего за сезон было обслужено 24075 человек. Курировать ход реставрации от центральной научной реставрационной мастерской стал Губельман К. М. (архитектурного образования не имел).

Побывали в Кижях В. Г. Брюсова, С. В. Ямщиков (Центральные научно-реставрационные мастерские), Э. С. Смирнова, С. Ф. Коненков (Русский музей). Каждый в чем-то помогал. Они жили подолгу. Были на практике группы Московского архитектурного института, художественных вузов Ленинграда, Ленинградской духовной академии. Они в основном занимались под попечительством своих преподавателей, но помогали и нам в уборке территории, хозяйственных работах.

Жили они на дебаркадере. С иконописью и церковными обрядами нас знакомил профессор Центрального архива древних актов Устюгов. Он в молодости окончил духовную семинарию. Он с нами трижды проводил экскурсии, длившиеся по 6 часов.

Неоднократно с группами почетных гостей приезжал первый секретарь Карельского обкома КПСС Степанов В. С., секретарь по пропаганде обкома КПСС М. Х. Киуру и др. Хорошим подспорьем в работе были консультации музейных работников (у нас были товарищи из Новгорода, Архангельска, Москвы, Ленинграда и др. городов). Летом 1962 г. наши экскурсии прослушали научные работники Краеведческого музея. На разборе в основном

были высказаны хорошие отзывы, были и отрицательные замечания.

В июне 1961 г. состоялось пятидневное совещание-семинар по вопросам охраны и реставрации памятников культуры в Ленинграде. Там мы развешивали стенд о памятниках Карелии, а о нашем опыте выступал начальник Управления по делам строительства и архитектуры КАССР Третьяков И. Н.

С 7 по 16 июля 1962 г. проходила объединенная сессия ученых Советов институтов этнографии, музееведения и др. в Риге. Присутствовали представители большинства музеев страны.

Посвящалась сессия современным задачам этнографии и этнографических музеев. Я выступал на сессии с 30-минутным сообщением.

В 1962 г. реставрировалось крыльцо Преображенской церкви, часовня Кавгоры, дом из Логморучья.

Ликвидировались последствия урагана, в результате которого почти во всех памятниках были разрушения (выбиты стекла, повреждены крыши, у мельницы сорваны крылья и др.)

Сезон закончили 1 октября. Снова на месте остались только сторожа. Перед уездом на субботнике заготовили им на зиму дрова, опечатали все памятники, в том числе и в окрестностях.

Особых происшествий за сезон не было. Порядка стало больше. Интерьеры были пополнены за счет новых поступлений. Начали заполнять интерьер дома Елизарова.

Быт работников продолжал быть неудовлетворительным (питался кто как мог, рабочий день длился по 12 — 14 часов).

1963 год

Зимой 1963 г. научные сотрудники продолжили разработку методичек, собирательскую работу, выступления с лекциями.

Решался вопрос об установлении входной платы в Кижях, строительстве гостиницы, направлении штатных пожарных, определения статуса музея.

Бригада реставраторов приступила к работе в Покровской церкви, продолжались работы в часовне из Кавгоры, доме из Логморучья, строили гостиницу.

Летний сезон начали в мае месяце. В отделе было три научных сотрудника и три смотрителя. Вместо Максимова была на работу принята А. Егорова. Кроме того, нам прикомандировали двух пожарников, которые могли квалифицированно обращаться с мотопомпой (но оба оказались очень ленивыми).

На территории были установлены типовые противопожарные щиты с инвентарем. За летний сезон в Кижях побывало и обслужено 26100 посетителей. Несколько дней у нас гостил В. М. Песков (корреспондент «Комсомольской правды»). Были и многие другие знаменитости.

Были и казусы. В реставрируемую и закрытую для осмотра Покровскую церковь забрался изрядно пьяный посетитель и изрубил топором икону. Сделавший это был найден и осужден.

20 августа 1963 г. из отдела были переданы в Музей изобразительных искусств 676 произведений древнерусской живописи («Кижская коллекция»).

1964 год

Основное время зимой 1964 г. ушло на подготовку научной конференции «Народная культура Заонежья», приуроченной к 250-летию Преображенской церкви в Кижях. Конференция продолжалась с 23 июня по 12 июля 1964 г. В Кижях участники были два дня.

24 марта 1964 г. я передал обязанности зав. отделом «Кижь» Беляеву А. Т.

Решение о создании на базе памятников острова Кижь и его окрестностей Государственного историко-архитектурного музея «Кижь» состоялось 14 июля 1965 г.

О себе

Родился 15 декабря 1915 г. В Вологде, в семье рабочего. С двух лет остался без отца, и с тринадцати без матери.

Из шестого класса (жил в детдоме, потом бродяжничал) ушел работать на завод и оттуда по спецнабору в 1930 г. поступил на подготовительное отделение Вологодского педагогического техникума.

В 1933 г. техникум окончил и до 1934 г. работал инспектором в РАЙОНО.

В 1934 г. по постановлению совкрайкома Комсомола направлен на Крайний Север в Ненецкий национальный округ.

Там до 1941 г. работал инспектором ОКРОНО, зав. отделом политечебы и 1-м секретарем Ненецкого окружка ВЛКСМ, затем инструктором окружной партии.

В 1941 г. добровольно (имел бронь) пошел в армию, где в рядах находился до сентября 1960 г. Был в должностях политрука роты, командира роты, старшего помощника начальника оперативного отдела армии, старший офицер оперативного управления военного округа, зам. начальника военно-научного отдела штаба

Северного военного округа. Уволен в сентябре 1960 г. в звании полковника.

С 1961 по 1965 г. трудился в системе Министерства культуры Карельской АССР.

С сентября 1965 г. по 1980 г. работал в Карельском государственном педагогическом институте (зав. кафедрой, ст. преподаватель).

С 1980 г. пенсионер.

Награжден тремя орденами, шестнадцатью медалями, десятью памятными знаками, грамотами Министерства просвещения РСФСР, общества «Знание» РСФСР, Карельского обкома КПСС, Президиума ВС КАССР, Совета Министров КАССР и других организаций.

В комсомоле состоял с 1931 по 1939 г., член КПСС с 1939 г.

Женат. Есть три дочери.

26 января 1989 г.

(Научный архив музея «Кижы». Ф.1. Оп. 3. Д.959)

НИКОЛАЙ ДОЛГОЛЕНКО¹

ПЕРВЫЕ ГОДЫ

Н. В. Воробьев и Н. И. Долголенко (второй и третий слева) на острове Кижь. Фото середины 1960 г.

Н. И. Долголенко с супругой Лидией Иосифовной за сбором экспонатов. 1963 г.

О себе. Родился в 1917 г., образование — высшее педагогическое (историк), участник советско-финской войны (1939 — 40 г.) и Великой Отечественной войны, трижды ранен, инвалид войны. Награжден 17 орденами и медалями. Окончил (заочно) Центральные курсы фоторепортажа «Фотоклише ТАСС» (1941 г.) и Заочный Народный университет искусств (г. Москва), член Союза журналистов СССР. Работал в музее «Кижь» с 5 июня 1961 г. по 20 марта 1967 г., куда пришел после демобилизации из армии. Тогда еще «Кижь» были маленьким отделом Государственного историко-краеведческого музея.

Как работали в первые годы? Нас было очень мало: Воробьев Николай Васильевич (зав. отделом), Кожарина Нина Михайловна, я и несколько смотрителей. Работа для меня была совершенно новой, и пришлось осваивать ее на ходу: быстро изучать литературу по древнему деревянному зодчеству Севера, по истории Карелии, по древнерусской живописи и т. д. Очень обогащали беседы с плотниками-реставраторами и местными жителями. С некоторыми из них завязалась дружба и хорошие отношения.

Постепенно накапливались знания и опыт работы. Через три месяца, я стал уже старшим научным сотрудником. Работали мы дружно. К работе относились добросовестно, с любовью. Трудились без

¹ Долголенко Николай Илларионович (1917 — 1995), старший научный сотрудник, зам. директора по научной части музея «Кижь» в 1961 — 1967 гг.

выходных и отгулов, не считались со временем. Помню, что нередко приходилось проводить экскурсии даже ночью с фонариком, когда туристские теплоходы прибывали поздно вечером и рано утром должны были продолжить свой рейс к Соловецким островам.

В те времена теплоходов было не так много, как теперь. О Кижях еще мало кто знал. Мы подолгу беседовали с нашими гостями даже после экскурсий, т. к. вопросов у них всегда было очень много. В первое время к нам приезжали в основном люди, увлеченные северной архитектурой и древнерусской живописью: художники, архитекторы, писатели, журналисты, музейные работники, студенты и др. Редко кто приезжал просто отдохнуть.

Эти беседы очень сближали нас с экскурсантами. Мы обменивались адресами, потом писали друг другу. Всегда очень трогательными были минуты расставания — отплытие теплоходов. На одном из них почему-то всегда в это время включали по радио вальс «Под небом Парижа» потом, по нашей просьбе, подыскивали пластинку с записью звона ростовских колоколов. Наши гости все собирались на палубах, приветливо махали нам руками и кричали: «Спасибо! До свидания!». А мы своей маленькой группой — «островитян», — оставаясь на берегу опустевшего острова, провожали их, менялись пожеланиями со слезами на глазах.

Это были очень трогательные, незабываемые минуты. Они запомнились мне на всю жизнь. Жили мы в то время на острове очень и очень скромно, если не сказать большего. Наши маленькие комнатки были в помещении барачного типа, которые находилось тогда у самой ограды ансамбля. Столовой, магазина, конечно, не было. Жили, можно сказать, на подножном корме — рыба, щавель, ягоды. Хлеб иногда удавалось покупать на теплоходе, картошку в деревнях. Люди там были очень добрыми, простыми, гостеприимными. С большим уважением относились к нам — музейным работникам, охотно продавали и дарили для музея интересные, старинные, или, как они называли, «досюльные», вещи: прялки, сохи, бороны, жернова, ткацкие станки, косы-горбуши, домашнюю утварь, одежду и т. д.

Возвращались мы всегда в музей на моторной лодке, нагруженной доверху интересными трофеями. Кстати, я был единственным водителем этой лодки (конечно, на общественных началах). На лодке я не только собирал экспонаты по деревням, но и проводил лодочные экскурсии к часовням, которые находились в окрестностях нашего острова: д. Васильево, д. Подъельники, д. Волкостров, д. Воробы, д. Корба. Удовольствие от этой прогулки экскурсанты получали огромное, и благодарностям не было конца. А я возвра-

щался хоть и безумно усталым, но довольным тем, что доставил людям радость. Одновременно во время этих поездок я контролировал сохранность памятников и работу наших строителей из местных жителей, которых мы нанимали там за небольшую плату. Что касается зрителей, то могу сказать только то, что мы ими были довольны, они тоже не считались со временем, но особенно мне запомнилась Мария Ивановна Степанова из деревни Подъельники. Эта старушка лет 70 — 75 приезжала в музей на работу на кижанке на веслах или под парусом, а иногда ухитрялась завести свой старенький примитивный мотор. Устроилась Мария Ивановна к нам на работу в таком возрасте из-за того, что у нее была пенсия всего 8 р. 50 к. Работала она очень добросовестно, старательно, с туристами была приветливой, общительной и особенно покоряла посетителей тем, что во время экскурсий в доме Ошевнева садилась за ткацкий станок и показывала его работу в действии (где-то был снимок, но к сожалению, я не нашел его).

Очень ответственно относился к работе пожарник Прохоров Иван Андреевич. Когда я был уже зам. директора, то вспоминаю, как во время учебных пожарных тревог, которые я время от времени объявлял, Иван Андреевич моментально заводил мотор и подавал воду в нужное место. За его работу всегда можно было быть спокойным.

Интересные встречи. Их было очень много. Всех не описать. Но хоть две — три встречи, наиболее запомнившиеся. Однажды к нам приехала группа аспирантов Института истории Академии наук СССР со своим руководителем профессором, доктором исторических наук Николаем Владимировичем Устюговым. Н. В. Воробьев поручил провести экскурсию с ними мне. Они попросили начать мой рассказ с истории нашего края, проявили большой интерес к архитектуре всех памятников, особенно Преображенской церкви. Вопросы была масса, интерес ко всему огромный, а когда мы вошли в церковь, я в первые же минуты обратил внимание на то, что Николай Владимирович сразу пришел в восторг от иконостаса, начал правильно называть сюжеты и название икон. Я почувствовал, что передо мной большой знаток древнерусской живописи. Профессор признался, что до 1917 г. он окончил духовную академию и был священником. Тогда я предложил поменяться ролями, на что Николай Владимирович любезно согласился. Я пригласил Нину Михайловну и Николая Васильевича, и 4 часа мы с большим удовольствием слушали прекрасную лекцию о древнерусской живописи, после которой нам стало значительно легче проводить экскурсии на эту тему. Знания наши очень пополнились. Надо ли говорить о том, как мы

все устали, особенно, конечно, наши дорогие старички — Николай Владимирович и его супруга. Поесть и отдохнуть им было негде. Выручила Лидия Иосифовна, пригласив их к себе на обед. Пригласить всю группу мы, конечно, не могли и посоветовали молодым аспирантам прогуляться в деревню Ямку, где у местных жителей они и подкрепились. Ну а мы угощали ухой, супом со щавелем, жареной рыбой, земляникой и киселем из нее. Николай Владимирович оказался очень интересным собеседником. Много рассказывал о своей жизни, читал стихи. Мы очень подружились, и он вскоре прислал мне книгу: «Русское государство в XVII в.», издательство Академии наук СССР, 1961 г. Он редактировал эту книгу, и в ней есть хорошая и интересная статья «Русская церковь в XVIII в.», а я ему наш первый буклет «Кижичи», в котором поместил и фото Николая Владимировича в тот момент, когда он заинтересовался резьбой деталей крыльца Преображенской церкви. Переписывались с ним до последних дней его жизни. Бережно храню книгу «Шаги по росе», которую прислал мне, после посещения Кижей, специальный корреспондент «Комсомольской правды» Василий Михайлович Песков. Недавно я поздравил его с 60-летием. Он ответил, не забыл. Тогда он был молодым журналистом, гостил у нас на острове несколько дней, жил со мной в одной маленькой комнатухе. Его интересовали не только памятники Кижей, но и их реставрация, люди, наша жизнь. Я познакомил Василия Михайловича с очень знающим, интересным народным умельцем Михаилом Кузьмичем Мышевым, а потом написал о нем статью в «Комсомольской правде» — «Музыка древнего топора» (эту газету высылаю Вам). Очень хотелось бы, чтоб не забыли о М. К. Мышеве, когда будете оформлять экспозицию. Он очень много сделал для спасения Кижского ансамбля и других памятников. Сожалею и недоумеваю, что его имени не было даже упомянуто в недавних передачах по радио и телевидению. Некоторые люди на его трудах, за его спиной защищались и получали научные звания, не упомянув даже о работе этого замечательного народного умельца, который весь отдавался работе, не думая о званиях и личной выгоде. Считаю, что было бы очень справедливым увековечить память этого скромного труженика хотя бы мемориальной доской при входе в Кижский ансамбль.

Интереснейшей и незабываемой была встреча с коллективом научных сотрудников Ленинградского Эрмитажа. Моя экскурсия продолжалась с ними несколько часов, и расстались мы добрыми друзьями. До сих пор храню путеводитель, подаренный ими с их автографами. Запомнилась простая, задушевная беседа с Леонидом Осиповичем

Утесовым, который любезно согласился сфотографироваться с сотрудниками музея.

Не все встречи были такими приятными и интересными. Однажды в воскресенье, когда уже закончились все экскурсии, я пошел к пристани, чтоб проводить теплоход «Ладога», и вдруг услышал, что из Покровской церкви, которая тогда была на капитальной реставрации, доносился сильный стук топора. Меня это насторожило, т. к. реставраторы по выходным не работали. Ворота ансамбля были уже заперты на замок, и я быстро перемахнул через ограду и... О, ужас! Какой-то пьяный молодой мужчина с ожесточением выбивал топором клинья из под столбов — опор, на которых держался весь сруб церкви. Еще бы минута, и церковь рухнула. Не раздумываясь, вырвал у него топор. На шум и крик прибежали наши сотрудники и милиционер. Мы обнаружили, что хулиган еще успел нанести лезвием топора 7 (семь) ударов по большой иконе БОГОМАТЕРИ из иконостаса Покровской церкви. Преступника увезли в Петрозаводск, где судили и наказали.

После этого меня выбрали командиром народной дружины, которая вскоре организовалась в нашем музее. За мою работу в ней я был награжден почетной грамотой и ценным подарком (наручными часами).

Когда о Кижях стало известно далеко за пределами Карелии, то началось целое нашествие предприимчивых людей, которые не только по дешевке скупали иконы у местных жителей, но и зачастую опустошали плохо охраняемые часовни. Однажды мне кто-то сказал, что на пристани в камеру хранения сдан подозрительный груз. Я пригласил председателя сельского совета (кажется, тогда был Максимов), и мы задержали группу студентов Московского художественного училища имени революции 1905 г., которые пытались увезти в Москву украденные иконы (более 30 штук) и даже вырезали пилой большую часть иконостаса из какой-то часовни. Художественную ценность этих икон они, конечно, представляли. Иконы мы изъяли, а о студентах этой группы составили акт и послали его министру культуры КАССР, а копию Министру культуры СССР.

Наша работа в первые годы не ограничивалась только сбором экспонатов и экскурсиями. Я, например, очень много времени уделял фотографированию памятников, т. к. мы готовили к изданию наш первый буклет «Кижы» и в 1962 г. издали его. К сожалению, о нашем авторстве в нем упомянуть «забыли».

В 1963 г. мы подготовили материал для второго буклета «Кижы», который был издан на двух языках.

В 1965 г. большая группа соавторов подготовила к изданию с моими фотографиями путеводитель «Кижы — остров сокровищ».

Большую помощь в выпуске этого путеводителя оказал нам Иван Михайлович Мулло, под общей редакцией которого и был издан путеводитель. И. М. Мулло – человек с большой буквы, о котором можно написать целую книгу.

В 1965 г. ленинградское издательство «Искусство» пригласило меня участвовать со своими фотографиями в издании книги «Кижжи», которая экспонировалась на Всемирной книжной выставке в Монреале. Все соавторы этой книги были удостоены дипломов первой степени.

После того как наш отдел преобразовали в самостоятельный музей и ушел (кажется, по болезни) Н.В. Воробьев, мне предложили должность директора музея, но я не интересовался административной работой (хотя и ей приходилось уделять немало времени) и согласился на должность заместителя директора по научной части.

Увеличился коллектив, пришли молодые, способные и увлеченные люди. С большим удовольствием вспоминаю это время. Работать было очень интересно.

20 марта 1967 г. по причине, о которой не хочется вспоминать, по моей просьбе меня перевели работать ответственным секретарем Республиканского отделения ВООПИК. Туда я пошел, чтоб совсем не оторваться от Кижей, к которым прикипел всей душой и сердцем. Постоянно старался пропагандировать памятники деревянного народного зодчества, особенно Кижский ансамбль. Мы провели конкурс на лучший снимок, издали комплект плакатов из 20 экз., где в основном были показаны Кижжи, перевели значительную сумму денег Министерству культуры КАССР для реставрации Кижского ансамбля. Было приятно, что мою скромную работу отметили и наградили Почетной грамотой Совета Министров КАССР (3.IV.1977 г.)

1991 г.

(Научный архив музея «Кижжи». Ф.1. Оп.3. Д.957)

БОРИС ГУЩИН¹

«ВО СКОЛЬКО ВЫ ОЦЕНИТЕ ВСЮ РОССИЮ?!»

Нет ничего правдивее мифов и легенд. По прошествии десятилетий многие из них оборачиваются чистой правдой. Об одной из таких историй о судьбе памятников деревянной архитектуры Русского Севера я и расскажу, заодно напомнив и о роли личности в истории и необходимости бороться за сохранение культурных ценностей на самых высоких уровнях власти.

Я помнил только слухи и разговоры о том, что в Карелии в 1963 г. почему-то собрались уничтожать многие памятники деревянного зодчества.

Я был тогда студентом II курса истфака ПетрГУ, а нашим куратором была Татьяна Владимировна Старостина, активный радетель за всю нашу старину. Так что совсем не мудрено, что какие-то отголоски каких-то тайных течений и обсуждений доходили и до нас, студентов Т. В. Старостиной. Тогда же мы узнали и о том, что в итоге ничего уничтожено не было.

Кижские плотники-реставраторы, к которым якобы пришел приказ об уничтожении часовен «Кижского ожерелья», сказали: «Не мы их строили, не нам и ломать». А ученый-фольклорист Дмитрий Балашов, уже не раз выступавший до этого вместе с Т. В. Старостиной в защиту памятников старины, опять же по слухам, написал письмо в ЦК КПСС, где были такие слова: «Часовню в деревне Подъельники оценили по стоимости дров. Во сколько вы оцените всю Россию?!»

Многие десятилетия мне все это казалось слухами... Но это была правда!

Как свидетельствуют архивные документы, последние годы правления Н. С. Хрущева — это годы нового наступления на Церковь. В 1963 г. управляющий делами Совета Министров КАССР (он же уполномоченный по делам Русской православной церкви) Петр Афанасьевич Семенов подписал список из 116 церквей и часовен, подлежащих безотлагательному уничтожению.

Я не знаю, уж каким образом об этом списке узнал любимый молодежью 1960 гг. достаточно аполитичный писатель Константин Георгиевич Паустовский, — это его глубоко возмутило, и он написал гневное, но в то же время достаточно сдержанное (не в пример

¹ Гуцин Борис Александрович, ведущий научный сотрудник музея-заповедника «Кижь».

Д. М. Балашову) письмо Главе государства. К. Г. Паустовский задумал это письмо как коллективное обращение деятелей культуры. С черновиком письма он пришел к Корнею Ивановичу Чуковскому. Писатели обсудили текст, переписали его хорошим почерком на красивой бумаге. Из деятелей культуры, подписавших письмо, были также Леонид Леонов и Владимир Фаворский.

Письмо заканчивалось следующими словами: «...Недалеко время, когда великолепные эти произведения станут объектами отечественного и мирового туризма и источником гордости нашей страны. Почти все церкви, входящие в список Семенова, являются признанными памятниками архитектурного искусства (XVI, XVII и VIII в.) ... Мы обращаемся к Вам, дорогой Никита Сергеевич! Мы умоляем Вас спасти наше северное искусство... от холодных рук и равнодушных сердец, иначе будет обездолена наша великая культура».

В 1963 г. ни один памятник в Карелии не был разрушен.

Прочитать об этом можно в «Дневнике» Корнея Чуковского.²

2012 г.

² Чуковский К. Дневник 1901 — 1969: В 3 тт. — М.: ПрозаИК, 2011. — Т.3. — С. 360, 569.

БОРИС ГУЩИН

ВСПОМИНАЯ КУЗЬМИЧА

Кизи 1950 — 1960 гг. — это Кизи Михаила Кузьмича Мышева, знаменитого на всю страну бригадира плотников-реставраторов. Нет, были, конечно, и другие плотники, не обойденные славой: Борис Елупов, Константин Клинов, Федор Елизаров, Иван Вересов, братья Степановы, но из всех них главным был Кузьмич, и не только потому, что был бригадиром.

Почему же? Потому что он был привлекательно интеллигентен, имея всего несколько классов образования. Михаил Кузьмич был внешне тих, незлобив, несколько замедлен в движениях, приятно общителен, добр и обладал великолепным чувством юмора. О нем всегда тепло и уважительно отзывались архитекторы А. В. Ополовников и Б. В. Гнедовский. Да и как не уважить такого бригадира, чьи рабочие на своих руках перенесли на огромное расстояние через болото разобранный часовой Трех Святителей из деревни Кавгора.

Когда мы с Виолой начинали работать в музее «Кизи», М. К. Мышеву было уже под 80, он тогда уже не был бригадиром, а работал сторожем. И хотя за глаза все кижане называли его просто Кузьмичом, при общении чувствовалось глубокое уважение к этому человеку.

Впрочем, у плотников к своему бывшему бригадиру проскальзывал определенный скептицизм, что, мол, Кузьмич и топором-то вытесать не умеет. Да не надо это было Кузьмичу в жизни. Не надо.

М. К. Мышев. Фото 1963 г.

Здесь у сотоварищей, на мой взгляд, имела место элементарная ревность к «Майклу Мышеву», как называли его иностранные корреспонденты, да и наши не отставали. Символом Кижей тех лет стали фотографии С. Майстермана «Старый мастер» и В. Пескова «Отечество» с белой лошадкой Машкой, которая была в нераздельном владении Кузьмича. А в конце 1960 г. М. К. Мышев стал героем первой книги писателя Виктора Пулькина «Кузьмичевы рассказы», изданной в Москве. Повезло начинающему писателю, открывшему для себя «золотую жилу».

А дежурство сторожа Мышева было всегда безукоризненно, только иногда подводил возраст. Однажды пожарные, можно сказать, спасли Кузьмича, совершавшего ночной обход памятников во время сильнейшей вьюги, сбивающей с ног. Они привели замерзающего сторожа к себе на пост и отогрели.

А я вспоминаю свое ощущение кижского холода 24 мая 1967 г. — это был день моего рождения. Утром я вышел на экскурсию и поразился погоде: жуткая холодина, да еще и снег идет. Смотрю, идет Кузьмич и что-то несет в руках. Подошел и накинул мне на плечи свой тулуп. Вот так в кузьмичевом тулупе я и провел экскурсию с узбеками в халатах с туристского теплохода.

Вспоминается и моя зимняя срочная поездка по каким-то делам в Сенную Губу на кобыле Машке. Михаил Кузьмич почему-то не смог со мной поехать, а я толком не умел, да и до сих пор не умею запрягать. Михаил Кузьмич запряг Машку и сказал, что моя главная задача — доехать до Сенной, а обратно, хочешь не хочешь, Машка привезет. И точно, если бы я на обратном пути в темноте руководил Машкой, Бог знает, куда бы она меня завезла. А так, я отпустил вожжи, лег в сани и легкой рысью — на конюшню.

А еще у Кузьмича были две курочки, которых уже вряд ли кто помнит, и петух — огромный, яркой расцветки, которого, несомненно, помнят все, кто работал тогда в Кижках: птица редкостной злобы и характера, прямо противоположного хозяйскому. Обычно куры порхались на тропе, ведущей к люфт-кловзету. Бравый красавец не пропускал ни одной юбки, особенно с голыми ногами. Сначала он шел параллельно с дамой, о чем-то кококал, потом начинал волочить одно крыло, неприятно склонив голову. В глазах появлялся красный блеск, и вдруг он, словно коршун, налетал на невинную жертву, больно клюя ее за икру. Экскурсовод Тоня как-то поймала героя, избила его до полусмерти и выбросила на пыльную дорогу. Но петух выжил, а Тоня с тех пор ходила в туалет только с провожатыми.

В Кижках Михаил Кузьмич жил со своей супругой Марией Васи-

льевой. Это была дружная пара, сохранившая любовь и уважение друг к другу на всю жизнь. Хорошо, что их запечатлел известный режиссер-документалист Владислав Виноградов в своих фильмах «Кузьмич и другие» и «Групповой портрет с Кижами». Брали у них интервью и местные, и московские журналисты.

Последние годы жизни Михаил Кузьмич провел в Соломенном, пригороде Петрозаводска. Как-то зам. директора по реставрации Борис Васильевич Моталев сказал мне:

— Говорят, Кузьмич заболел. Давай-ка съездим к нему, проведем. Я, конечно же, согласился. Накупили гостинцев и поехали.

Михаил Кузьмич лежал в постели. Борис Васильевич поздоровался и сказал что-то вроде:

— Да, похоже, Михаил Кузьмич отпил свое.

— Нет, Борис Васильевич, это ты свое, наверное, отпил, а я еще выпью, если Борис в магазин ходит.

Я, конечно, ходил.

Михаил Кузьмич встал и начал хлопотать по части стола. Конечно же, он только пригубил, сказав по-заонежски:

— Пей нЕ пей, а чтоб пОд носом стОяло.

Пили мы в основном чай.

Вскоре Михаил Кузьмич умер, но мы, сотрудники музея, узнали об этом слишком поздно, так что на похоронах никто из нас не был.

Михаил Кузьмич Мышев вспоминается как человек редкостной доброты, чистых душевных помыслов, честнейший работник, памятный и талантливый рассказчик.

2014 г.

ТАТЬЯНА НИКОЛЮКИНА

ТИХОНЫЧ. ПЕРВЫЙ НАСТАВНИК
(по воспоминаниям родных и коллег)

А. Т. Беляев с музыкантом
М. Л. Ростроповичем на о. Кижы.
Фото 1970 г.

Поэты не рождаются случайно... А как рождаются музейные работники, о которых спустя десятилетия коллеги вспоминают с особой теплотой и признательностью? У каждого — своя история, своя судьба. Наш сегодняшний рассказ о пути из крестьян в педагога, из заключенных ГУЛАГа в пулеметчики, а потом из армейских политработников в сотрудники музея-заповедника «Кижы» — рассказ о МАСТЕРЕ и ОТЦЕ. Об Алексее Тихоновиче Беляеве.

Родился Алексей Тихонович Беляев 15 марта 1918 г. в деревне Храбрищево Тульской области. Жизнь в российской глубинке, испытавшей на себе все тяготы революционных перемен, коллективизации и борьбы с религией, легкой не была. Алексей был юноша смысленный и способный, хотел учиться и поступил в Тульское педагогическое училище. В 1938 г. прямо во время занятий он был арестован. Из лагерей его вызволила война — Алексей пошел добровольно на фронт. Военные дороги и привели тульского паренька в Карелию, где он и провоевал на севере Карельского фронта, в Заполярье до самой Победы. Алексей Тихонович, награжденный медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией», о войне почти не вспоминал. «Шли мы по болоту, — говорит его сын Владимир, — и вдруг отец стал рассказывать, как во время войны также шли они по

болотной тропе, немцы их заметили и открыли минометный огонь. «Кругом болото, а мы как на ладони. Деваться некуда, можно только идти вперед. Так мы и шли под обстрелом в полный рост, а мины у самых ног булькали в трясине и не взрывались!» — вот, пожалуй, единственный рассказ отца о войне. Он не любил эту тему, но тогда она пришлась, что называется, к месту и ко времени. Во время войны отец командовал ротой пулеметчиков. Да, он всегда носил очки, за что на фронте и прозвище получил. «Очкарик! Помоги пулеметам!» — кричали ему бойцы.

В 1943 г. двадцатипятилетний Алексей Беляев вступил в партию.

«Я его считал не просто коммунистом, а большевиком, настолько он был честен и принципиален. Мое личное решение вступить в партию было продиктовано исключительно примером отца», — говорит Владимир Беляев.

Всю свою дальнейшую жизнь Алексей Тихонович накрепко связал с Карелией, здесь он встретил свою жену Евдокию Петровну, здесь родились их дети, а потом и внуки, но связь с тульскими родственниками не прервалась: они много раз гостили в Петрозаводске и бывали на Кижях.

По долгу военной службы Алексею Тихоновичу приходилось уезжать, но он всегда возвращался. После войны в 1946 г. он окончил Центральную партийную школу в Ленинграде. В свидетельстве — одни «пятерки». Алексей Тихонович всегда очень серьезно относился к учебе, запросто решал задачи, следил за учебой детей, проверял домашнее задание и дневник.

В армии он был политработником, служил в Архангельской области, потом вернулся в Карелию. Вышел в отставку в звании майора запаса в 1961 г.

«После увольнения из армии отец год проработал инструктором в Обществе охраны природы, а потом перешел в «Кижы», тогда еще филиал Краеведческого музея. Для него музейная работа была чем-то особенным, хотя он к любой работе относился очень ответственно. С образованием в 1966 г. самостоятельного историко-архитектурного музея-заповедника «Кижы» отец стал главным хранителем фондов. Это были годы становления музейной экспозиции, шел активный процесс реставрации памятников. В те годы начинал свою работу в музее Игорь Петрович Тюриков, друг нашей семьи. Наша искренняя дружба продолжается и по сей день. На остров приезжало много интересных людей: архитектор Орфиинский, реставратор Ямщиков, музыкант Растропович и многие другие. Отец часто сам водил экскурсии по острову.

Мы застали то время, когда менялась обшивка куполов. Покрытые свежим лемехом купола Преображенской церкви сияли на солнце и казались золотыми. Еще отец любил смотреть на огромную розовую Луну, висящую в просвете между Преображенской церковью и колокольной. При всей своей педантичности он был романтиком и творческим человеком», — вспоминает Владимир Беляев.

С 1969 до выхода на пенсию Алексей Тихонович работал старшим научным сотрудником в отделе истории и этнографии.

На целое лето он от семьи уезжал на остров Кижы. Добраться до острова было долго, тогда ходили теплоходы «Ом» и «Лермонтов», с приходом на Онего скоростных «комет» стало намного проще. На острове музейщики дружно жили.

Все выходные сын проводил с отцом на Кижях, вместе ходили на рыбалку, а дочь Валя была с ним постоянно: «Я, можно сказать, выросла на острове Кижы, — говорит она, — с девяти лет отец каждое лето увозил меня туда. Он был для меня не просто отцом, а самым лучшим и настоящим другом, ему я доверяла все! Даже то, что мужчина мог остаться на все лето с ребенком, уже о многом говорит. Мое кижское детство наполнено его любовью и нежной заботой.

В те годы для сотрудников музея в плавучем ресторане «Кижы» были комплексные обеды, ужин отец готовил сам. При всей своей доброте и понимании отец меня не баловал, был строгим и справедливым, мог и наказать. Однажды я уплыла к причалу, к которому приставали гидросамолеты. Отец нашел меня, он не ругался, не кричал — он плыл в лодке молча, долго со мной не разговаривал, чтобы я поняла, в чем провинилась, и больше никогда так не делала. Он очень нас любил и боялся за нас. А Даше, внучке, бывало, за проделки и крапивой попадало. Она с двухлетнего возраста каждое лето жила на острове. Благодаря моему отцу и Кижам мы вылечили ее от тяжелой астмы, с которой в городе было справиться невозможно. Укладывая внучку спать, он никогда не поставил коляску просто так, всегда смотрел — откуда дует ветер. Я не знаю больше такого мужчины, как наш отец. Он говорил: «Даже в плохих людях есть хорошее — это надо увидеть».

«Собирая экспонаты для музея, отец много по деревням ездил. Случай был в Яндомозере, когда бдительные жители доложили местному начальству о «подозрительном человеке, который ходит по домам и ищет церковную утварь». Отца задержали, и местный секретарь парткома устроил дознание. Отец сам был политработником, поэтому они быстро сумели объясниться. Что поделатъ, годы воинствующего атеизма даром не прошли. Люди были так воспита-

ны. Я и сам не воспринимал Кижский архитектурный ансамбль как культовое сооружение. Для меня это были просто памятники старины, истории русского народа, — говорит Владимир Беляев. — Отец уважал людей, и люди его уважали. И сотрудники музея, и местные жители называли его просто — Тихоныч».

О своем первом наставнике говорит Борис Гущин: «При Алексее Тихоновиче Беляеве я начинал работать в 1967 г. Мне он запомнился общительным, добродушным. Была в нем дотошность и скрупулезность, граничащая порой с занудством — от стремления к точности, желания самому дойти до сути и довести ее до молодых сотрудников. Его любили, поэтому многое прощали и тянулись к нему. По части этнографии он был высшим авторитетом, был одним из лучших музейщиков того времени. Алексей Тихонович не был ученым, он был музейщик-практик. На бытовом уровне он знал многое из того, что мы, музейная молодежь, себе тогда даже не представляли. Тихоныч, наш первый учитель, был настоящей находкой для музея.

Наша с Виолой первая экспедиция вместе с ним была совсем недалеко — на Боярщину. Собранные там 200 предметов мы описывали потом все лето. Это был энтузиаст, незаменимый в экспедициях человек. Денег у музея всегда было мало, только часть предметов выкупалась, а большинство передавалось безвозмездно. Тихоныч мог уговорить кого угодно, даже семейные реликвии ему отдавали. Его можно смело назвать совестью музея. Он создавал музейную этику, ему хотелось подражать».

Все основные экспозиции музея созданы теплом рук и добротой сердца Алексея Тихоновича Беляева, организатора увлекательных экспедиций, познавательных экскурсий, проникнутых богатым жизненным опытом и знаниями.

Он был великолепным рыбаком. Его катиска всегда была переполнена рыбой. А рыбу «по-карельски» по его рецепту мы и сейчас очень любим готовить.

Удивительно заботливый семьянин был Алексей Тихонович. Вся его семья была «пропитана» любовью к острову. Жена и дети души в нем не чаяли! Заливистый балалаечник с задорными частушками и любимой песней о купце-молодце... Вот каким запомнился нам этот замечательный человек, ставший для нас непререкаемым авторитетом».

«Во время экспедиций Алексей Тихонович вел картотеку наблюдений, в которой фиксировал орнаменты, форму предметов, делал фотоснимки и зарисовки, — говорит Вера Тере. — Впоследствии он использовал в своем творчестве мотивы и элементы старинных

предметов. В его работах отразилась вся чистота его души, его открытый взгляд на мир».

Жизнь без острова для Алексея Тихоновича была, к великому сожалению, недолгой, но имя его вошло в историю музея «Кижы» навсегда.

«И после того, как ушел из музея, отец «болел» Кижами, — продолжает рассказ сын Владимир, — он ведь сам родом из глубинки, и деревенский быт впитался в него с детства, он знал назначение многих бытовых предметов не из книг, а из собственного опыта.

Любил дерево, очень много умел: резьба, инкрустация, выпиливание лобзиком, плетение из бересты. Не имея специального художественного образования, интуитивно делал удивительные вещи. Это был настоящий талант, самородок. Работать приходилось на кухне, другого места в нашей малогабаритной квартире просто не было. Мама сердилась, потому что все кругом покрывалось мелкими древесными опилками. Материал собирался, что называется, с бору по сосенке, где придется. Работая водителем, я каждую сучковатую чурку с каповыми наростами для него подбирал. В наших семьях до сих пор хранится и используется в быту много вещей, созданных его руками.

Умер отец 12 октября 1988 г., похоронен в Песках. На похоронах был весь музей.

Я думал, что за столько лет об отце забыли. Я тронут тем, что о нем помнят. Для всех, кто его знал, отец навсегда останется примером настоящего патриота, бесребреника, чудо-человека, который все делал с душой. Нас он научил ответственности и преданности своему делу».

Дети мастера связали жизнь с медициной: дочь Валентина после окончания медицинского училища уже много лет работает на «скорой помощи», сын Владимир двадцать лет отработал водителем на «скорой» и уже шестнадцатый год работает в БСМП.

Внуки Алексея Тихоновича Беляева Алексей Беляев, Дарья Кольцова, Андрей Халитов выбрали свой путь в жизни, тоже не связанный с музейным делом, но уже подрастают правнуки: Артем и Семен Беляевы, Илья Кольцов. Как знать, возможно, их притянет к себе дивный остров Кижы и музей, созданию которого их прадед отдал так много сил.

2008 г.

МАРИНА КУЛИКОВА¹

КИЖСКИЕ КАНИКУЛЫ

Кузнец — это такой здоровенный мужик в кожаном фартуке, который играючи подбрасывает в руке щипцы с раскаленным куском железа и, пристроив заготовку на наковальню, припечатывает ее ударом молота.

Такими представлялись мне жители деревни Кузнецы, куда Танин папа, дядя Саша, вез нас из Сенной Губы на большой деревянной лодке с мотором и самодельным насосом, который шумно всасывал воду со дна лодки. Впервые в жизни родители отпустили меня одну на каникулы, в гости к моей подружке Тане, на маленький остров в Заонежье.

Лодка уткнулась в берег, и на крыльцо дома, вместо огромных кузнецов, высыпали Танюшины братья — четверо разновозрастных загорелых мальчишек. Как муравьи, они начали таскать вещи в дом: мешок душистого белого хлеба из Сенногубской пекарни, коробку с тушенкой, сгущенкой и постным маслом, канистру с керосином для лампы, сумку с ватрушками и «Дунькиной радостью», заботливо собранной в городе их мамой, тетей Анечкой.

Дом меня поразил! Он был весь пропитан солнцем, теплом, запахами душистых трав и сушика, на полках стояли диковинные плетеные корзинки, горшочки, берестяные кужонки и коробка, на широких лавках вполне можно было спать, на столе важно шипел большой медный самовар, рядом стояло блюдечко с «головой» сахара и лежали фигурные щипцы. В сенях меня ждал неприятный сюрприз. На стене висели связками шкурки небольших животных. «Ну что, Маринка, испугалась?» — засмеялся дядя Саша. «Ничего, привыкнешь. Ондатра, рубль двадцать штука. Ребяню-то кормить надо. Погоди, мы тебе еще лису на воротник раздобудем. Ну-ка идите с Танюхой набивайте сenniки, да смотрите гадьев не напихайте!»

Так начались наши Кижские каникулы. Вставали мы с Таней рано. Бежали босиком по росистой траве к озеру, над которым поднималась легкая розовая дымка. У берега замедляли шаг, чтобы не распугать ондатр, но куда там, они шумно шлепались в воду и, как торпеды, высынув мордашки из воды, устремлялись в высокий тростник. Искупавшись в прохладной воде, мы брали удочки, два

¹ Куликова Марина Федоровна, методист, зав. методическим отделом музея «Кижы» в 1980 — 1996 гг. В настоящее время живет в Финляндии.

таза, сталкивали тяжелую смоленую лодку на воду и отправлялись на любимые окуневые места. Не было дня, чтобы мы вернулись домой не заполнив эти два таза. Никогда, ни до, ни после этого лета, я не видела столько рыбы. Потом, когда в Кижы стали ходить «Кометы» и большие теплоходы, рыбы стало значительно меньше, а ондатра ушла в более безопасные места.

Рыбу делали по-карельски, с ушицей, постным маслом и лучком. Особым лакомством был Сенногубский белый хлеб, который можно было сжать рукой, и он со свистом принимал прежнюю форму. Его ели со сгущенкой и густым киселем «из брикетов».

Все было для меня удивительным: теплые, ароматные земляничные поляны, бабочки невиданной красоты и тяжелые мохнатые шмели, зависающие с гудением над крупными ромашками и колокольчиками, «часики», у его основания, узорчатые змеи, греющиеся на каменных ровницах, ярко-рыжая лиса, которая повадилась к нам в гости. Можно было часами наблюдать, как зеркальная гладь озера начинает слегка рябить и серебриться при малейшем ветерке, мрачнеть и волноваться, когда солнце прячется за тучу, и становиться стальной, чужой и страшной, когда надвигается гроза.

Но больше всего меня поразило небо. Всю свою жизнь, где бы я ни бывала, ни путешествовала, я пыталась найти такой же безразмерный купол неба, полный красок, драматизма, с огромным разнообразием форм и оттенков облаков, пылающими закатами, нагромождениями черных, грозовых туч и разрядами молний, уходящих в воду, россыпью близких и далеких звезд и гигантскими дисками светил. Но нигде мне не удалось встретить такой пронзительной красоты, энергии и мощи!

Однажды к нам в дверь постучали. На пороге стояли три молодых человека в штормовках, с рюкзаками и гитарой. На берегу покачивались на воде две байдарки. Весь вечер при свете керосиновой лампы мы слушали рассказы об удивительных путешествиях. А сколько песен было спето! Они и сочиняли на ходу и едва с нами познакомившись, спели такую песенку:

*Распластался вдоль реки алый луч заката,
Спят угрюмо мужики в деревянных хатах,
Только бродят меж ветвей, будто половинки,
И зовем мы их, ей-ей, Танечка с Маринкой.
У Танюши глаз острей, черненькие точки,
У Маринки же, ей-ей, озера кусочки.*

Тогда эта песня показалась нам гениальной, а поутру гости собирались в путь. «А знаете ли вы, ребята, что в нескольких ки-

лометрах от вас есть прекрасные церкви?» И вот мы уже гребем на байдарках и лодке. Вскоре плечи заныли, а руки покрылись болезненными волдырями, но все неприятности померкли, когда мы увидели церкви, ради которых проделали этот далекий путь.

Могла ли я тогда предположить, что судьба свяжет меня с этим островом на долгие 40 лет, что остров подарит мне любовь, моих замечательных друзей, любимую работу и коллег-единомышленников, которые думали как я, чувствовали как я, и у нас была одна общая цель — сохранить эту хрупкую красоту! И все мы понимали, что нам удастся это сделать только в том случае, если мы будем непрерывно и упорно учиться. Из нас, молодых и пылких, постепенно формировались пытливые исследователи, умелые и кропотливые собиратели и хранители предметов старины, высокопрофессиональные реставраторы. Накопленные знания и опыт суммировались в картотеках, научных трудах и книгах, пополнявших стремительно растущий научно-справочный фонд музея. Параллельно формировался еще один «золотой фонд музея» — коллектив кижских экскурсоводов. В советские времена объявлялся всесоюзный конкурс на право работать в музее. Толстые рефераты, на основе которых проводился первичный отбор желающих, приходили со всех уголков страны — из Сибири, центральной и южной России, Прибалтики, и конкурс выигрывали самые эрудированные, артистичные и способные к постоянному самообразованию соискатели. Книги отзывов изобиловали словами восхищения кижскими экскурсоводами и любви к ним, а когда «железный занавес» рухнул, стали учить языки: немецкий, английский, французский... Освоив один язык, брались за второй, третий и четвертый — итальянский, норвежский, турецкий, финский.. Чтобы рассказ стал достоверным, осваивали ремесла, косили косами-горбушами, обрабатывали лен, жали рожь, вышивали, разучивали старинные ланцы и водили хороводы, пели досюльные песни, учили былины и общались с коренными заонежанами, впитывая местный диалект, осваивая местную кухню, изучая особенности быта и приобщаясь к культуре, носителями которой они являлись. Никакой аудиогид не заменит встречи с образованным, увлеченным и влюбленным в остров человеком, способным передать людям свой опыт, знания, восторг и приобрести в их лице друзей музея Кижского, союзников в деле сохранения и изучения народной культуры и будущих спонсоров.

Отрадно было видеть, как музей взрослел вместе с нами. Церкви и часовни просыпались от забвения и сна, и свои родные ме-

ста занимали бережно отреставрированные иконы и церковная утварь, дома заполнялись предметами быта, украшались досюльными вышивками, яркими прялочками, изысканным фарфором, на сараи возвращались мощные лодки-кижанки, расписные сани, бало и бороны. На полях заколосились рожь, ячмень, нежной голубой полоской расстелился цветущий лен. Настоящим чудом стало возвращение «хозяев» в дома и усадьбы. Надо видеть восхищение в глазах туристов и слышать их восторженные комментарии, когда в доме их встречает приветливая пряха с ребенком, ткачиха, вышивальщица, склонившаяся над старинным узором полотенца, или девица в жемчужном повойнике и нарядном штофном сарафане, ловко нанизывающая «жемчужинки» для бус-жгутов. Вернулись в деревню и традиционные звуки — звон молота кузнеца, стук топора плотника, изготавливающего лемех, ритмичный перестук цепов, обмолачивающих снопы, покрякивание на лошадку, тянущую за собой плуг.

Но путь к благополучию музея нелегок. Большой опасностью для острова являлись люди случайные, или «пришлые», как мы их называли, особенно те, которые обладали какой-либо властью. Как правило, они не задерживались надолго, но и за короткое время своего пребывания могли нанести непоправимый вред постройкам, экосистеме острова и самому музею: то пытались перепрофилировать музей на сбор крапивы и сушить ее для продажи, то построить культурно-развлекательный центр на заповедных Васильевских лугах (какую красоту мы бы сейчас наблюдали с Виговки!?), то запускали на остров такое количество туристов и по таким невероятным графикам, что памятники и ландшафт едва выживали под напором толпы, и специалистам музея пришлось срочно разрабатывать и вводить в статус островного закона нормативы по максимально возможным нагрузкам на церкви, дома и природные объекты, то приказывали косить всю траву, не оставив ни одного полевого цветочка а заодно скосить и чайчи гнезда с вылупившимися птенцами, то изводили на острове скот, который является неотъемлемой частью деревни и деревенского ландшафта, лишив местных жителей пастбищ. А если бы сотрудники музея и общественность Карелии не выиграли бой за Преображенскую церковь в 90-е гг., она давно бы уже не существовала!

Чтобы понять остров, его природу, характер и неповторимость, надо на нем пожить и понаблюдать за ритмом его жизни день за днем — летом, осенью, зимой и весной, и пока он будет в руках людей грамотных и неравнодушных, он будет сохранять свою огром-

ную энергетическую силу и притягательность для тысяч гостей.

Когда я рекламировала праздник, проходящий на южном конце острова, туристка сказала: «А, это где продают плетеные корзины и пироги и мастера сидят в ряд? Такое мы каждое воскресенье видим на ярмарке в Мытищах, мы не для этого сюда едем. А вот где у вас Марьяна гора? Вот там, говорят, надо обязательно побывать».

Бренд музея и острова Кижы — это девственная природа: чистый воздух без выхлопных газов автомобилей и тракторов, чудесные деревенские дорожки, не изуродованные колесами машин или щедро засыпанные щебнем, а поросшие травкой, с подорожником и клевером на обочинах. Это тишина без звуков громкоговорителей, рева суперскоростных катеров и вертолетов. Какой сейчас спрос на тишину! Возможность услышать шелест тростника, скрип уключин, плеск волн, крики птиц, всплеск щуки воспринимается нашими гостями как восхитительная экзотика.

Бренд острова — это удивительный ландшафт, не испорченный когресс оллами или концертными залами, его простор, луга, покрытые коврами полевых цветов, которые в природе встречаются все реже, а в «стриженной» Европе теперь искусственно воссоздаются за большие деньги.

Бренд острова — это «возвращение к корням», а поскольку Заонежье — крестьянский край, то это наиболее достоверное воссоздание деревни с традиционными постройками, полями, сенокосами, лодками, ритмом крестьянских работ и праздниками, песнями, обрядами деревни с ее запахами, звуками, и не бездушной, а населенной мужчинами, женщинами, детьми и пасущимися на лугах овечками и коровами!

Бренд музея — это ухоженные охранные территории музея с восстановленными и обустроенными старинными домами и усадьбами, где люди могли бы провести настоящие Кижские каникулы, такие же, как мои каникулы в Кузнецях, навсегда оставившие след в моей памяти и душе и разбудившие в моем сердце любовь к дивному краю — Заонежью.

2015 г.

ИГОРЬ ПИЩИК¹

РАССЕКАЯ ВОЛНЫ

К лету 1965 г. у нас собралась компания друзей, желающих провести отпуск в байдарочном походе. Решение было единогласным: идем в Карелию. Началась предотпускная суета.

В соответствии с маршрутом мы должны были пройти на байдарках 400 км, добраться до Петрозаводска, чтобы попасть в Кижы. В те годы Кижы только набирали свою славу после реставрации, и поэтому не посетить такое чудо было бы неппростительно.

Исходный пункт маршрута — Топозеро, и с этого момента мы начинаем вкушать прелести, красоты и чудеса Карелии. Одно из таких чудес — солнце: в полночь оно висело в зените, и мы снимали видеофильм на пленке минимальной чувствительности, а в 3 часа ночи оно наконец заходило за горизонт, но через полчаса из той же точки снова поднималось. Совершенно необычное для нас, жителей средней полосы, явление.

Мы продолжали свой путь, и на этом пути нас ждало изумительное по красоте явление. Мы шли на байдарках после дождя и неожиданно увидели арку радуги, выходящую из воды. Ноги этой арки стояли в воде, а сама она имела над водой вид ворот, в которые можно было въехать. И мы въезжаем в эту арку!

Потрясающее ощущение, как будто мы въезжаем в ворота рая, а до радуги, казалось, можно было дотронуться руками. Это была сказка, сказка, ставшая реальностью, хотя до сих пор кажется, что это могло только присниться.

Не буду описывать весь поход, но в конце его мы благополучно прибыли в Петрозаводск.

Байдарки и тяжелые вещи, более нам не нужные, мы сдали в камеру хранения на речном вокзале и узнали, что из-за плохой погоды (на Онеге штормило в 6 баллов) теплоходы на подводных крыльях не ходят.

Делать было нечего, мы решили заночевать в речном вокзале (тогда это было еще возможно). Утром началась непонятная нам суета, и прошел слух, что, несмотря на шторм, теплоход на подводных крыльях пойдет в Кижы, потому что туда повезут группу туристов из Финляндии, а поскольку группа небольшая, то на нем смогут поехать, благодаря финнам, и наши соотечественники.

¹ Пищик Игорь Израилевич, доктор технических наук, специалист в области древесиноведения, занимался исследованием иконостаса церкви Преображения Господня.

Разумеется, мы были первыми у окошка кассы, и вот мы на теплоходе.

В те годы на таких теплоходах работали буфеты, мы ринулись туда, чтобы позавтракать, но буфет был закрыт на обслуживание финнов. Финны расположились в переднем обзорном отсеке теплохода, а буфет находился в кормовом отсеке, и когда из третьего отсека понесли в первый громадные блюда с закусками, наши соотечественники нелитературными словами поминали известное русское гостеприимство.

В конце пути перед самыми Кижамы нам удалось все-таки съесть по паре бутербродов, оставшихся от финнов.

В Кижамы нам объявили, что теплоход будет стоять один час сорок минут, что финны опаздывают на самолет, и поэтому опоздавших ждать не будут. С тем и сошли мы на берег.

Не буду описывать наши эмоции, приходилось все время смотреть на часы и уходить с экскурсий, не дослушав.

Прошел час и сорок минут, мы все на теплоходе, а финнов нет, их увезли на дальний конец острова знакомить с постройками разных районов Карелии. Минут через сорок после указанного времени появились финны, и теплоход отвалил от берега. Когда расстояние от берега до теплохода составляло уже метров 200, внезапно на пристань выскочил парень из нашей команды — заглядеться и заслушаться в Кижамы немудрено. Мы умоляем капитана подплыть к берегу и забрать беднягу, положение которого хуже не придумаешь: на незнакомом острове без копейки денег, со знанием того, что теплоходы еще неизвестно сколько времени не будут ходить, но капитан решительно отказывается, ведь финны опаздывают на самолет.

Мне срочно выдали десять рублей, я сунул их в карман и вышел на крыло, чтобы спрыгнуть. Кто-то из команды пытался схватить меня за ногу, но я лягнул его этой ногой и прыгнул в воду. Здесь капитан остановил теплоход, потому что «человек за бортом», и финны уже на самолет не торопились.

Здесь надо вам сказать, что я пловец и ватерполист, поэтому проплыть 200 м даже в шестибальный шторм мне было нетрудно. Единственно, что мне досаждало во время этого исторического заплыва, — это наполовину оторванная подошва моего кеда...

Вечером мы с товарищем направились в ресторан, тогда на 10 рублей можно было вдвоем поужинать, затем, погуляв по острову и насладившись его красотами, решили устраиваться на ночлег. На острове стояло несколько маленьких стогов сена, и мы, подрыв внизу отверстия, углубились каждый в свой стог так, что в стогу на-

ходила голова и плечи, а все остальное было снаружи. После пережитых волнений спалось хорошо, но только ночью пошел мелкий дождь, и нам пришлось углубляться в стог. Так полночи мы и провели, углубляясь в стога.

Утром пришел большой теплоход, в котором за нами приехала моя жена. Так завершился наш поход, оставшийся в памяти на всю жизнь.

В 1965 г., когда происходила эта история, я даже подумать не мог, что пройдет не так много времени и судьба накрепко свяжет меня с замечательным островом и его людьми — хранителями этой красоты. Благодаря Кижам я получил возможность сделать одну из лучших моих работ по экспертизе и атрибуции иконостаса Преображенской церкви.

Работа началась, когда в одном из сборников музея появились одновременно три публикации, в одной из которых утверждалось, что иконостас относится к XVII в., во второй — к XIX, а в третьей — к XX. Это и побудило взяться за датировку образцов. Результаты датирования оказались настолько неожиданными, что по согласованию с администрацией музея было решено датировать больший объем материала из разных частей иконостаса, к тому времени уже демонтированному.

Выяснилось, что иконостас изготовлен из пяти пород древесины. Из липы сделаны накладные детали резного декора, из ольхи — резные детали, колонки иконостаса, из дуба — резной багет, обрамляющий проемы икон, из сосны — резные детали и рама-каркас барочного иконостаса. Осину использовали при ремонтах.

Были отобраны 100 образцов, из липы — 47, из них 64% датируются 1647 г. (здесь и далее погрешность ± 15 лет опускается). Поскольку Преображенская церковь построена в 1714 г., возникли две версии: либо древесина липы заготовлена заранее, либо иконостас привозной.

Первая версия оказалась несостоятельной по нескольким причинам. Прежде всего, за 60-й параллелью, где находится остров Кизи, липа произрастает спорадически. Даже если допустить, что ее заготовили в XVII в. на месте, непонятно, почему в начале XVIII в. соорудили не резной, а тябловый иконостас из сосны, а затем и второй такой же.

Кроме того, зная высокую стоимость древесины и очень бережное к ней отношение наших пращуров, трудно представить, чтобы

они, говоря современным языком, омертвили большие капиталовложения на срок почти в 70 лет. Значит, иконостас привозной?

Внешний вид золоченого барочного иконостаса не очень вяжется с суровой простотой интерьера деревянного храма. Именно это обстоятельство и позволяет предположить, что иконостас, возможно, перевезен из другого региона.

Если обратиться к деталям из ольхи, то окажется, что 90% из них датируются 1770 г. Есть ли этому объяснение? В архиве сотрудником музея Б. А. Гушиным найден документ, в котором дается поручение арестовать участников Кижского восстания 1769 — 70 гг. и среди них «находящегося в Кижской трети при строении иконостаса «Преображения Господня» воложанина (выходца из Вологды) резчика Степана Афанасьева». Обратите внимание: время нахождения резчика на острове и годы рубки совпадают. К тому же ольха, как и осина, в этом регионе широко распространена — следовательно, иконостас делали из местных материалов.

Некоторые детали из сосны также датируются 1770 г. Обнаружены и совпадения по датам некоторых деталей сосны и липы: 1660 — 70, 1690 и 1730 — 40, в эти годы иконостас ремонтировали, причем, возможно, еще до перевоза в Кижы.

Полученные данные позволяют прочесть ситуацию так: декор, изготовленный из древесины липы, некоторые детали каркаса и полностью Царские врата доставлены из другого региона, а сам иконостас строили на месте из подручных материалов. Подтверждением того, что декор привозной, служит еще один важный аргумент. На липовые детали, датируемые 1647 г., положен слой серебра, покрытый лаком, — технология, имитирующая позолоту. На образцах более поздней датировки ничего подобного нет. Наличие серебра на резьбе только из старой древесины однозначно говорит: декор привезен в готовом виде. Возникают вопросы, откуда и почему?

Если вспомнить историческую ситуацию того времени, можно предложить гипотезу, которая хорошо увязывается с полученными результатами.

В 1764 г. Екатерина II начинает проводить политику секуляризации (отторжения) церковных земель. В результате многие монастыри и приходы нищают, и, чтобы выжить, продают часть своего церковного имущества.

Маловероятно, что Кижская община при замене иконостаса хотела приобрести его целиком, ибо он не вписался бы в новую для себя

многогранную пространственную структуру. А вот детали можно было использовать, да, наверное, это было и дешевле.

Таким образом, если гипотеза верна, то документы о купле-продаже частей иконостаса следует искать между 1764 и 1769 гг. Столь резкое сужение диапазона поиска — одно из главных достоинств метода датирования.

Откуда же привезены фрагменты иконостаса? Пока неизвестно. Но уже сейчас можно сказать, что храм, из которого их доставили, создан в середине XVII в., его иконостас ремонтировали в 1660 — 70, 1690, 1730 — 40 гг., а финансовое положение этого храма было не блестящим, если вместо позолоты использовали ее имитацию (впрочем, в это время могла быть распространена именно такая технология нанесения покрытий).

Кроме того, поскольку середина XVII в. — начало барокко в России, то храм нужно искать в одном из районов, традиционных для резьбы по дереву, и Вологда (если вспомнить вологодского резчика) имеет на это достаточно оснований, тем более что остров Кижи и Вологда — довольно близкие регионы. Кстати, обнищание вологодских монастырей с 1764 г. подтверждается документами.

Здесь также надо сделать оговорку, что резчик из Вологды мог оказаться на острове и не в связи с перевезенным иконостасом, а просто выехав на заработки.

Местонахождение первоначального иконостаса неожиданно приобрело «западную» окраску, когда было обнаружено, что багет, обрамляющий иконы, изготовлен из древесины дуба. Эта порода в северных регионах не произрастает, она характерна для западных областей.

Однако данная версия была поколеблена после того, как просчитали количество дубового материала, необходимого для всего иконостаса. Расчет показал, что даже с учетом 50% полезного выхода заготовок необходимый объем древесины составляет менее одного бревна средних размеров.

Дубовые детали датируются 1647 и 1770 гг., т.е. в иконостасе-первенце дубовый багет уже присутствовал. Значит, частично он тоже перевезен, а частично изготовлялся при строительстве иконостаса в 1769 — 70 гг.

В связи с тем, что длина резных колонок задает высоту проема икон, а колонки изготовлены из ольхи и датируются 1770 г., стало ясно, что иконостас соорудили на месте под уже имевшиеся и вполне определенные иконы. Но тут произошел неожиданный поворот.

При осмотре иконы «Рождество Христово» из праздничного ряда обнаружилось, что нижняя ее часть опилена, она короче верхней примерно на 5 см. Как сообщили работники музея, в иконостасе есть еще несколько таких икон. Это означало, что иконостас перевезен целиком, а имевшиеся иконы к нему подгоняли. Следовательно, полученные датировки могут оказаться не верны?

Рассеял сомнения Б. А. Гушин, обратившийся к документам с записями о ремонтах иконостаса. Вот одна из этих записей: «18 февраля 1869 г. мы, нижеподписавшиеся, государственные крестьяне из Повенца Пудожского прихода Родион Иванов Поташев и Гавриил Семенов Насонов составили настоящий договор с комитетом по ремонту церкви Преображения в Кижях при следующих условиях: Сделать в церкви новые полы поверх старого пола алтарного помещения... Поднять в куполе икону с тяблами и внутренние потолки на 4 вершка (примерно на 18 см).

Итак, при настилке новых полов поверх старых иконостас должен был подняться, а чтобы он не уперся во внутренний потолок, последний тоже предстояло поднять. Но причем здесь опилка икон?

Ответ стал понятным после ознакомления с другим документом. «По поводу приказа Олонецкой Духовной Консистерии от 10.11.1869 г. 5574 имеем честь сообщить, что для ремонта нашей церкви Преображения Спаса на истекший период 1869 г. выполнены следующие работы (идет перечисление)... Согласно смете расходов нужно еще перекрыть наружные кровли и сделать внутренний потолок, какие работы можно выполнить тогда, когда для них будут нарублены необходимые запасы (древесины) в течение будущего лета 1870 г.».

Так вот в чем дело: пол-то подняли, а на потолок не хватило материала, и чтобы церковь работала (только на острове было 12 деревень, да еще сколько людей съезжалось из округи), пришлось укорачивать иконостас по высоте — вот и опилили иконы. К тому же сотрудница музея Г. И. Фролова обнаружила на двух коротких колонках 4-го яруса следы опилки. Что ж, версия подтверждалась?

Б. А. Гушин провел подсчеты и сообщил: если укоротить иконы на 5 см в ряду (как и икону «Рождество Христово»), то для укорочения иконостаса на 18 см потребовалось бы опилить минимум три ряда икон. Но самое главное: должны быть опилены все иконы в ряду!

Летим с Б. А. Гушиным в фонды музея «Кижы» в Петрозаводске и узнаем: все без исключения иконы опилены! Одновременно выяснили, что иконостас был укорочен не на 18 см, а на меньшую величину, и поэтому его верх закрыл расписной фриз «неба», а у двух икон, упершихся при подъеме в балки «неба», выпилены значительные участки.

Так, у иконы «Пророк Наум» выпилен правый угол высотой 4 и шириной 21 см, а у иконы «Пророк Аввакум» сделан V-образный вырез высотой 6,5 см.

Теперь стало ясно, что укорочение иконостаса и обрезка икон произошли в 1869 г. при настилке новых полов (это время зафиксировано на многих образцах). Следовательно, датировочные данные были реабилитированы.

Оставался еще один момент. При демонтаже иконостаса под ним были найдены так называемые закладные монеты 1765, 1813 и 1842 гг. чеканки.

Поскольку по традиции их закладывали при строительстве и ремонтах иконостаса, важно было проверить, как состыкуются датировки монет и древесины.

В Государственном историческом музее сообщили: медные монеты 1765 г. имели хождение до 1796 г. (значит, одна из них попала в иконостас при его строительстве в 1770 г.), монеты 1813 использовались до 1830 г. (такие датировки есть, был ремонт), а монеты 1842 г. ходили до 1849 (таких дат у нас нет). Правда, серебряные монеты всех годов чеканки были в употреблении до 1918 г. Значит, надо проверить, какие монеты были найдены, медные или серебряные.

И вот у телефона С. В. Куликов — главный архитектор музея. От него узнаем, что монеты 1765 и 1813 гг. — медные, а монета 1842 г., положенная при настилке полов, — серебряная, т.е. последняя монета положена в иконостас в 1869 г., и все полученные датировки оказались взаимосвязанными.

Это исследование оказалось все-таки незавершенным, поскольку осталось неизвестным, из какого региона, и из какого храма происходят детали иконостаса. Чтобы попытаться закрыть этот вопрос, автор обратился в архив КГБ СССР (в 1989 г. его открыли) с вопросом, нет ли в архиве документов консистории г. Петрозаводска. Ответ был отрицательным.

Теперь несколько слов о реставрации Преображенской церкви. До ее начала довелось мне беседовать с архитектором А. Рахмановым. Я пытался предостеречь его от использования современной древесины при реставрации. Суть дела в том, что в течение первых лет после заготовки современная древесина дает большую усадку, т.е. уменьшается в размере, причем усадка во времени изменяется по гиперболическому закону, т.е. современная древесина усаживается быстро и намного, а старая — медленно и на небольшую величину. Это означает, что включение в старый памятник современной древесины через некоторое время приводит к его перекосу. Избежать

перекосов можно лишь тем, что заменяется на современную не отдельное разрушенное бревно, а все бревна этого яруса по периметру. В этом случае уменьшается лишь высота памятника.

В ответ на мои предостережения А. Рахманов одарил меня взглядом, в котором явно читалось: «мы специалисты, а ты кто такой?»

Я предлагал и другой вариант: найти древесину 100-летней давности и использовать ее для реставрации, т. к. через каждые 200 лет свойства хвойной древесины повторяются и в случае такого подбора свойства 100-летнего материала и 300-летнего будут меняться синхронно с возрастом и все негативные моменты будут устранены (см. мою книгу²). Древесину 100 лет предполагалось брать из заброшенных в Карелии зданий. Это предложение также не было услышано.

Вот почему я и говорю, что все будущие неприятности — это только вопрос времени, и деньги на следующую реставрацию надо готовить уже сейчас.

Несколько слов о часовне Лазаря Муромского. В музее имеются данные дендрохронологического анализа, подтверждающие датировку XV в. Думаю, что эти данные ошибочны, потому что я сам обнаружил в основании часовни древесину XVII в. Кроме того, состояние древесины часовни вызывает сомнение в том, что она заготовлена в XV в. В этой связи, конечно, было бы очень важно уточнить, есть ли в памятнике элементы XV в. и сколько их.

В заключение хочу расписаться в своей любви к чудесному острову и его замечательным сотрудникам — хранителям красоты и таланта россиян, а, говоря словами А. С. Пушкина, «...если только жив я буду, чудный остров навещу...».

Низко кланяюсь сотрудникам музея за их благородный труд и желаю им радости и творческих удач.

² Пищик И.И. Датирование памятников из древесины. — М., 2014. — 164 с.

БОРИС ГУЩИН

ПЕРВЫЙ ГОД В КИЖАХ

Б. А. Гущин. О. Кижы. Фото конца 1960 гг.

Так уж получилось, что хотя мы с Виолой учились на одном курсе ПетрГУ, но я отстал на целый год. Так что Виола закончила университет в 1966 г., одновременно защитив диплом и родив дочь Юлю. В этом же году был основан музей «Кижы» как самостоятельное учреждение. Виолу рекомендовал в штат нового музея зав. кафедрой всеобщей истории Иван Иванович Кяйвярйнен, руководитель ее дипломной работы. Но сразу поехать в Кижы для нее было нереально, и я поехал на остров разведывать обстановку.

Впервые я приехал на остров в августе 1966 г. на «Метеоре». Шел противный дождь. «Метеор» был набит пассажирами. Я сидел с пожилым человеком, как оказалось имеющим отношение к музею. Он постоянно, как мне показалось, почему-то с легким испугом говорил:

— Это просто какое-то паломничество нынче.

«Метеор» пристал к главному причалу у Кижского погоста. Да простите меня все, читающие мои воспоминания. Темные, вымокшие Кижы, да еще снизу, с воды, произвели на меня гнетущее впечатление огромной массы чего-то деревянного, заслонившего собой

все небо. Подлинное очарование Кижей я почувствовал только в следующие приезды.

Мой сосед начал сразу после сошествия на берег что-то организовывать, а я пошел в администрацию искать начальство. Нашел я пожилого строгого дядю, который, выслушав меня, сказал, что кадровыми вопросами занимается зам. директора Николай Илларионович Долголенко, который должен приехать на «Метеоре». Я спросил, как он выглядит, и главный хранитель Алексей Тихонович Беляев (а строгий дядя им и оказался) точно описал Долголенко. Я понял, что мой сосед и был тем самым человеком, который мне нужен.

Николая Илларионовича я нашел на экскурсии. Он, размахивая указкой, тепло, живо и как-то очень уж по-домашнему вещал о красотах мокрых и черных Кижей. После экскурсии он внимательно и доброжелательно выслушал меня и сказал:

— Потерпите до зимы. А жена ваша пусть зайдет к нам где-то в декабре.

Долголенко сдержал слово, и Виола была принята в музей в декабре 1966 г. на должность кассира. Других ставок не было.

Разумеется, что первую зарплату на остров повез я, а не Виола. Оказалось, что мне нечаянно передали сверх необходимой суммы значительную часть денег. Я, конечно, ничего не знал об этом, и, когда у меня осталась в излишке огромная сумма, я был в недоумении. Выяснилось все по приезду. Как меня тогда благодарили бухгалтера! Они уже чуть ли не зачислили деньги в недостаток.

Выдавал я эти деньги плотникам-реставраторам тоже довольно своеобразно. Рабочие попросили меня сделать это в «Голубом Дунае» — крохотном магазинчике, стоявшем рядом с административным зданием. Зарплата тут же отоваривалась.

Весной подошла и моя очередь устраиваться на работу. Я был на пятом курсе. Мне грозило распределение. Я обратился к директору музея Владимиру Ивановичу Смирнову, бывшему армейскому журналисту, что слегка в музее чувствовалось. Было много отставников после хрущевского сокращения армии. Такие выражения, как «военный совет» вместо «ученый совет» и «штабная культура» вместо «порядок оформления документов» постоянно звучали в дирекции. Владимир Иванович посоветовал мне как-то выкрутиться от распределения и пообещал летом взять в штат.

Я подписал распределение в Пиндушскую школу Медвежьегорского района, предварительно узнав, что мне там ничего не светит и я там никому не нужен. И, не получив подъемных, сдав направление в Медвежьегорское РОНО, я оказался свободен. Тем более что

еще в апреле, когда В. И. Смирнов был в какой-то командировке, его секретарь Лида Юллинен оформила меня в музей на ставку художника-оформителя (я и грибка-то не умею нарисовать). Вернувшись, Смирнов отчитал Лиду, но смирился. Мы с ним всегда были в хороших отношениях.

Владимир Иванович был интеллигентом из армейских кругов. Читал на экскурсиях Блока «Россия, нищая Россия, мне избы черные твои...».

Я вспоминаю наши весенние обеды в административном здании. Каждый день была вкуснейшая уха, которую варила нам администратор Валентина Ивановна Елупова. Все мы, человек 20, сидели за одним столом, последним приходил директор с начатой маленькой. И всем хватало.

Иногда мы совершали такие поступки, что сейчас думаешь, как нас тогда не наказали? Так, в один прекрасный день мы узнали, что в Великой Губе в клубе вечером идет фильм «Шербурские зонтики». Мы его видели, но захотелось посмотреть еще. Мы с Виолой и Лидой Юллинен пошли на МРБ к Мише Зенчику и запросто вчетвером на музейном судне поехали в кино за 20 километров. Телевизора тогда на острове не было. Да и света тоже. Как говорила сотрудница Мария Васильевна Медведкова:

— Одна скука на этом острове. Ни кина, ни танцев.

Да, а после фильма мы попали в шторм.

И все-таки главное в наш первый сезон — это встречи с прекрасными людьми, запомнившиеся на всю жизнь. Как можно забыть первых экскурсантов: искусствоведа, вдову академика Л. А. Орбели, А. Н. Изергину, ее сына Митю с женой и директора Национальной галереи Франции М. Жарду.

На следующий год Антонина Николаевна приехала с женщиной, которую я, как ни странно, узнал, хотя до этого никогда не видел.

— Мадам Лида.

— Я Вас знаю. Вы Лидия Делекторская, секретарь Матисса.

Мадам Лида была очаровательна и узнаваема даже через 50 лет после тех портретов Матисса.

Мы подружились с реставратором Саввой Ямщиковым, познакомились с Верой Григорьевной Брюсовой. А будучи как-то в музее ИЗО в Петрозаводске в зале древнерусской живописи, мы почему-то заспорили о наших карельских иконах, и к нам подошла женщина, сидевшая рядом и что-то записывающая:

— Давайте я вам расскажу об этих иконах.

Женщина оказалась искусствоведам, крупнейшим знатоком

северной иконы Энгелиной Сергеевной Смирновой. С необыкновенным человеком Вольфом Григорьевичем Мессингом мы провели целый день летом 1967 г. С ним было очень хорошо. От него исходил мощный заряд доброты и покоя. Я вспоминаю иногда тот день, Вольфа Григорьевича, и мне становится лучше.

В первый же год работы в музее мы стали общаться с выдающимся писателем Дмитрием Балашовым. С архитекторами, связавшими свою жизнь с народным деревянным зодчеством, мы впервые познакомились тоже в 1967 г.

Вспоминаются Борис Васильевич Гнедовский, Иван Васильевич Маковецкий, Лев Михайлович Лисенко и, конечно же, наш любимый Александр Викторович Ополовников.

Первое наше знакомство с Александром Викторовичем было достаточно напряженным. Необходим был официальный отзыв музея об эскизном проекте музея «Кижы», разработанном архитектором К. Губельманом. Его научным руководителем был А. В. Ополовников. Директор поручил это дело нам с Виолой.

— Побольше критики!

Нам критиковать А. В. Ополовникова! Нам, которые только что подготовили свои экскурсии, основываясь почти исключительно на его материалах. Мы очень внимательно изучили проект Губельмана и представили свою рецензию. Были там и конкретные замечания.

И, о, ужас, приезжает Александр Викторович, и Владимир Иванович представляет ему нас с рецензией. Чутьку взволнованный, но не потерявший своей всегдашней крутизны, Александр Викторович достаточно вежливо и деликатно нас выслушал, даже с чем-то согласился, кажется с нашей датировкой ветряной мельницы из деревни Волкостров, и ничуть не обиделся.

Мы не хотели отходить от него и несколько дней подряд задавали ему множество вопросов. Иногда и глупых. Александр Викторович с исключительным вниманием выслушивал наши глупости и отвечал на них. Мы подружились с Ополовниковым, и он пригласил нас заходить в гости, когда мы будем в Москве. Его гостеприимством мы пользовались не раз: и на Малой Бронной, и на Ростовской набережной.

В первые годы работы у нас бывали и неприятности. Но по прошествии полувека неприятности эти кажутся микроскопическими. Эти годы остались годами надежды, оптимизма, радости, красоты бытия (но не быта).

ВИОЛА ГУЩИНА

**МЫ ХОТИМ ОБЪЯТЬ НЕОБЪЯТНОЕ И ВЕРИМ,
ЧТО ЭТО ВОЗМОЖНО**

**Экспедиция в Заонежье. За разбором экспонатов
В. А. Гущина и А. Т. Беляев. Фото 1973 г.**

Остров Кижы принял меня сразу и, как оказалось, надолго. Я вошла в его жизнь естественно и просто. На острове царил дух интеллигентности. Она исходила от нашего первого директора Владимира Ивановича Смирнова, военного журналиста. Ею был «пропитан» наш первый наставник — мудрый Алексей Тихонович Беляев. Он вкладывал свою душу в любой, казалось бы, навсегда обреченный предмет из прошлой жизни. Побывав в его золотых руках, заводились все часы, и мелодично били куранты, предметы старины оживали и вновь обретали свою нужность.

Чрезвычайно полезными были длительные беседы со специалистами Русского музея Энгелиной Сергеевной Смирновой, Никандром Викторовичем Мальцевым, московским искусствоведом Верой Григорьевной Брюсовой (Светличной), реставраторами Савелием Васильевичем Ямщиковым, Геннадием Жаренковым, Евгенией Михайловной Кристи. Незабываемыми остались многочасовые беседы с человеком редчайших глубоких знаний — Александром Арсентьевичем Невским. Энергией и мощным твор-

ческим потенциалом обладал Александр Викторович Ополовников — московский архитектор, автор проектов реставрации и руководитель реставрационных работ по Кижскому ансамблю.

Кижские притягивают к себе лучших из лучших специалистов страны, став своеобразным эпицентром многочисленных проблем, возникших в связи с необходимостью обеспечить длительную сохранность хрупких деревянных строений и капризных произведений древнерусской живописи,

Духовное общение со специалистами столичного уровня и бытовая островная неустроенность полудеревенского типа, к сожалению, сохраняются до наших дней, придают своеобразный шарм кижской жизни. Например, ты только что принимала в своем хлипком садовом домике знаменитого мексиканского дирижера или художника из Бразилии, а после их ухода идешь копать грядки на огороде или, сев в лодку, проверяешь катиску: попалась ли на ужин рыба... Ты только что общалась с испанцами, немцами, итальянцами, а через некоторое время у тебя в руках корзинка с грибами-ягодами или идешь растапливать баньку...

Я побывала в разных странах, видела Рим, Неаполь, Мадрид, Карфаген, Афины. Много на свете чудес. Но Кижские единственны; такого не увидишь нигде!

Работа с шедеврами мирового значения полна загадок. Я люблю их разгадывать, и кое-что из истории кижских церквей удалось прояснить. Иногда тихие архивные записи взрываются сенсациями: «Кижские постарели!» И со временем устоявшиеся датировки начинают колебаться, изменяться, уточняться... Оживают, казалось бы, невероятные легенды: «Финский летчик не выполнил приказ и не сбросил бомбы на кижские церкви». И в преклонном возрасте он приезжает посмотреть на кижские церкви, так поразившие его своей красотой в годы войны!

Оказывается, что и красота может защитить себя, если с нею встречается благородное сердце Человека, способного совершить Поступок.

Задаваясь вопросом об особенностях их архитектурного решения, пришлось углубиться в историю деревянного зодчества северных регионов России. Это дало возможность убедиться в непревзойденности архитектурного ансамбля, завершившего многовековой путь развития деревянного зодчества в России.

Мне удалось проследить пути его становления, создав «систему» разновидностей церквей — от простейших, клетского типа и шатровых, до многоглавых. Получился интересный результат.

Прослеживая разновидности клетских церквей, убеждаешься в том, что, совершенствуя простейшее двускатное покрытие (кровлю), они приблизились к высоким клинчатым кровлям, напоминающим шатровое завершив. Достигнув наибольшей крутизны крыши, исчерпав при этом все художественные возможности дальнейшего своего развития, над клетскими церквами утвердился шатер.

Последовало победное шествие разновидностей шатровых церквей, которые в свое время, исчерпав все свои художественные возможности, передали эстафету шатрово-купольным церквам...

Следует отметить, что первоначально купола подступали к подножию шатров осторожно и деликатно. Но затем увлечение многокупольными церквами иногда приводило к полному уничтожению шатра. Это прекрасно прослеживается на примере девятиглавия Покровской церкви в Кижях. Здесь девятиглавая корона, восторжествовав, низвела собой шатер до низкопокатой восьмискатной кровли («главки съели шатер»). Но при этом пышное 22-главие Преображенской церкви вновь утвердило собой контуры шатрового покрытия: церковь имеет строгий пирамидальный силуэт («главки возродили собой шатер»). Объясняется это тем, что именно пирамида является самой устойчивой опорой любой конструкции. И на примере истории Кижского ансамбля это прослеживается доказательно и убедительно: эволюционный путь развития на нем замкнулся. Свидетельством этому является признание общемировой ценности кижского культового комплекса по линии ЮНЕСКО на правах вершины деревянного зодчества России.

Мне нравится фраза о вепсах: «Гигантская культура микроскопического народа». Так отозвались скандинавы о выступлении уникального вепского хора из Шелтозера. Мои экспедиционные пристрастия переместились из русских деревень «красовитого» Заонежья и древнего гордо скрытого, затаившегося Пудожья в финно-язычные селения загадочного Прионежья, привольные просторы Вологодчины и Ленинградской области, а затем и в северокарельские деревни Беломорского, Калевальского и Муезерского районов. Познание культуры коренного населения Карелии — карелов и вепсов — помогало по крупицам выстраивать новое, свежее восприятие знаменитого Кижского ансамбля. Вдруг стало проявляться взаимодействие двух великих культур. Эти особенности отмечали исследователи северного деревянного зодчества и ранее, выделившие в нем особые черты «прионежского типа» (церковь Успения в Кондопоге — наиболее яркий пример данной разновидности церквей). Всем особенностям этого типа соответствует Покровская церковь в Кижях.

«Барахольщики» — такую надпись мы неожиданно прочитали на пыльных боках нашего экспедиционного автобуса. Так местные пудожские ребята оценили наш богатый «сбор»: сани-дровни, шкафы-перегородки расписные, столы, кровати, иконы, фарфор, одежду, посуду, самовары всех фасонов и цветов.

Позднее все эти предметы счищались от многолетней пыли, отмывались от резкоспецифического запаха «межонки» — рыбы особого приготовления (местного деликатеса) — и занимали почетное место в деревенских домах на на острове Кижы.

Первая экспедиция запомнилась особенно. Мы с Борисом Гущиным встретились с самым древним жителем деревни Боярщина Егором Григорьевичем Тестенниковым. Он помнил и слышал знаменитого Василия Щеголенка, талантливого импровизатора, исполнителя былин. Но Егор Григорьевич, по младости лет своих, совсем не проявлял интереса к именитому соседу.

Узнали мы многое. Собрали интереснейшие предметы крестьянского быта. Услышали мелодичный говор заонежских жителей, впитавших в себя особенности финно-угорского наречия.

Оказывается, на Кижском погосте и третья церковь была! Ее начали строить рядом с зимней, Покровской, церковью, «довели каменное строение до окон, да благодетель помер».

Первая экскурсия... Она мне совсем не запомнилась. Но сколько их было потом! И сколько еще будет?!

2012 г.

АНАТОЛИЙ ЛОПУХА¹

ЛЕТО. КИЖИ. 1968 ГОД

Зимой 1968 г. на историко-филологическом факультете ПГУ появилось объявление о курсах экскурсоводов для работы в Кижях, поэтому мы с другом Сашей Фроловым сразу решили обучаться на них с целью в летние каникулы поработать на благословенном острове в качестве гидов (точнее — экскурсоводов — такое название нравилось больше). С этого времени кроме учебных предметов началось изучение памятников деревянного зодчества, древнерусской иконописи не столько на курсах подготовки экскурсоводов, сколько самостоятельно в библиотеке и в общезжитии. Имена А. В. Ополовникова, С. В. Ямщикова и других исследователей древнерусского искусства все чаще упоминались в разговорах.

Подготовка к работе — это одна сторона вопроса — другая — сессия, которая должна пройти в июне. После некоторых размышлений и приглашения Б. А. Гущина (в то время научного сотрудника музея Кижь) начать работу на острове с открытия навигации на Онего, мы с другом решили сдавать сессию досрочно. Все обошлось достаточно успешно, но мы забыли, что на июль месяц запланирована диалектологическая практика у нас, второкурсников. Решили идти прямо к преподавателю диалектологии — Тамаре Гавриловне Доля. В ответ на нашу просьбу Тамара Гавриловна разрешила зачесть нам практику во время нашей работы в музее и обещала нас навестить во время наших экскурсий, что и сделала неоднократно в течение лета 1968 г. Естественно, мы с Сашей Фроловым записали на магнитофон достаточно много диалектных исполнений песен и стихов и в сентябре отчитались о диалектологической практике.

А настоящая (незнакомая) работа ждала нас на острове с началом навигации (около середины мая). Помню робость, с которой вещал о Преображенской церкви или часовнях из Леликозера и Кавгоры во время первых экскурсий (особенно если видел знакомые лица среди туристов).

Чтобы основательнее подготовиться к проведению экскурсий, ходили с Сашей слушать друг друга, потом отмечали удачные и неу-

¹ Лопуха Анатолий Осипович, проректор Петрозаводского государственного университета, внештатный экскурсовод музея «Кижь» в 1968 — 1969 гг.

дачные моменты, которые доносили до туристов, отмечали наиболее пафосные (ударные) сведения о строителях-зодчих, священнослужителях, легендах острова. Постепенно раскрепощался и со временем овладев определенными знаниями и навыками, уверенно объяснял туристам особенности памятников, делая экскурсии в историю древнерусского зодчества.

Естественно контролировал нас и направлял Борис Александрович Гушин, который стал для нас и добрым наставником, и старшим другом. Навсегда остаюсь благодарен Бобу Гуще (так звали за глаза Б. А. Гушина экскурсоводы-куроводы) за приобщение к великим Кижам, где я нашел новых друзей (Н. Кутьков, Т. Острянина), с которыми поддерживаю контакты до сей поры.

Здесь же на острове состоялись встречи с великими людьми искусства и поэзии. Интереснейшие и познавательные лекции и беседы посетившего остров С.В. Ямщикова еще ярче представили древнюю живопись Карелии, встреча с прекрасным поэтом, впервые услышанные стихи в исполнении мэтра русской поэзии Е. А. Евтушенко — все это — Кижы 1968 г., которые запомнились на всю жизнь.

2015 г.

АЛЕКСАНДР ФРОЛОВ¹

МОИ КИЖИ КОНЦА ШЕСТИДЕСЯТЫХ

Университет деревянного зодчества

Разговор о возможности работы в музее «Кижы» в качестве экскурсовода возник зимой 1968 г., в пору моей учебы на историко-филологическом факультете Петрозаводского государственного университета. Инициатива принадлежала музею. Причиной тому — заметный рост числа экскурсантов при недостатке экскурсоводов. Если в год создания музея-заповедника, в 1966 г., здесь побывало около 30 тыс. человек, то двумя годами позже — уже свыше пятидесяти тысяч. Ни одному карельскому музею такие цифры и не снились!

При этом работу в музее нам обещали засчитать за летнюю производственную практику. Согласились немногие: я да староста нашей группы Анатолий Лопуха.

Зато предложение музея привлекло многих участников популярного в те годы «Науклуба», созданного по инициативе неутомимого журналиста Геннадия Сорокина.

Началась подготовка. Мы стали посещать занятия на «зимней квартире» музея «Кижы», располагавшейся в то время в Петрозаводске, в здании Министерства культуры КАССР.

Группа по подготовке экскурсоводов была небольшая, занимались мы в какой-то темноватой комнате, скупо обставленной видавшей виды казенной мебелью.

Память не сохранила конкретных тем наших занятий. Но помню, что мы посещали их с желанием, а сами лекции-беседы всегда оставляли светлое впечатление.

Курсы, которые мы стали посещать, были нацелены на подготовку экскурсоводов. Однако в программе наших занятий совсем не было лекций по экскурсоведению, скучноватых наставлений в духе многочисленных учебников, учебных пособий и методичек Б. В. Емельянова. Убежден, сделай так музей, все мы тотчас бы разбежались, настолько далеко от жизни и наукообразно все то, что понималось тогда и понимается до сих пор под термином «экскурсоведение».

¹ Фролов Александр Иванович, зав. кафедрой туризма и культурного наследия Российского нового университета (Москва), в 1968 — 1970 гг. внештатный экскурсовод музея «Кижы», один из авторов (вместе с И.П. Тюриковым) путеводителя «Кижы» (Петрозаводск, 1980).

Сотрудники музея справедливо считали, что главное — вовсе не «методическое занудство», а глубокое знание музейных предметов и памятников культуры. Если владеешь материалом, методика родится сама собой. Причем у каждого — своя собственная, с неповторимой авторской интонацией.

Часы занятий летели незаметно. Всех нас буквально завораживала музыка плотницкой терминологии: «четверики», «восьмерики», композиционные приемы «восьмерик на четверике», «шестерик на восьмерике», «кубоватые», «шатровые» и «клинчатые» храмы, безгвоздевые кровли «по курицам и потокам», «косячатые» окна, «причелины» и «полотенца» и многие-многие другие. Эти формы и приемы и не снились тем, кто занимался возведением убогих административных и жилых «коробок» периода развитого социализма.

Все эти волшебные слова мы услышали из уст Бориса Александровича Гущина, который незадолго до этого пришел на работу в музей вместе со своей супругой Виолой Анатольевной. На всю жизнь запомнился мне главный завет Гущина: «Читайте Грабаря!»

И мы читали эти тяжелые на вес, но легкие для восприятия тома. Читали с удовольствием.

До чего же приятно было перелистывать упругие, похожие на тонкий картон, желтоватые страницы большого формата, читать текст, набранный величественным шрифтом и в старой дореволюционной орфографии, разглядывать прекрасные фотографии когда-то многочисленных памятников деревянного зодчества, сделанные в начале XX в. русским художником-графиком Иваном Яковлевичем Билибиным!

В моей библиотеке до сих пор сохраняется приобретенный по случаю, лишенный переплета и некоторых вкладных листов иллюстраций том «Истории русского искусства» под редакцией И. Э. Грабаря, посвященный истории русского деревянного зодчества. Листая его, рассматривая старинные, очень четкие, напечатанные со стеклянных негативов фотографии, всегда вспоминаю наши подготовительные курсы экскурсоводов на старинной Круглой площади г. Петрозаводска.

Через интерес к памятникам деревянного зодчества естественно возник интерес к истории Заонежья, легендарной страны, не знавшей крепостного права, наделенной изумительными ландшафтами, населенной трудолюбивыми и талантливыми людьми.

По дороге в музей

На работу в музей мы отправились в начале июня 1968 г., после завершения летней сессии на втором курсе.

Был погожий солнечный, но не жаркий день. Встретились на пристани и без труда нашли свой теплоход — «Метеор-23» на подводных крыльях. Наша компания — Толя Лопуха, Мила Юдина (Трифонова) и я.

Пока «Метеор» шел по открытой части озера, вспоминалась самая первая поездка в Кижы. Состоялась она в мае 1963 г., после окончания 10-й восьмилетней школы на ул. Анохина. Это путешествие было организовано нашим классным руководителем учительницей русского языка и литературы Анной Ивановной Кокка.

В ту пору по Онежскому озеру в сторону Великой Губы ходили обычные тихоходные теплоходы — «Ом-344», «Ом-337» («Озерный малый») и «Лермонтов», да и то редко. До Кижей они добирались за три— три с половиной часа. Поэтому мы ехали с ночевкой. Ночевать нас разместили в одном из домов в деревне Ямка. Пришлось устраиваться кто как может. Кто-то оказался на скамейках, кто-то на полу. Непривычно и неуютно. Поэтому некоторые, я в том числе, предпочли вообще не спать (благо, всю ночь было светло, как днем), а проводить время на деревянной пристани в надежде наловить на удочку окуней и ершей.

Причуды памяти не удержали никаких конкретных сведений после экскурсии по Кижскому погосту. Гражданская архитектура приютившей нас деревни Ямка, почерневшие от времени, покосившиеся, с латанными-перелатанными шиферными крышами дома особого впечатления на нас, восьмиклассников, не произвела, поскольку тогдашний Петрозаводск был в те годы тоже своего рода «музеем деревянного зодчества»: похожие дома было щедро рассыпаны не только на Перевалке и Кукковке, но и на пр. Ленина, на ул. Анохина, на ул. Красноармейской. Дома эти нередко завершались двускатными крышами сочного болотного цвета: они были покрыты толстым-толстым слоем мха!

У меня создалось впечатление, что в тот пасмурный день на острове Кижы кроме нашего класса никаких посетителей не было. Ни о каком наплыве туристов в ту пору и речи не было. Местных жителей мы тоже почти не видели.

Детские впечатления всегда отличаются своеобразием: навеки вечные запомнились огромные бутерброды из круглого черного хлеба с толстым слоем тушенки, которыми нас щедро потчевала на

острове Кижы и на обратном пути на теплоходе запасливая Анна Ивановна...

... Вернемся к поездке 1968 г.

Вот и кижский причал! От него мы отправляемся в поисках пристанища к бревенчатому строению нетрадиционной архитектуры — Административному зданию. На двух этажах этого ни на что не похожего дома размещались комнаты для сотрудников, служебные помещения, а также общежитие для сезонных экскурсоводов.

По-видимому, нас ждали. Нам тут же показали комнаты, где можно было располагаться, и выдали комплекты постельного белья. Распоряжалась всем этим Валентина Ивановна Елупова.

Главной приметой нашей комнаты оказалась печка. А на печке в виде фрески красовался постоянный обитатель этой комнаты — медвежонок Биша. Согласно легенде, а легенд в Кижях всегда хватало, этого Бишу нарисовал кто-то из реставраторов.

На втором этаже, куда вела лестница с торца этого причудливого здания, размещались крохотные комнатки штатных сотрудников музея. После нашего спартанского общежития эти простенькие помещения казались нам верхом дизайнерского искусства. Помню, что во многих комнатах висели полки с книгами — верная примета людей грамотных и интеллигентных.

У административного здания проходила косая изгородь, отделявшая в ту пору основную часть музея (южную оконечность острова Кижы) от всей остальной территории. На входа на южную требовалось приобрести билеты, а по остальной территории можно было гулять «просто так».

Архаичный туалет по законам тогдашней российской туриндустрии располагался в отдельном дощатом домике. Между прочим, именно чистый-пречистый туалет считался едва ли не главным показателем готовности музея к новому сезону.

Мы приступили к работе не сразу. Несколько дней нам дали для того, чтобы освоиться на территории, побывать на экскурсиях у «стариков»-экскурсоводов.

Дни эти прошли в какой-то смутной тревоге. Как пройдет самая первая экскурсия? Вызывало беспокойство не столько отсутствие знаний (дат, терминологии, технологии), сколько предчувствие каких-то уму непостижимых вопросов со стороны экскурсантов. А вдруг спросят о том, чего я не знаю? Что тогда?

В Кижях не было привычного советского официоза. Не припомню, чтобы на этой заповедной земле проходили партийные, профсоюзные или комсомольские собрания. Во всяком случае, если таковые и случались, они не касались нас.

Экскурсионные будни

Первая в жизни экскурсия состоялась неожиданно. Как-то днем нагрянули в музей сразу несколько экскурсионных групп, вести их в этот час оказалось некому, и нас без лишних слов подвели и представили этим толпам людей. И никто в этих группах не догадывался, что перед ними не ушлые гиды, а робкие, теряющие мысль от волнения, панически боящиеся любых вопросов новички.

Однако, как ни странно, и у меня, и у моих начинающих коллег все прошло благополучно. Никто нас не обидел, никто «не посадил в лужу», хотя первый опыт рассказа о достопримечательностях Кижей был, разумеется, далек от совершенства.

Всех нас выручали сами памятники деревянного зодчества. Глядя на них, начинаешь рассказывать, все, что знаешь, о чем читал или слышал.

Начинающим экскурсоводам хочется сказать: «Тебя услышат только в том случае, если сам ты слышишь голос истории, голоса исторических и архитектурных памятников».

Нам было пока что очень далеко до «молодых ветеранов» музея Кижы — Бориса и Виолы Гуциных. Вот истинные корифеи!

Проведение обстоятельной экскурсии всегда требует обширных и разносторонних знаний. Применительно к Кижам это такие историко-культурные пласты, как русское зодчество, история крестьянского искусства, русская и карельская этнография, русский и карельский фольклор, история древнерусской живописи, экология культуры, рациональное природопользование. Таким образом, профессия экскурсовода требует широкого культурного, а еще лучше — не только культурного, но и научного кругозора.

Конечно, как и во всяком советском музее, в Кижях были свои «методички», экскурсионные шаблоны, отличавшиеся «единственно верными» идеологическими аспектами.

К чести администрации музея, нас, начинающих экскурсоводов, никто не заставлял дословно следовать этим «безупречным текстам». Поэтому, может быть, это прозвучит чересчур громко, у большинства из нас сами собой формировались авторские экскурсии. Ведь у каждого из нас были свои любимые памятники, а в этих памятниках — любимые детали... К примеру, мой взор всегда дольше всего задерживался на доме крестьянина Елизарова, на часовне Михаила Архангела из деревни Леликозеро и, естественно, на Преображенской церкви.

В день приходилось проводить по 2-3, а порою и 3-4 экскурсии. И все эти экскурсии чем-то отличались одна от другой.

Продолжительность экскурсий складывалась по-разному. По «методичке» мы должны были уложиться в полтора часа. На деле выходило и два, и два с половиной, и даже три. Все зависело от группы. Хорошей группе всегда хотелось показать побольше памятников архитектуры и более подробно рассказать о каждом из них.

Сами маршруты выстраивались по-разному. Порою, в дни, когда к причалу Кижей приходило сразу 3, а то и 4 туристских трехпалубных круизных теплохода, пристроить свою группу внутри или у стен Кижского погоста оказывалось совсем не просто. Все хорошие видовые точки заняты, тесно сблизиться с другими группам тоже не хотелось, дабы не мешать коллегам.

Поэтому одни экскурсии начинались с Преображенской и Покровской церквей, другие — с церкви Воскрешения Лазаря, третьи — с крестьянских домов Ошевнева и Елизарова. Каждый вариант требовал своей композиции, своей логики изложения, своего фактического материала. Это во-первых.

Во-вторых, на содержание экскурсии всегда влиял состав группы, степень ее заинтересованности в сведениях, которыми располагал экскурсовод. Очень большую роль играли вопросы, которые давали ясное представление о том, что в первую очередь интересно стоящим перед тобой экскурсантам.

В-третьих, бывали случаи, когда самые любопытные и неутомимые слушатели приходили к тебе дважды, сначала на первую, а потом на вторую экскурсию. Разумеется, не было и речи о том, чтобы таких неутомимых людей ограничивать в их желании. Но в этом случае ни о каком дословном повторении предыдущего текста и речи быть не могло.

Владение обширным фактическим материалом, возможность вольной импровизации делает это ремесло достаточно интересным и даже увлекательным.

Благодарные слушатели как могли благодарили нас по завершении наших устных рассказов. Кто-то оставлял адреса и телефоны, кто-то визитки, кто-то значки и мелкие сувениры. «Книга отзывов» довольно часто пополнялась записями комплиментарного характера.

Самое пристальное внимание на любой экскурсии уделялось Преображенской церкви. «Не было, нет, и не будет такой», — эти слова впервые зазвучали на кижских экскурсиях в 1960-е гг., и без этих слов, кажется, до сих пор не обходится ни один рассказ об этой «вершине русского деревянного зодчества».

Приходилось работать в любую погоду. Например, при сильном ветре и под дождем. Кто-то спросит: «К чему такие подвиги»? А к тому, что расписание круизных судов, составленное заранее на весь сезон, не позволяло капитану задерживаться где бы то ни было. Ни о каких мегафонах, усилителях и прочей звукотехнике не было и речи.

Никто из работавших экскурсоводом не расценивал свою деятельность как «поиск золотого дна»: в российских музеях платили, платят и будут платить всегда мало. Вероятно, высшие чиновники, которые определяют величину денежного довольствия, считают, что все служащие музея должны испытывать от работы в основном моральное удовлетворение.

Так, летом 1970 г. мне и моим друзьям удалось заработать в музее немногим более семидесяти рублей, что никак нельзя было назвать впечатляющей суммой.

Собирательный портрет экскурсантов 1960 гг.

Кому-то кажется, что главное действующее лицо на экскурсии — Его Величество Экскурсовод. Кто-то, напротив, отдает пальму первенства экскурсантам. Кто важнее?

На этот вопрос проницательно ответил упоминавшийся выше Б. В. Емельянов. «Главный признак экскурсии, — не уставал напоминать он в своих многочисленных учебных пособиях, — наличие экскурсовода и экскурсантов». Много времени прошло, а это тонкое наблюдение и сегодня приводит в восторг всех, кто приступает к изучению теории и методики экскурсионного дела.

Применительно к экскурсоводу принято говорить о наличии «неподражаемого лица». По отношению к аудитории посетителей — скорее об обобщенном портрете.

Перед глазами встает собирательный портрет экскурсанта-шестидесятника. Сразу следует уточнить: в Кизи, как и в любой другой российский музей, гораздо чаще приезжали женщины, а не мужчины. Хорошо, если представители сильного пола составляли хотя бы пятую часть посетителей.

Возраст «типичной» женщины-экскурсантки лежал в пределах 50-60 лет. Этому легко дать объяснение: женщинам помладше, занимавшимся воспитанием детей, было не до заповедников, а у представителей старшего поколения для далеких поездок в Заонежье не хватало ни здоровья, ни денег.

Основную долю наших благодарных слушателей составляли образованные и относительно хорошо материально обеспечен-

ные ленинградцы и москвичи. Для экскурсоводов это были самые желанные слушатели. Не помню, чтобы в этих группах возникали какие-то претензии и недоразумения. Вся публика вела себя на экскурсиях очень степенно, а какая-то часть, преимущественно женщины среднего возраста, являлись на экскурсии с блокнотами, куда старательно заносили почти всю информацию, услышанную от экскурсовода.

Одеты экскурсанты в массе своей были очень скромно и неприязнательно, на многих были выдавшие виды куртки, потертые свитера и самые простенькие головные уборы. Шиком считались входившие в моду плащи «болонья». Отрадно, что люди тратили свои деньги не на приобретение новых вещей, а на расширение своего культурного кругозора.

Местные жители никогда не делали «погоды» в музее-заповеднике. Для сельского населения России вообще нетипично посещение каких-либо музеев, а петрозаводчане, вероятно, постоянно откладывали и до сих пор откладывают посещение Кижского музея «на потом».

Кижский музей-заповедник, как и другие музеи-заповедники, которые стали создаваться в России примерно с середины 1950 г., вызывали у большинства посетителей неподдельный интерес. Вероятно, это объяснялось тем, что они фокусировали свое внимание не на набившем оскомину «советском периоде», а на истории царской России. Причем, как ни странно, в ряде случаев показывали светлые стороны дореволюционного периода, оборванного большевиками в 1917 г.

Типичные вопросы экскурсантов тех лет.

- А вы здесь живете круглый год?
- А чем вы занимаетесь зимой?
- Когда в кижских храмах последний раз проходила служба?
- Правда ли, что все постройки сделаны без гвоздей?
- Сколько лет ушло у строителей на сооружение Преображенской церкви?
- Как много деревень было раньше (до революции) на острове Киж?
- Что выращивали крестьяне на острове Киж?
- Чем сейчас занимаются местные жители?
- Какова судьба кижских священников в годы советской власти?
- Когда в местных храмах последний раз проходила служба?
- Чем карельская береза отличается от обычной?

-
- Как удалось сохранить памятники деревянного зодчества в годы Великой Отечественной войны?
 - Как добирались до Кижей в XIX в.?
 - Можно ли приехать в Кижы зимой?
 - Есть на острове гостиница?
 - Как долго продолжается навигация на Онежском озере?
 - Где вы (имелись в виду экскурсоводы) тут живете?
 - Почему земля в Кижях черного цвета?
 - Этот буфет сделан из карельской березы? (о буфете в доме крестьянина Ошевнева)
 - Живы ли потомки владельцев этих домов? (про дома Ошевнева, Елизарова, Сергеева)
 - Какие звери водятся на острове Кижы?
 - Крестьянин Елизаров не приходится ли родственником В. И. Ленина?

Чем лучше группа, тем больше вопросов, порою самых неожиданных.

Не помню, чтобы случались жалобы на качество экскурсионного обслуживания. В условиях, когда по территории заповедника одновременно перемещалось свыше десяти экскурсионных групп, всегда можно было почти незаметно «прибиться» к тому экскурсоводу, который вызывал наибольшие симпатии.

Как провозжат теплоходы

В 1960-е гг., как и сейчас, значительную часть туристов составляли в Кижях участники речных круизов.

Кстати, теплоходы в ту пору причаливали у главного кижского ансамбля, а не у той относительно удаленной пристани, как сейчас.

В дирекции музея был график прибытия теплоходов, составленный на весь сезон. Согласно этому графику, к кижской пристани за летний сезон должны были ошвартоваться свыше 150 двух- и трехпалубных теплоходов.

График позволял заранее подготовиться к особо напряженным дням, когда требовалось «обслужить» сразу 3-4 круизных судна. А ведь не надо забывать, что в Кижы свыше 10 раз за день приходили скоростные «Метеоры». И каждый доставлял нам свыше сотни посетителей. Если учесть, что в среднем в экскурсионной группе насчитывалось 20-25 человек, нетрудно представить, сколько групп проходило ежедневно по территории музея и сколько для этого требовалось экскурсоводов.

Многие теплоходы за летний сезон приходили не однажды, и мы хорошо знали руководителей экскурсионных программ.

Всегда с охотой встречали ленинградский теплоход «А. С. Попов». На этом трехпалубном теплоходе начальником рейса был то ли отставной генерал, то ли полковник. По интеллигентной манере держаться он больше походил на университетского профессора.

Этот теплоход запомнился и тем, что на его борт обычно заранее приглашали всех экскурсоводов и бесплатно кормили завтраком. До сих пор с теплотой вспоминаются эти утренние угощения. Радовала нас не столько их бесплатность, сколько подчеркнуто уважительное отношение к нам, экскурсоводам.

Теплоходные рестораны с белоснежными скатертями и блестящими столовыми приборами казались нам верхом комфорта и роскоши.

На всех теплоходах был какой-то характерный запах. Это особый «дух странствий», который не дано почувствовать занятым домоседам.

Плавание по такому огромному озеру, как Онежское, с его сильным волнением и туманами было совсем непростым делом. И нередко теплоходы выбивались из своего «железного» графика.

Однажды осенью 1970 г. всех экскурсоводов собрали в администрации музея непривычно поздно, часов в десять вечера. Оказалось, с одного из круизных теплоходов (по-моему, это был трехпалубник «Родина»), потерявшего много времени из-за густого тумана, поступила просьба: провести экскурсию по музею в ночное время! Конечно, проще простого было ответить сухим отказом. Однако и дирекция музея, и мы, экскурсоводы, отнеслись к ситуации с пониманием. Поскольку стационарного освещения в ту пору не было, эта необыкновенная ночная экскурсия проходила при свете всех наличных прожекторов круизного теплохода. Вероятно, это была первая в России «Ночь в музее». Незабываемое впечатление от сверкающего во тьме Кижского ансамбля до сих пор, словно живое, сохраняется в памяти.

Бывали и другие ситуации. Трудно забыть расхожую музейную поговорку тех лет: «Пришел «Алтай», что хочешь, то и болтай!». Слова эти не случайны. На этом ленинградском теплоходе, который не раз за сезон швартовался к музейной пристани, приезжали к нам передовики социалистического соревнования. Кижские были не их выбором. Просто именно сюда кто-то оформлял им льготные профсоюзные путевки. Мотивация на расширение знаний в области архитектуры и этнографии отмечалась здесь крайне редко. Выразительные глаза этих людей прямо-таки молили нас поскорее «закруглиться» со своими экскурсионными сюжетами и не истязать ими трудовой народ.

Теплоходы недолго оставались у музейной пристани. Прибыв утром, они уже в полдень отправлялись дальше — либо к Волго-Балту, либо к острову Валаам.

Покидая остров, многие теплоходы оглашали окрестности торжественными мелодиями П. И. Чайковского (1-й концерт для фортепиано с оркестром в исполнении Ванна Клиберна).

Окрестности музея. Далекие и близкие

Каждый, кто бывал в Кижях, знает, что «Кижж — это не только Кижж». Кижж — это по существу музей без границ, в состав которого органично входит не только сам кижжский остров, но так называемое Кижжское ожерелье.

Не один месяц ушел на то, чтобы познакомиться с «Большими Кижжами», т. е. со всеми ближайшими окрестностями. Нельзя не заметить, что посетителю, приезжающему в музей всего на один день, о таких впечатлениях не приходится и мечтать.

Нарьина гора — высшая точка острова Кижж. Это было одно из любимых мест наших прогулок. Виды и на остров, на Кижжский ансамбль, и на окрестности, богатые островами и заливами, поистине восхитительные.

Затем последовали деревни Васильево и Ямка. Первая привлекала к себе старинной часовой с «небом», вторая — рядом старых домов вдоль озера и единственным на всю округу магазином.

Ямка, кроме того, в ту пору привлекала своим единственным магазином. Это был характерный пример убогого, но почему-то всеми любимого сельпо. Этим бесхитростным торговым точкам прощали все — и скудный ассортимент, и любые перебои в режиме работы и цены, на которые просто никто не обращал внимания.

Когда позволяло время, на весельной лодке добирались до материка, благо расположен он совсем неподалеку. Идя вдоль берега, знакомились с Боярщиной, Жарниковым, Оятевщиной, Подъельниками и Телятниковым.

Бросалась в глаза откровенное нищенство местного сельского населения, как и всюду в России безжалостно и цинично разоренного советской властью.

Убогие, а некогда красивые и статные, дома, хозяева без опасения оставляли не запертыми и без всякого присмотра. Да и это и понятно: брать в таких домах было просто нечего.

Наибольшее впечатление производили Подъельники. «Виной тому» — прямо-таки сказочная деревянная часовенка Параскевы Пятницы и Варлаама Хутынского, укрытая от посторонних глаз

мохнатыми еловыми ветвями и окруженная невысокой каменной оградой. Читающим эти строки хочется заметить: «Если вы не бывали в Подъельниках, вы не видели Кижей!».

Случалось, мы устраивали «экспедиции» и на Большой Климецкий остров, когда-то славившийся своим давно исчезнувшим монастырем, — еще одно напоминание о власти безбожников, укрепившейся после октябрьского переворота 1917 г.

Однажды у нас собралась целая группа, и мы отправились для знакомства со старинным селом Яндомозеро. День был ветреный, и у нас были большие трудности передвижения по озеру на утлой весельной лодке. Сильный ветер долго сводил на нет все наши попытки приблизиться к берегу. Каждая волна так и норовила захлестнуть внутрь. Приходилось то и дело вычерпывать воду.

Яндомозеро, расположенное относительно неподалеку от Великой Губы, привлекло нас прекрасной Варваринской церковью конца XVIII в.

В часы музейного досуга

Каждый кижский день, каждое кижское утро, каждый кижский вечер — неповторимое явление природы.

Одинаковых восходов за три сезона работы на острове мне увидеть не удалось.

Закаты кижские — это то, что до конца могут оценить только те, кто живет на острове не одну неделю, не один месяц. Эти закаты, один другого живописнее, никогда не повторялись. Это своего рода сказочный театральный занавес, которым заканчивался еще один день, прожитый в Кижях.

Приходится сожалеть, что в ту пору у меня под рукой не было цифровой камеры. Исключительно живописная получилась бы подборка пейзажей!

А однажды, кажется в 1970 г., довелось наблюдать на небе сразу три солнца! Это был какой-то удивительный оптический эффект.

В свободное от работы и любования пейзажами время мы предавались чтению. Не помню, чтобы кто-то из нас увлекался чтением газет или глянцевого журналов. Что читали?

Читали «Историю русского искусства» под ред. И. Э. Грабаря, монографию А. В. Ополовникова «Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР», долго не выпускали из рук редчайшую уже в те годы, снабженную прекрасными иллюстрациями книгу ленинградского исследователя Р. М. Габе «Карельское деревянное зодчество», а также книгу И. В. Маковецкого, посвященную граж-

данскому деревянному зодчеству — «Памятники народного зодчества Русского Севера».

Всего «репертуара» нашей художественной литературы сейчас не вспомню, но среди самых читаемых были книги в большой серии «Библиотеки поэта» — Борис Пастернак и Марина Цветаева. И, разумеется, потрепанный и помятый журнал «Москва», опубликовавший в 1966 г. на своих страницах булгаковский роман «Мастер и Маргарита». С удовольствием перечитывали М. Пришвина и К. Паустовского.

Еще мы занимались ручным трудом. Этот ручной труд заключался в том, что из подручных осиновых щепок перочинными ножками мы старательно выстругивали подобие настоящего лемеха, украшавшего и украшающего до сих пор все главки кижских церквей и часовен. Этими миниатюрными лемешинками мы одаривали самых приятных для себя экскурсантов, тех, кто слушал нас самым внимательным образом, и тех, кто задавал толковые вопросы, с кем мы постоянно поддерживали взаимно интересный диалог.

Таким образом, часы досуга нередко были музейными. Чуть ли не апофеозом впечатлений была для нас центральная глава Преображенской церкви. В те «баснословные года» не составляло труда не только попасть внутрь Преображенской церкви, но даже на ее верхние, скрытые от посторонних глаз ярусы. Туда вела узкая деревянная лестница. Пользуясь этой внутренней лестницей, можно было подняться на тридцатиметровую высоту, там залезть внутрь центральной, венчающей все сооружение главы и иметь возможность осматривать через небольшие отверстия близлежащие окрестности.

Было и другое «тайное занятие»: лечь на дощатое «небо» трапезной Преображенской церкви и прослушивать проводившиеся в храме экскурсии. Делалось это без всякой задней мысли, из совершенно праздного интереса.

Еще одно захватывающее занятие — наблюдение за водоотводной системой Преображенской и Покровской церквей во время сильного ливня с открытой площадки колокольни. Тут было видно, как хитро и продуманно безвестные строители устроили довольно изощренную систему водоотвода.

Многие вечера, когда заканчивался очередной экскурсионный день, в стенах нашего пристанища звучала гитара. Кто только не тревожил струны этого покорного инструмента! Но больше всего запали в память мелодии в исполнении Толи Лопуха и Коли Кутькова. Не помню ни конкретных слов, ни конкретных мелодий. Но

помню ощущение полной созвучности всех этих мелодий со своим внутренним состоянием. Вероятно, это состояние в ту пору было общим у всех служащих нашей «экскурсионной артели».

Особой любовью пользовался у нас романс «Отцвели хризантемы»:

В том саду, где мы с вами встретились,
Ваш любимый куст хризантем расцвел.
И в душе моей расцвело тогда
Чувство первой нежной любви.

В Кижях, где с роду не бывало ни садов в их привычном для центральной России виде, ни хризантем, эти слова были верхом возможной романтики!

Другая популярная песня была про лошадь и про грудную жабу:

У лошади была грудная жаба,
Но лошадь, как известно, не овца,
И лошадь на парады приезжала,
И маршалу об этом ни словца...

Исполнения исторических песен и былин, а также карельских рун в нашей среде замечено не было. И это при том, что все мы глубоко почитали сказителей Рябининых, Щеголенка, «вопленницу» Ирину Федосову, не говоря уже о фольклористах П. Н. Рыбникове и А. Ф. Гильфердинге.

Примерно раз в неделю-полторы нам давали выходные дни, которые в силу музейной специфики никогда не совпадали с суббота-ми и воскресеньями.

Попад в город, а ездили мы чаще всего с Анатолием Лопуха, первым делом спешили в кафе на ул. Карла Маркса, где неизменно заказывали блинчики с мясом и кофе с коньяком. Стоит ли объяснять, что такой «роскоши» в Кижях никогда не было?

Штрихи к портретам

За три сезона работы в музее-заповеднике мне довелось общаться с сотнями людей. Встречи и общение с некоторыми из них сохранились, как оказалось, на всю жизнь.

Беляев Алексей Тихонович

Этот немного сутулый человек невысокого роста, в очках — истинная легенда Кижского музея-заповедника. Бывший военный, он

пришел в музей еще в ту пору, когда тот имел скромный статус филиала Карельского краеведческого музея. «Тихоньч», как любовно называли его все сотрудники, стал первым главным хранителем заповедника, а позже работал старшим научным сотрудником отдела истории и этнографии.

По-видимому, Алексей Тихонович родился музейным работником. Не получив никакого специального музейного образования, он со временем в виду неслыханной дотошности и любознательности стал непревзойденным знатоком истории материальной культуры, русской и карельской этнографии. Говорили, что, составляя паспорт на козлы для распилки дров, он различал до сорока (!) наименований составных частей этого казалось бы совсем незамысловатого предмета.

Все музейщики-профессионалы знают цену определителям музейных предметов. В Кижском музее таких определителей в ту пору почти не было, зато был «Тихоньч», и лучшего, более точного и авторитетного «определителя» не было, вероятно, во всей Карелии!

Обычно «мэтры» музейной профессии неохотно откликаются на проведение экскурсий, считая это занятие «недостойным ремеслом, отвлекающим от серьезных дел». А. Т. Беляев такой точки зрения не разделял, он мог часами увлеченно рассказывать посетителям о назначении каких-то причудливых, давно вышедших из употребления и, казалось бы, всеми забытых вещей. Он помнил все...

Запомнился А. Т. Беляев не только своими энциклопедическими знаниями, но и своей простотой, интеллигентностью, отзывчивостью, готовностью в любое время ответить на любой интересующий вопрос.

Общение с А. Т. Беляевым было той профессиональной школой, которую не может дать ни одно учебное заведение, отягощенное бесконечными методиками, программами, проверками и отчетами.

Брюсова Вера Григорьевна

Видный специалист по истории древнерусской живописи, первый реставратор икон Преображенской и Покровской церквей, она бывала в музее «наездами» и проводила свои занятия с сотрудниками музея прямо в храмах. Примечательно, что о своей выдающейся роли в спасении живописных сокровищ северной живописи Вера Григорьевна скромно умалчивала.

Евтушенко Евгений Александрович

Однажды летом (это был 1968 или 1969 год) мы неожиданно для

себя увидели в музее известного поэта, кумира публики Евгения Евтушенко. Он неспешно переходил от одного памятника деревянного зодчества к другому и немногословно комментировал свои впечатления жене, Галине, как выяснилось позже. Казалось бы, он мог прибыть на остров в свите карельских «сильных мира сего», заранее заказать экскурсию, «званный обед» и т. д. Но, к чести своей, ничего этого он сделал.

Зато не отказался провести вечер в кругу научных сотрудников и экскурсоводов, сопровождавшийся скромным, но теплым и доверительным застольем.

Прощаясь с нами, Евтушенко поднял тост «За Кижы, которые, как и поэзия Пушкина, — без единого гвоздя!»

Гринин Николай Александрович

Этот заместитель директора музея-заповедника запомнился мне почему-то лучше других представителей музейной администрации. Трудно передать очень характерное для него произношение привычных русских слов. «Грининский диалект» приводил всех нас в восторг. Такого больше нигде не услышишь!

А как забыть неподражаемую улыбку Гринина? От этого человека средних лет в неизменном сером костюме так и веяло каким-то безудержным радушием. Глядя на него, нам, недавним школьникам, почему-то хотелось говорить какие-то несурзности, вроде: «Приходите, дядя Гринин, нашу лошадь покачать!»

На самом деле Николай Александрович был серьезным человеком и еще в 1960-е гг. мечтал о переводе на русский язык книги финского ученого Ларса Петтерссона «Церковная деревянная архитектура Заонежья», ставшей результатом его полевых исследований памятников деревянного зодчества на временно оккупированной территории Карелии.

Елизарова Анна Константиновна

Кто из работавших в музее не помнит эту женщину? Всегда скромно, но аккуратно одетая, исключительно доброжелательная, в неизменном темном платке на голове, она служила едва ли не главной «достопримечательностью» крестьянского дома Елизаровых. И недаром. Ведь она когда-то жила в стенах этого дома, задолго до перемещения его на территорию музея-заповедника «Кижы».

В дополнение к рассказу экскурсовода Анна Константиновна всегда охотно и очень авторитетно отвечала на многочисленные во-

просы экскурсантов, желавших поближе познакомиться с бытовым укладом заонежских крестьян.

Не погрешу, если скажу, что именно А. К. Елизарова была любимейшей смотрительницей из всех, кто работал в музее на рубеже 1960 — 1970 гг.

Пулькин Виктор Иванович

Этот колоритный человек средних лет, если не ошибаюсь, был в ту пору штатным экскурсоводом. Помню, как он, широко улыбаясь, представлял перед экскурсантами как чудом воскресший былинный герой. Его хорошо поставленный громкий раскатистый голос производил неотразимое впечатление на всех посетителей. Создавалось впечатление, что голос этот разносился не только во все уголки острова Кижы, но был отчетливо слышен в Жарникове и Середке, Воробьях и Корбе! В иных случаях наш исполнитель доводил до полного экстаза впечатлительных пожилых дам. Иные рыдали. Некоторые ехали в Кижы специально «на Пулькина».

Никого из экскурсоводов на свои «театрализованные фольклорные сеансы» Пулькин не допускал. Боялся подражаний? Совершенно напрасно! Что-что, а это ему не грозило.

Таким образом, первые анимационные программы появились в Кижях на десятилетия раньше, чем в остальных музеях-заповедниках.

Смирнов Владимир Иванович

Судьбе было угодно сделать его, отставного полковника, в прошлом — военного журналиста, первым директором музея Кижы. Владимир Иванович обыкновенно приплывал на остров из деревни Мальково, где имел свой небольшой домик, на личной моторной лодке под загадочным названием «Валя-Чан». Он запомнился мне в своей неизменной чуть сдвинутой на затылок серовато-белой кепке, в неизменных подвернутых сверху резиновых сапогах, в очках с золотой оправой. У меня создалось впечатление что он просто не мог не улыбнуться каждому, с кем встречался, и с кем здоровался. Но улыбка у него была какая-то нерадостная, скорее какая-то виноватая.

По долгу службы, Владимир Иванович принимал на острове самых именитых гостей.

Бывалые экскурсоводы ставили нам его в пример. Когда занудные экскурсанты допытывались, в каком ряду иконостаса Преоб-

раженской церкви стоит икона с изображением пророка Даниила, Владимир Иванович обычно указывал на самый отдаленный и самый затемненный угол: «Вот там, видите?»

На посту директора В. И. Смирнов прослужил совсем недолго, года два, уступив место «национальному кадру» — В. А. Ниemi.

Тумановский Виктор Александрович

Это еще одна «легенда легендарного острова» конца 1960 г. Он приехал в Кизи как турист и «нечаянно» задержался тут на несколько лет. Работал, если не изменяет память, в пожарной охране. Мог поддерживать многочасовую беседу едва ли не на любую тему. Учился на факультете журналистики Ленинградского университета. Как сейчас помню его необыкновенные светло-серые джинсы. Казалось, они были сшиты из аналогичного цвета пожарных шлангов и имели примерно такую же жесткость и прочность.

С Виктором мне доводилось встречаться и позже, в ту пору, когда он жил в Ленинграде на Большом проспекте Васильевского острова.

Мало мне приходилось видеть столь неунывающих и открытых натур, как Виктор Тумановский.

Тюриков Игорь Петрович

Невысокого роста, коренастый, порою жестоко страдавший от радикулита, полученного в годы службы в армии, Игорь Петрович в ту пору был главным хранителем музея. Мне не раз приходилось вместе с ним по вечерам обходить все памятники южной оконечности острова, чтобы оставить на ночь висячие замки с «контрольками», контрольными бумажками, выполнявшими функции своего рода «бумажных пломб». Но, как припоминается, посягательств на эти замки, а равно и на посещение интерьеров памятников деревянного зодчества во внеурочное время, в конце 1960 г. не случилось.

К сезонным экскурсоводам Тюриков относился подчеркнуто уважительно, а в обращении с нами почти всякий раз произносил свою коронную фразу — «Ваша светлость!»

Любимой темой Игоря Петровича, человека очень мягкого и романтического, была Ясная Поляна, в которой он работал до приезда в Кизи. Кумиром его был легендарный сотрудник толстовского музея Николай Николаевич Пузин. Ясную Поляну так и хочется назвать «колыбелью души» И. П. Тюрикова.

Общение с Игорем Петровичем показало, что предметом поклонения в музее могут быть не только вещи, но и живые люди. Как раз таким человеком-легендой и был Н. Н. Пузин.

К Игорю Петровичу, человеку общительному и безотказному, то и дело приезжали друзья и знакомые. Поэтому хронически не хватало для них спальных мест, постельного белья и подушек. Как-то раз мне пришлось, уступив кому-то свою подушку, всю неделю спать на округлом осиновом полене. И ничего! Бессоница не мучила!

В начале 1970 г. мною в соавторстве и И. П. Тюриковым был написан путеводитель по музею «Кижы», выдержавший три издания и изданный суммарным тиражом в 300 тыс. экз., что просто фантастично для нашего времени.

Человек в штатском с золотыми зубами

По понятным причинам, имя этого человека, «сотрудника комитета», как говорили в Кижях приглушенным голосом, мне не известно. В его задачу входило наблюдение за не внушавшими доверия иностранцами. В преддверии появления особо важных персон «из черного комитетского списка» на одной из колоколен устанавливалась специальная аппаратура для наблюдения и фотосъемки. О поведении «поднадзорных» человек с золотыми зубами нет-нет просил кого-то из сотрудников музея написать письменные отчеты-свидетельства. Сейчас остается только гадать: взаправду ли «враги мирового социализма» хотели свить в Кижях свое шпионское гнездо?

Ямицков Савелий Васильевич

Приезжая на остров из Москвы, известный российский реставратор проводил для сотрудников музея, в том числе и для экскурсоводов-сезонников, занятия по истории древнерусской живописи. Говорил он много, азартно, прекрасно владел огромным фактическим материалом и в тонкостях знал технологию иконного письма.

Осталось впечатление, что самое безнадежное дело свете — хоть малейшие возражения Савелию Васильевичу. Надо было видеть, как они его возбуждали!

Постскриптум

Работа в Кижях стала для меня своего рода эпиграфом всей дальнейшей профессиональной деятельности.

После окончания историко-филологического факультета Петрозаводского университета и службы в армии мне довелось около 15 лет работать в Научно-исследовательском институте культуры (бывший Научно-исследовательский институт музееведения и охраны памятников).

В 1989 г. началась и продолжается до сих пор моя работа в высшей школе.

С 2003 г. возглавляю кафедру туризма и культурного наследия НОУ ВПО «Российский Новый университет».

Не без моей помощи студентами написано и успешно защищено около семиста дипломных и бакалаврских работ, а также магистерских диссертаций.

Всегда с благодарностью вспоминаю свою профессиональную колыбель — Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижы», благодарю Ее Величество Судьбу за счастливые дни, проведенные в этом божественном уголке нашего Отечества.

2015 г.

ВЛАДИМИР
ВАЛЕРИЙ КОРОБЕЙНИКОВ¹

КАК НИКОЛАЙ АНИСИМОВИЧ ЩЕЛОКОВ ПОМОГ ОСТРОВУ (из книги «Ночная милиция». Петрозаводск, 2011)

...В 1968 г. Карелию посетили министр внутренних дел СССР Николай Анисимович Щелоков и его коллега из Болгарии Дико Диков. Экскурсию по экспозиции музея проводила для них Виола Гущина, ее эмоциональный рассказ, глубокое знание темы произвели на высоких гостей неизгладимое впечатление. Не случайно позднее Николай Щелоков, по свидетельству ветеранов МВД Карелии, сказал: «Чем ближе подходишь к острову, тем ниже склоняешь голову перед величием открывающейся картины. А при виде Преображенской церкви невольно хочется преклонить колени перед красотой творения рук человеческих». Вскоре после визита Щелокова, разделившего опасения Гущиной по вопросу противопожарной безопасности Погоста, было принято решение об организации на о. Кижы пожарной части, что и было сделано.

Криминогенная обстановка в глухом Заонежье в то время была довольно спокойной. Однако без милицейского надзора объекты, расположенные на острове, не оставались. Тогда все, что находилось в акватории Онежского озера, включая Кижы, было отнесено к зоне ответственности ЛОВДТ (линейного отдела внутренних дел на транспорте), в состав которого входило подразделение так называемой «водной» милиции. Возглавлял его Алексей Михайлович Орлов, в годы Великой Отечественной войны — легендарный разведчик. Вся его боевая биография была связана с «работой» на территории оккупированного Заонежья. И так сложилось, что и после войны именно здесь продолжилась его служба.

Постоянного милицейского поста на острове не было, однако при следовании туристических теплоходов сотрудники водной милиции их сопровождали, обеспечивали общественный порядок на причале, территории музея.

Не менее важным являлся вопрос профилактики преступлений на острове, прежде всего сохранности музейных ценностей. К художественным ценностям музея не остались «равнодушными» и злоумышленники. Июльской ночью 1968 г. из иконостаса Преображенской церкви был похищен средник иконы «Троица

¹ Коробейников Валерий Петрович, заслуженный сотрудник внутренних органов РФ, заслуженный работник правоохранительных органов РК, экскурсовод музея «Кижы» в 1970 г.

ветхозаветная с хождением». Он представлял из себя двухстворчатый складень с барельефным изображением Богоматери и Иоанна Предтечи, датируемый XVIII в. По факту кражи этой уникальной иконы было возбуждено уголовное дело, велась работа по ее розыску, но, к сожалению, преступление до сих пор не раскрыто.

Кратко коснувшись исторического аспекта кижской темы, хочу сказать, что какую-то часть сведений я получил не только из архивных источников, но и из непосредственных рассказов сотрудников музея. Тем более что в 1970 г., сразу после окончания университета, с июня по ноябрь я работал экскурсоводом на острове. Сотрудниками музея были многие выпускники историко-филологического факультета нашего университета, мои бывшие однокашники. В их числе — главный хранитель музея И. Тюриков, супруги Гуцины, Л. Федотова и другие инициативные, влюбленные в свое дело люди. И, конечно, любые наши разговоры в той или иной степени касались музейных проблем и были неисчерпаемым источником информации о традициях и перспективах развития музея.

Одними из первых штатных работников музея, практически с первого дня его существования как самостоятельной структурной единицы, были научные сотрудники, мои однокашники по университету Борис Александрович и Виола Анатольевна Гуцины. Они работают в музее до сих пор и уже сами стали живой легендой острова. Глубже и тоньше их, наверное, никто не знает всего, что связано с историей Заонежья, его легендами и архитектурой. Как никто другой, они смогли влюбиться в наш северный край всех, с кем им приходилось общаться, проводя обзорные экскурсии по острову, рассказывая о памятниках старины.

Как раньше, так и сейчас гостями острова, и это понятно, были и являются многие знаменитые люди нашей страны. С одним из таких людей, Алексеем Улановым, бывшим тогда чемпионом мира по фигурному катанию вместе с Ириной Родниной, мы прожили вместе более двух недель. Много общались, рыбачили. Какое-то время потом созванивались, обменивались поздравлениями.

Еще один любопытный момент личного характера. Была у меня в то время собака, доберман-пинчер по кличке Лир. Тогда все сотрудники музея по очереди заступали на суточное дежурство по острову. В обязанности дежурного входил периодический обход территории музея, проверка целостности объектов, контроль за побережьем с целью исключения остановок и ночевок неорганизованных туристов и рыбаков. Это — в вечернее и ночное время, а днем приходилось решать иногда возникающие вопросы с пове-

дением экскурсантов. На вооружении дежурных имелись радиостанции, поддерживалась связь со зрителями всех памятников. В принципе обстановка была спокойная, за исключением редких ЧП.

Как-то днем во время обеда мы находились в административном корпусе. Вдруг мимо пробежал какой-то незнакомый мужчина. Спустя пару минут мы услышали женские крики, шум. Выйдя на улицу, увидели, как бежит зрительница дома Ошевнева с криком: «Украли, украли!» и показывает на убежавшего мужчину. И тут мой любимый Лир показал свои замечательные служебные качества. Он мгновенно догнал злодея, убежавшего уже метров за 150, повалил и держал, пока мы не подбежали. Выяснилось, что мужчина украл большой ценный экспонат. Поскольку это происходило на глазах у иностранцев, туристов из Канады, ко мне подошли две женщины, восторженно отозвались о собаке. Этот эпизод, возможно, и забылся бы, но спустя примерно месяц меня вызывают на почту и вручают открытку с адресом: «СССР, о.Кизи, хозяину Лира». Мои канадские собеседники сообщали, что вернулись домой благополучно, восторгались Кижамы, приглашали в гости, желательно, вместе с Лиром. Этот факт до сих пор вспоминают старожилы о. Кизи.

2011 г.

БОРИС ГУЩИН

САВЕЛИЙ — САВВА. КАКИМ ЕГО ПОМНЮ

Стоял светлый солнечный сентябрь 1967 г. Туристический сезон заканчивался, моя жена Виола уже уехала в Петрозаводск, вскоре собирался ехать в город и я. Надо было закончить дела с инвентаризацией и консервацией экспозиции на зиму. Я продолжал жить в большой комнате с плитой и не предполагал никаких переселений и особых задержек на острове. Но из-за хорошей погоды на Кижы вдруг собралось достаточно много туристических групп, и мне было предложено остаться еще на пару недель для проведения экскурсий.

С. Ямщиков, Б. Гущин, Г. Ланкинен.
Сенная Губа. Фото 1967 г.

Как-то с утра заходит ко мне в темных очках директор Владимир Иванович Смирнов и говорит: — Переселяйся в маленькую комнатку без плиты. Проживешь как-нибудь пару дней. — Владимир Иванович, какие пара дней?! Самое меньшее я еще буду здесь недели две. Как я без плиты? — Тебе что сказано?! Переселяйся и все!

В соседней комнате жили московские иконные реставраторы Кирилл Шейнкман, Вадик Зборовский, Витя Белов и их бригадир — мощного сложения Савелий Ямщиков со своей очаровательной, очень простой и милой в общении женой Сармой Холцман, манекенщицей из демонстрационного зала на ВДНХ. Когда изящная Сарма устраивалась на коленях у Савелия, то называла его: «мой диванчик». Образ той Сармы навсегда сохранился в фильме «Трын-трава», где бешеный сельский механизатор (С. Никоненко), поругавшись в очередной раз с женой (Л. Федосеева-Шукшина), едет в город, встре-

чает по-городскому писаную красавицу и сгоряча говорит ей: — Поедем со мной в деревню. Та и говорит ему: — Поедем! А механизатор-то перепугался и убежал.

Так вот, эту красавицу играет Сарма.

Нас, естественно, усадили за стол. Владимир Иванович довольно-таки быстро договорился с Савелием об издании нового путеводителя «Остров Кижы», где Савелию предназначалась глава о кижских иконах.

Книга вышла к следующему туристическому сезону. Авторами стали В. И. Смирнов, В. А. Крохин, В. И. Пулькин и С. В. Ямщиков. К редактированию рукописи были привлечены и мы с Виолой.

Реставраторы работали в Кижях уже второй сезон. Мы с Виолой — первый. Мы составляли коллекционные описи на кижские иконы, и Савелий нам очень помогал своими консультациями. Савелий был потрясающе многогранен. Кроме реставраторства, он читал П. Н. Муратова «Образы Италии» (редкое дореволюционное издание), писал статью для кижского путеводителя, одну из статей для Петрозаводского «Комсомольца» (о Фальконе) и готовился к выступлению на Карельском телевидении. Кстати, в 1960-е гг. на нашем телевидении не пускали на экран бородатых — Савелий был единственным исключением.

Савелий никогда не отказывался от бесед с экскурсоводами музея на тему древней иконописи Карелии. А однажды он меня поразил тем, что, когда приехали какие-то болгары с плохим знанием русского языка, он взялся провести с ними экскурсию на болгарском. И провел. Первая жена Савелия Велина Братанова была болгаркой.

При всей колоссальной общительности Саввы он все-таки был достаточно избирателен. Помню, как наш зав. отделом этнографии Виктор Пулькин, будущий карельский писатель, постоянно обращался к нему или «маэстро Ямщиков», или «месье Ямщиков». И вот однажды Савелий обратился к нему так: «Ситуаэн (гражданин) Пулькин». Виктор Иванович задумался, обиделся, и больше они никогда уже не разговаривали друг с другом.

* * *

К Савелию в гости приехали скульптор Гена Ланкинен с балериной Петрозаводского музыкального театра Валеи Дорощенко и журналистами из «Комсомольца» Геней Малышевым и Володей Семиным. Савелий предварительно договорился о рыбе с одним рыбаком, и тот привёз полную лодку-кижанку лососей, сигов, хари-

усов и судаков. Только мы забрали часть рыбы, Володя Сёмин начал снимать рыбака с его трофеями, рыбак жутко перепугался и рванул мотор. Больше мы его не видели, но рыбки поели вдоволь.

Через несколько дней реставраторы, кроме Савелия с Сармой, уехали в Москву, а мы всей этой компанией приехали в Петрозаводск. Савелий выступал на Карельском телевидении. А на следующий день этой же компанией с утра ходили по гостям: были у Владимира Ивановича, были у нас с Виолой, были в мастерской у Гены Ланкинена и вечером завалились в Дом актёра, куда нас не пустили по очень простой причине — мы были уже хороши. И напрасно Савелий доказывал, что он член, мол, четырех творческих союзов. Не пустили, и все тут.

К началу нового сезона вышел путеводитель, а Савелий приехал на остров, а заодно и в Петрозаводский музей изобразительных искусств с прекрасной задумкой — сделать в Москве большую выставку, посвященную живописи древней Карелии. Савелий начал становиться тем будущим Саввой Ямщиковым, который прославит старинное русское искусство на весь мир.

Имя Савелий, по-моему, казалось мелковатым для его друзей и коллег, и они еще тогда частенько называли его Саввой, а за глаза Савкой.

Савелий приехал с фотографом уродником Станиславом Зимнохом снимать для каталога кижские иконы. Здесь мы столкнулись с одной сложностью. Огромные тяжеленные иконы местного ряда иконостаса Преображенской церкви нужно было вынуть из рамы иконостаса, вынести на крыльцо, провести временную линию электричества и только после этого снимать. Днем это было невозможно. Туристы. Оставалась ночь. Савелий моментально договорился с электриком, пожарными, плотниками-реставраторами Б. Ёлуповым и К. Клиновым. Со мной можно было не договариваться — я был дежурным по музею. Мы все быстро сняли иконы, сфотографировали и поставили на место. После этого нас ждал отличный фуршет на крыльце Преображенской церкви, который устроил Савва.

К выставке был подготовлен не только каталог, но и набор диапозитивов.

В начале декабря 1968 г. иконы в Москву пришлось везти мне. Лёд был достаточно толст, чтобы по нему прошла лошадь с санями, но тонок, чтобы на него сел самолет АН-2. Поэтому пришлось везти иконы на лошади в Сенную Губу, где самолет садился на поле. Как сейчас помню эту поездку с Константином Петровичем Клиновым

по прозрачному гладкому льду, под которым, как в аквариуме, была видна жизнь обитателей озера.

В Москве — неожиданное приключение. Меня с иконами встретила машина с рабочими из выставочного зала на Кузнецком, которые погрузили иконы в машину, а мне предложили самому добираться до Кузнецкого. Что я и сделал. Меня там ждали. Стали ждать и иконы. А их нет и нет, хотя прошло уже несколько часов. Директор выставочного зала и главный хранитель в панике. Звонят по всему городу. Нигде нет машины, где она могла бы быть. Я звоню Савелию. Так, мол, и так. — А ты документы у них видел? — Видел. — Ну и ждите.

Уже стемнело. Дело осложняется ещё и тем, что завтра праздник — День Конституции. Еще той, Сталинской. И, о счастье, около 18 часов приходит машина. Грузчики вдрызг пьяные. Сгрузив иконы, обращаются ко мне: — Пойдем с нами в ресторан «Берлин». Отметим. — Вы что, с ума сошли? Кто вас таких пустит? — А мы не в западный, а в восточный.

Оказывается, «восточным Берлином» они называли пельменную рядом с рестораном «Берлин». Пришлось пойти.

Выставка намечалась на 28 декабря 1968 г.

Перед отъездом я зашёл к Савелию в мастерские им. Габаря на Б. Ордынке, туда, где перед самой революцией была Марфо-Марьянская обитель. Помните финал рассказа И. Бунина «Чистый понедельник»? По-моему, его забыть невозможно. А теперь там реставраторы. Савелию еще оставался ряд деловых визитов к чиновникам. Реставрационные дамы рекомендовали ему надеть голубую рубашечку с цветочками и слегка завиться. Что Савелий и сделал. С Богом! Все визиты увенчались успехом.

Мы с Виолой в конце декабря вышли в отпуск и приехали на открытие. Выставка стала крупным событием в художественной жизни страны. И это сделал Савелий.

Он принимал гостей. Рядом стояла Сарма, нарядная, как новогодняя елка, о чем я тут же ей ляпнул, ничуть не обидев девушку: — А как же иначе? Ведь на днях Новый год, — ответила мне Сарма.

Весь цвет Москвы был на открытии.

Мы познакомили Савелия с выдающимся реставратором, основателем нашего музея А. В. Ополовниковым. Знакомство это Ямщиков поддерживал до трагической гибели Александра Викторовича.

О выставке много писали. Сам Савелий написал о выставке в начале 1969 г. в петрозаводской газете «Комсомолец» в форме интервью со зрителями. Мы тоже были в этом интервью. Было очень приятно оказаться в одной компании с кинооператором Вадимом Юсовым, актрисой Ириной Печерниковой и другими.

А назавтра мы с Виолой были в гостях у Савелия с Сармой в их маленькой квартирке на Симферопольском бульваре. Мы ели какое-то вкусное запеченное мясо с маринованной черемшой, а прямо перед глазами у нас на стене висели два портрета, сделанные Кириллом Шейнкманом: Савелий с первой женой и Савелий со второй женой.

А в Петрозаводске в Музее изобразительных искусств разгорался скандал. Пропала икона из фондов, и директриса, ставленница, естественно, Обкома КПСС, обвинила в этом, без всяких оснований, реставратора Ямщикова, работавшего в этих фондах летом.

Прошло некоторое время, и икона была найдена в недрах музейного фондохранилища. Главный хранитель музея была уволена с работы, и Савелий вроде бы оказался полностью реабилитирован, но, по-моему, именно из-за этого случая он надолго стал невыездным.

Почти каждое лето Савелий приезжал в Кижы. Жил он не на острове, а напротив, в материковой деревне Ерснево у своего друга Бориса Ёлупова. Там же жили и его друзья, которых он привозил. Мы жили на острове, и к нам он заходил всегда. Ещё на острове он заходил к нашим реставраторам древнерусской живописи Ирине Гурвич и Галине Поповой. С музейным начальством после Владимира Ивановича дружбы никакой не было больше никогда. Возможно, это случилось где-то году в 1970, когда директором в Кижях был Вилхо Арвидович Ниemi, при котором, по мнению большинства кижан (по моему тоже), был «золотой век». У Савелия же случилось вот что. Он договорился с зам. директора по научной части музея о реставрации икон церкви Лазаря Муромского частным порядком. Отец заместителя был рабочим в музее и по просьбе сына увез иконы в Москву. Директор же об этом и слыхом не слыхивал. Когда же он получил договор от своего заместителя, тот только узнал, что на реставрацию икон нет ни копейки денег. Т. е. иконы нужно срочно возвращать в музей. Отказался. После некоторых размышлений в командировку решил поехать я. Конечно, мне было больно и неприятно ехать с мыслями, что после этого я, возможно, навсегда потеряю расположение крутейшего в подобных ситуациях Саввы.

Естественно, что Савва обругал всех музейщиков-кижан пофамильно. К счастью, скальпель реставратора ещё не коснулся икон. Они были только сфотографированы. Мне хотелось как можно быстрее обратиться из подвала во Всеволожском. Савелий кое-как упаковал иконы, вызвал такси и, кроме того, сказал мне, где я могу на Ленинградском вокзале найти рабочих, которые по-нормальному упакут иконы, и сколько это будет стоить. Я понял, что с Саввой мы не поссорились. На душе стало легче.

Вскоре Ниemi сменила Валентина Матвеевна, дама тоже из партийных кругов, подружка директрисы музея изобразительных искусств. Я как-то пошутил, что Валентине Матвеевне все равно, чем руководить — музеем или столовой. Свою трудовую деятельность Валентина Матвеевна и впрямь кончила на посту директора столовой Дома политпросвещения. Хорошая, кстати, при ней столовая была.

Савелий приехал снимать наши иконы снова для нового издания и попросил меня представить его директрисе. Савелий приехал с того берега в довольно-таки экстравагантном наряде, и мы пошли в кабинет к Валентине Матвеевне. Она писала какие-то бумаги, похоже, была не в настроении и, не отрываясь от документов, кивнула нам, приглашая сесть. Савелий сел прямо напротив нее довольно-таки близко. Разговор был коротким, пожалуй, только официальное представление московского реставратора. И вот Савелий встает и идет к выходу. Валентина Матвеевна вдруг как-то странно возмущенно закудахтала. Она увидела, что на Савелии короткое красное японское кимоно выше колен, а на спине огромный черный иероглиф, похожий на паука. Возмущению ее внешним видом наглого москвича не было предела. Дружбы не получилось. А снимать надо. К счастью, Валентина Матвеевна на несколько дней уехала в Петрозаводск, и мы той же компанией в теплую грозовую ночь все сняли, что было надо.

Большинство Саввиных гостей на острове заходили к нам: иногда вместе с ним, иногда по его рекомендации.

* * *

Зимой мы съездили в Финляндию. В Хельсинки нас насмешила наша новая знакомая, финская русскоговорящая девушка Зина, которая спросила у нас: — Скажите, а вы не знаете в Советском Союзе случайно Савелия Ямщикова? Мы обрадованно закричали: — Знаем, знаем! На что Зина сказала: — Передайте тогда ему привет от той финской девушки, к которой он приставал в Петрозаводске у гостиницы «Северной».

Когда я передавал этот привет Савве в подвале на Всевожском, Савелий сказал: — Фиг знает, что за девушка. Не помню. Может, и приставал.

Тепло и радостно всегда бывало в подвале у Саввы. Здесь собиралась вся элита тогдашнего Советского Союза. И элита эта была самая настоящая, а не полуграмотная охлократная нынешняя. Я с удовольствием вспоминаю сидение за одним столом с такими людь-

ми, как журналист Юрий Рост, художники: Сергей Алимов и Борис Мессерер, Бэлла Ахмадулина; кинорежиссёры Денис Евстигнеев и Юлий Файт; директор Русского музея Василий Алексеевич Пушкарёв, солист балета театра «Эстония» Тийт Хярм, хоккеист Вячеслав Старшинов. Постоянно за столом сидел коллега Саввы — реставратор Сергей Галушкин.

В этом подвале я был свидетелем и некоторых драматических моментов. Я зашел к Савелию, когда тот говорил по телефону, сел и обратил внимание на некую необычность телефонного разговора. Обычно разговор Саввы по телефону — это длинный монолог, который жутко интересно слушать невольному, а иногда и вольному свидетелю. Здесь же Савва не проронил ни слова, только слушал, багровея и мрачняя. Потом рывкнул одно слово: — Вешать, — и хрястнул трубку на телефон.

Савва сделал великолепную выставку о работе советских реставраторов, которая должна была демонстрироваться в Париже. Кого только ни напихали в делегацию. Как выразился Савва: «Одни кэ-гэбэшники». Савву, конечно же, не пустили — ведь он невыездной. — И вот, ты представляешь, эти чекисты звонят мне сегодня из Парижа и спрашивают: «Савва, что делать с иконами?»

Вскоре Савва со своим неразлучным коллегой Сергеем Галушкиным перебрались в новую мастерскую на Кропоткинской во двор бывшей Поливановской гимназии (теперь там музыкальная и художественная школа) на второй этаж бывшего каретного сарая. Конечно же, это никакой сейчас не сарай. Мне хотелось, чтобы Савелий — Савва перебрался в соседний Савельевский переулок. И переименовывать не пришлось бы.

* * *

Сергей Галушкин рассказал: — На днях у Саввы был день рождения. Гидон Кремер приходил со скрипкой. Он играет, а Савва говорит: «Мужики, давайте окно откроем». — «Савва, холодно ведь». — «Ничего пусть они (соседи) хорошую музыку послушают. Им это полезно, а то жалуются, что из наших окон только мат и слышен. Сыграй им, Гидон».

* * *

Савва решил похудеть. Худел он грамотно. По рекомендациям Института питания. Не пил, не курил, ел творог и, кажется, гречку. Похудел. На телевидении выступал красавец писанный. Но, как мне кажется, именно после похудения он тяжело заболел и лет на

десять был выключен из всякой общественной жизни. Общался он с ограниченным количеством людей. Я, приезжая в Москву, всегда звонил ему домой, он выспрашивал кижские и петрозаводские новости, но к себе домой не приглашал, говоря, что он очень плохо себя чувствует, но будет всегда рад, когда, будучи в Москве, я позвоню ему. Что я и делал много лет подряд.

Савва после многих лет физических и психологических страданий все-таки выздоровел. Ему и его больному брату (да и дочь Марфа была не совсем здорова) очень помогала мама, которая до конца своих дней была с ними.

Воссоединилась с ними и жена Саввы, известная балерина Валентина Ганибалова. За последние пять лет жизни Саввы я не видел более счастливой семьи: Савва, Валя и Марфа.

И если до болезни Савва Ямщиков был пропагандистом русской культуры, то после болезни его радение за судьбы не только русской, но и мировой культуры (вспомним историю с «балдинской коллекцией») приобрело подлинное величие в истории нашей страны. Его совершенно заслуженно и справедливо называли «реставратором всея Руси».

А нам с Виолой в Москве теперь стало несколько сиротливо. Там не стало нашего обаятельного, доброго, умного, широко образованного и внимательного коллеги и друга. (Он же — ниспровергатель всяческих авторитетов). Савва присылал нам приглашительные билеты на все открываемые им выставки. Мы получали от него если не все, то большинство каталогов и альбомов, издаваемых им; красивейшие открытки, которые издавали его друзья, в частности Саша Быков, и вырезки из газет с его статьями. Савва очень хотел, чтобы мы были вместе с ним и поддерживали его во всём.

А теперь о самом главном.

После смерти Саввы Васильевича Ямщикова подобного борца за сохранение культурного наследия России в его первоизданной чистоте (это касается не только живописи) в нашей стране нет. И это знают многие люди искусства.

Я бы мог написать подробно о содержании деятельности С. В. Ямщикова, но не делаю это по простой причине. В 2010 г. в издательстве НО «ИЦ Москвоведение» вышла книга воспоминаний о С. В. Ямщикове, которые собрала и издала журналист «Известий» Гузель Агишева. Савва в них живой, интересный, неприукрашенный. А о значении Саввы Ямщикова в нашей истории говорит само название книги: «РЕСТАВРАТОР ВСЕЯ РУСИ».

2013 г.

БОРИС ГУЩИН

ПРОПАВШАЯ ИКОНА
Из истории иконостаса Преображенской церкви
Кижского погоста

В августе 1926 г. академик И. Э. Грабарь во время своей экспедиции записал об этой иконе: «Царские врата датируются Екатерининским временем. Тогда же написана Троица — местная вкладная икона со Знамением вверху Божьей Матери и Предтечи (ранее найдены в сторожке створки с петлями, а сама Троица резная с закланием агнца найдена в Покровской церкви)».

* * *

Многое о том, о чем я пишу в этом мемуаре, до сих пор неясно, и мои предположения, а точнее — мое видение тогдашних событий развивалось параллельно с некоторыми другими событиями, которые, возможно, никак не связаны с этой дорогой пропажей. А вдруг да...

Поэтому попытаюсь восстановить то, что сохранилось в памяти.

В августе 1968 г. нам с Виолой в Кижках пришлось водить довольно-таки много экскурсий, и поэтому поездке на выходные в Петрозаводск мы очень обрадовались: за квартиру заплатим, в кино ходим, мороженого поедим. Отдохнув таким образом, мы на «Метеоре» вернулись на остров. На причале нам сообщили о пропаже.

Следует пояснить читателям, что местный ряд — нижний ряд иконостаса — отличается от прочих рядов не только разнообразием состава, но и размерами икон. В иконостасе Преображенской церкви в этом ряду стоят иконы, написанные в XVII, первой четверти XVIII и в середине XVIII в. Они различного формата, и, чтобы высота ряда была единой, их обрамляют резными золочеными рамами.

Местный ряд иконостаса Преображенской церкви включает 16 икон, большая часть из которых крупноформатные, с изображением популярных на Русском Севере святых.

Две резные створки были вставлены в среднюю часть иконы «Деяния ветхозаветной Троицы», находящейся в местном ряду иконостаса справа, между иконами: «Собор Пресвятой Богородицы» и «Спас нерукотворный. В раме с клеймами».

На погосте все наши столпились у церкви. Вечерняя дежурная по музею Вера громко переругивалась с утренним дежурным Виктором, взаимно упрекая друг друга в нарушении всяческих правил и потере бдительности.

На крыше у одной из главок протискивал свое тело в узкий люк экскурсовод Толя. Протиснулся. Значит, можно было попасть в церковь и таким образом. — Следственный эксперимент, — объяснили нам злые, взволнованные коллеги.

Милиция уже в который раз задавала вопрос директору музея В. И. Смирнову и главному хранителю А. Т. Беляеву: — Скажите, сколько стоит эта икона? — Она бесценна. — Что значит — «бесценна»? Сколько она стоит в рублях или долларах?

Беда в том, что в 1968 г. кижские иконы еще не были оценены и застрахованы. Поэтому милиция не прочь была бы и не открывать дело, так как пропало нечто, не имеющее оценочной стоимости, иными словами — не стоящее ни копейки. Серьезные аргументы за открытие дела, к счастью, всё же нашлись.

Хотя мне показалось, что милиция в тот момент не особо серьезно отнеслась к краже, причем именно из-за отсутствия денежной оценки.

Конечно, основная моральная нагрузка пала на Веру, так как, скорее всего, икона была похищена в ее дежурство — вечером, а не утром.

Сейчас, по прошествии многих лет, мне вспоминается такое тогдашнее объяснение условий, при которых произошла пропажа. Вечером, уже после 20 часов, ответственный дежурный пришла в церковь и отпустила смотрительницу, но сама почему-то на какой-то период ушла, не закрыв Преображенскую. Через некоторое время дежурная вернулась и заперла дверь на замок, вероятно даже не заходя в интерьер. Возможно, что икону похитили именно в этот период, хотя можно допустить, что и позже, ведь не зря Толя лазил через люк. Как бы то ни было, но утром, открыв церковь, Виктор увидел, что в центре иконы «Троица ветхозаветная с хождением» нет створок резного средника и забил тревогу.

Из всех икон, входящих в иконостас Преображенской церкви, легче всего было похитить именно эти две резные створки размером 29 на 67 см — они свободно, без всякого крепежа вставлялись в центральное сквозное отверстие в иконе.

Когда-то в центре между створками была и основная часть триптиха — резная «Троица», но в иконостасе, собранном в 1950-е гг. В. Г. Брюсовой и Г. М. Жаренковым, этого средника уже не было.

Во время Великой Отечественной войны эти иконы в числе прочих были вывезены оккупантами в Финляндию. На сворках были финские регистрационные номера 4/65 а и 4/65 с. Номер 4/65 в был присвоен самой огромной иконе «Троица ветхозаветная с хождением» (сейчас в каталоге эта икона называется «Деяния ветхозаветной Троицы»), размер которой 141 на 171 см. А резной средник, размером 60 на 60 см, непонятно, вывозился в Финляндию или нет. Во всяком случае, я лично видел его на старой фотографии (вероятнее всего — довоенной), которую нам показывала В. Г. Брюсова во время своего приезда на остров Кижы в 1970-е гг., — на той фотографии резной средник иконы «Троица ветхозаветная с хождением» был в полном комплекте: средняя часть и две створки. К сожалению, я не спросил у Веры Георгиевны о происхождении этой фотографии, а при последней московской встрече с В. Г. Брюсовой в декабре 2006 г. за два дня до ее трагической гибели я просто забыл об этой иконе.

Возвращаюсь к моему мнению, что милиция все-таки плохо искала пропавшую икону или не искала ее вообще, хотя, может быть, я и ошибаюсь.

По рассказам очевидцев, в тот вечер на рейде у острова стояла какая-то московская яхта, и яхтсмены, по слухам, гуляли по острову допоздна. Яхта ушла, и я считаю, что никто этих москвичей по поводу нашей пропажи не искал и не беспокоил.

* * *

В общем, резные створки так и не нашлись, а осадок от этой пропажи остался... В 1970 г. мы с Виолой поехали по туристической путевке в Финляндию. На границе из всей нашей группы самый жесткий контроль прошли мы. Таможенники что-то внимательно искали даже в моих ботинках. А на обратном пути никто даже не поинтересовался, что мы оттуда везем. Наши друзья по путешествию, побросавшие со страху перед границей томики Солженицына и газеты с мемуарами Н. С. Хрущева, говорили потом: — Вот кому надо было все принести в купе — Гуциным. Мы отвечали на это цитатой из выброшенного ими Солженицына: — Образование ума не прибавляет.

А створки резной иконы, я думаю, попали к тому, у кого был средник, и сейчас они находятся в границах бывшего СССР, а может быть, и в Финляндии.

Как бы то ни было, но хочется верить в то, что придет время и резная «Троица» в полном комплекте встанет на свое место в иконостасе Преображенской церкви.

НИКОЛАЙ КУТЬКОВ¹

ОСТРОВК В СУДЬБЕ

На остров я попал незванным гостем. Да еще, можно сказать, прямо на крестины. Знать не знал, что около деревни с негордым названием Телятниково, где я гостил пару недель, открыт «деревянный музей».

Было это в июне 1966 г. Полюбопытствовать, что же творится на острове, решил как-то ночью. Белой, понятно. На старой кижанке догреб до причала. Никто меня не встретил возле самого погоста. Тишина, безмолвие и безлюдье. Никак не ожидал, что вблизи 22-главая окажется такой огромной. И соседка ее такая ладная, с красивым хороводом маковок. С церковного крылечка открылся вид и на все остальное: крыши большущих домов и кресты на чешуйчатых куполках. Туда вели хорошо протоптанные широкие тропы... Ну точно декорации к «Ивану Грозному» Эйзенштейна, только статистов не видеть!

Лишь к утру закончил свою первую незабываемую «экскурсию».

«Курсовод» «золоведника»

А вторая и следующие начались через год, сразу после летней практики на первом курсе. Встретившийся возле кижского ресторана-дебаркадера Боря Гушин с ходу занял три рубля, но зато предложил:

— Давай к нам, а то экскурсии водить некому. Вот тебе методички: считаешь, походишь на экскурсии к Тихонычу, ко мне — и готово!

Съездил в город за спиннингом, гитарой да запасными носками и приступил к учебе. Через неделю провел первую экскурсию по музею. Назывался он тогда «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-**золоведник**». Так по крайней мере было написано на входных билетах. Их заказывали в бланочной типографии и не проверили текст перед тем, как подписать в печать. Цыганка-билетерша по указанию директора, конечно, исправляла ошибку, но в результате ее творчества входной билет становился документом на право посещения «музея-**зоповедника**». Звучит еще хуже.

Кстаги, с этими чудо-билетами возник первый конфликт с ад-

¹ Кутьков Николай Иванович, историк-краевед, журналист. В 1968 — 1971 гг. работал в музее «Кижь» внештатным экскурсоводом; с 1972 по 1974 гг. главным хранителем.

министрацией. Нинка-цыганка куда-то отлучилась, некому было «обилечивать» туристов, и тогдашний директор В. Смирнов обратился ко мне с предложением часок поторговать правом на вход. На что я полез в бутылку и заявил, что «золоведником» торговать не буду ни за какие коврижки. К тому же если среди туристов попадутся знакомые — вообще позор! Директор долго меня стыдил, напирая на то, что он, например, не гнушается ремонтировать музейный лодочный мотор. На что я заявил, что это как раз мое дело, ибо по штатному расписанию числюсь в музее не экскурсоводом, а мотористом. На том и помирились. Работал я на острове несколько сезонов. «Курсоводом», как называли эту должность наши смотрительницы.

В должности главного

Попросился в музей уже на постоянную работу в 1972 г. Хотелось, конечно, стать научным сотрудником. Но музею срочно требовался главный хранитель. Это было не совсем то, к чему я стремился. Но директор и остальные замы и завыв, хорошо меня знавшие, благословили мою кандидатуру. Заместитель по архитектуре Б. В. Моталев по-отечески поздравил с назначением: «Ну, с завтрашнего дня можешь надевать свой хомут!»

И попал ведь в самую точку, юморист. Первый сезон в Кижях обернулся едва ли не природной катастрофой. Лето оказалось аномально жарким, без привычных дождей. Бомбой мог стать любой окурок, брошенный нерадивым туристом. А у часовен Кижского ожерелья отродясь не имелось ни ящиков с песком, ни бочек с водой. Завести все это и многое другое предписывалось главному хранителю. То есть собственноручно (в помощниках у меня была лишь одна девчонка-инвалид) пришлось вырубать днища в железных бочках, на катере «Прогресс» развозить их и наполнять из озера. Вставлять разбитые стекла и обкашивать «объекты». И это была лишь крохотная часть обязанностей.

К вопросу одичания

Однажды коллега Люда Федотова помахала мне с берега из компании каких-то туристов. Подошел.

— Вот, Консон, познакомься с нашим главным хранителем...

Тот протянул руку, представился Петькой, быстро оглядел меня и вдруг спросил:

— Не совсем еще одичал здесь?

Ну, — подумал, — выпендрейник. Тоже мне, пришелец из центра цивилизации, небось аж из самого Петрозаводска!

Действительно, ребята оказались оттуда, конструкторы ПКТИ, прибывшие к нам на моторном «Прогрессе». Только потом сообразил, что «наезд» объяснялся элементарной завистью к «райской жизни» музейщиков в этом живописном уголке Онего. Куда они, сотрудники ПКТИ (Проектно-конструкторского технологического института тракторного производства ПО «Онежский тракторный завод») могут приехать лишь на выходные, да во время отпуска. Что из себя представляла работа в институте, узнал уже после Кижей.

Я был редактором научно-технической литературы, куда из ПКТИ прислали материал с описанием новой формовочной машины. Тогда на страже технических и государственных секретов бдительно стоял Обллит, цензура. Они не хотели пропускать материал, пока я не представлю убедительных доказательств, что это не есть ценное изобретение. Автор, кандидат технических наук, долго убеждал меня в обратном, но потом не выдержал и «раскололся». Оказалось, что эту машину их начальство увидело на американской выставке и захотело иметь такую же на заводе. Машина стоила дорого, и не в рублях. Тогда сделало предложение упомянутому кандидату: «Скопируй! Дадим лабораторию и штат...»

И вот лаборатория из нескольких человек в течение 10 лет пыталась повторить машину, секреты которой хитрые америкосы нам, конечно же, не раскрыли. Машину лаборатория в конце концов сделала, но на вопрос «хорошо ли работает?» автор смущенно признался, что «не очень». Теперь прикинем, сколько ПКТИ потратило на эту никчемную копию, когда инженерная мысль за 10 лет давно ушла вперед? Вот от результатов такой работы действительно можно одичать.

Художник Рогоулькин

Но были и интересные моменты в череде будней. Ну где еще на конторской городской службе ты почти каждый день будешь встречать то всемирно известного академика Мстислава Келдыша, то стольких режиссеров и актеров, то художников с мировым именем? С одним из них связан такой случай.

Приезжал в Кижы Рокуэлл Кент. Пристроился и я к экскурсии, которую проводил сам А. В. Ополовников. Знакомили художника с музейными знаменитостями в лице легендарного Кузьмича, Михаила Кузьмича Мышева. Возили американца на катере по Кижскому ожерелью. Тот остался доволен приемом.

По штату мне был положен моторный «Прогресс» для объезда окрестных часовен, входивших в «Кижское ожерелье». Как-то во

время очередного объезда встречаю в Волкострове Ваню Вересова, реставратора и лодочного мастера. Из кармана у него торчит горлышко, заткнутое газетной пробкой. Он уже прилично навеселе и своей пулеметной скороговоркой выясняет, кого это я с собой привез. Узнав, что живописцев, тараторит что-то о некоем художнике РогулькИне, который «здорово рисует». Я стараюсь хоть что-то выяснить о таинственном мастере. Иван все больше злится и несколько раз на разные лады поминает своего «РогулькИна». Наконец в словосочетании улавливаю что-то знакомое и догадываюсь, что РогулькИн и Рокуэлл Кент есть одно и то же лицо. Но Иван уже плюнул на мою непонятливость и в сердцах отправился догуливать, окончательно убедившись, что главный хранитель ни черта не смыслит в живописи. Не знает даже знаменитых художников!

Единица хранения

Были случаи и не столь смешные. Это когда я уже понял, что негативных обстоятельств в моей службе слишком много и твердо решил сменить род деятельности. Тем более что совершенно не сложились отношения с человеком, который стал играть все более важную роль в жизни музея. Профессор Горшин рекламировал свою пропитку пентахлорфенолятом натрия как средство спасения деревянных строений лет на 100. А я в первые же недели службы полез в обработанные химией подклет дома Елизарова и обнаружил, что там неплохо сохранился домовый гриб. Значит, даже сильный химикат с резким запахом, от которого в помещение нельзя было заводить экскурсию, не такое уж чудодейственное средство. В докладной на имя дирекции я подробно описал увиденное. Эффект был обратный: причину сего профессор объяснил некачественной обработкой со стороны сотрудников музея. А к моей деятельности стал особенно пристально приглядываться инспектор министерства культуры (кстати, бывший чекист). Не помогало даже заступничество и дипломатия А. Т. Беляева.

Наконец настал момент сдавать дела. Причем с тотальной ревизией всех экспонатов. Двухнедельная канцелярщина в конце концов закончилась. Недоставало лишь единицы хранения — маленькой сувенирной вышивки-брелочка, выпускавшейся «Заонежской вышивкой» в качестве ширпотреба. В магазине стояла она, помнится, в пределах 1 рубля. Да где ее купишь? Тогдашняя сотрудница музея Люда Федотова даже вспомнила, что этим брелочком-экспонатом когда-то украсила себя маленькая внучка прежнего хранителя и, забыв его снять, убежала домой. Потеряла, в общем. Пропала единица хранения! Преображенская — единица, брелок — тоже единица.

Придется отвечать по закону! Сжалившись, Люда презентовала мне свой экземпляр, которым и был заменен утраченный.

Но самое трагикомичное во всей истории следующее. В самый разгар нервотрепки встречает меня в городе Николай Гринин. Бывший замдиректора музея. Что, спрашивает, такой хмурый?

— Дела вот сдаю.

— Что-то я не припомню, чтобы ты их принимал.

— Да-а-а, не принимал. Вручили мне после оформления коробку с ключами да регистрационные книги...

— Так какого же черта ты сдаешь то, чего не принимал?

...Давно это было. Все негативное постепенно ушло, а чувства к острову остались только самые светлые. Даже, можно сказать, нежные. Ведь остров навсегда остался не только островком в памяти. Был и остался частью моей жизни.

Откуда пошла слава Кижей

Некоторые уверяют, что своей архитектурной славой Кижы обязаны подъему национального самосознания после Победы 1945 г. Другие намекают на то, что посол США Гарриман после войны расхвалил Сталину виденную им на фотографиях красоту Кижей, поэтому последний, мол, и распорядился выделить деньги на срочную реставрацию.

У меня есть еще одна версия. Во время работы на острове сокровищ (Господи, как давно все это было!) соседом моим по музейной общаге был очень симпатичный толстяк², в натуре которого простодушие благополучно сочеталось с крестьянской сметливостью и практицизмом. Он любил рассказывать поучительные притчи из своей охотничьей и житейской практики и мечтательно шурил незабудковые глазки при особо приятных воспоминаниях:

— Я ведь всю войну в резерве Ставки прослужил. Вернулся в Петрозаводск – взяли меня в исполком. По строительной части. И приходит ко мне однажды поп, священник, значит, Зарецкой церкви. Так, мол, и так, храм, говорит, наш не благолепен стал, давно не отремонтирован то есть. Всю войну, почитай, работал, поелику финны не басурманы оказались, разрешили службу править... А уходу за зданием никакого – в приходе одни женщины были. Ремонтик бы нам, говорит. И выразительно этак на меня смотрит (при этом, естественно, выразительный взгляд на собеседника).

— Посмотреть, говорю, я тоже могу. Только у меня, дорогой това-

² Борис Васильевич Моталёв, зам. директора музея «Кижы» по реставрации и строительству.

рищ святой отец или как вас там величать, ни матерьялов, ни рабочих лишних нету. Город, говорю, восстанавливаем...

Не волнуйтесь, говорит, вы нам просто консультацию дайте по части ремонта, а рабочих-то мы *заинтересуем!*

Я, помню, так и крякнул. Ох, думаю, ловок парень. Да и свой мужик-то оказался, фронтовик, с наградами. Вот и скажи мне, как рыбак рыбаку: можно ли такому не помочь? Пошел, посмотрел. Тут, говорю, шекатурить надо, тут купоросить... Ну и, конечно, порекомендовал ему несколько хороших мастеров, чтобы обратился к ним по-партизански, неофициально. Он меня, правда, не только спасибо одарил за консультацию-то. Ну, и пошла там работа. Ясное дело, начальство мое потом ни хрена не могло понять спервоначалу: на городских объектах работа еле-еле идет, лучшие мастера леший знает куда подевались, а в Зарецкой церкви — дым столбом, сплошное ударничество. Меня из исполкома и поперли. Сказали: раз любишь церкви ремонтировать (накапал, видать, какой-то сукин кот!), вот в Кижях прораб нужен. Я сначала чуть не заревел — это же натуральная ссылка в этакую дырищу. Погоревал, собрал котомочку да и поехал определяться на нары. Потом ничего — привык: охота здесь, сам знаешь, рыбалка... Так вот я и стал знатным реставратором Кижей. А все с чего началось-то? С Зарецкой церкви и началось...

Как наверняка уже заметил внимательный читатель, реставрация Кижей началась, правда, еще до ремонта Крестовоздвиженской. Так что в основе этой «реставрации», вероятно, и подъем самосознания, и, вполне возможно, восторги посла Гарримана.

2015 г.

ЛЮДМИЛА ТРИФОНОВА¹

РОМАНТИКА СЕМИДЕСЯТЫХ

Сотрудники музея. Слева направо: верхний ряд — В. Г. Труханкин, В. В. Дервенец, Л. С. Харебова, В. А. Солонен, М. А. Витухновская, Л. А. Беляева, Е. М. Наумова, О. А. Набокова, Д. В. Богданов, средний ряд — М. В. Попова, Л. Я. Якшина, Т. Ф. Муравьева, Л. В. Трифонова, нижний ряд — В. М. Ионова, И. Ю. Гейзер, А. М. Гурвич. Фото 1979 г.

Я пришла на работу в музей в 1972 г. после окончания факультета иностранных языков КГПИ. До этого я работала в музее внештатным экскурсоводом.

Коллектив музея в то время был маленьким и очень дружным: директор В. А. Ниemi, зам. директора по архитектуре Б. В. Моталев, ст. научные сотрудники А. Т. Беляев, Борис и Виола Гушины, ст. методист В. А. Солонен, ее супруг В. Труханкин, ведавший кижским флотом, и наши чудные смотрители — А. М. Багаева, А. В. Мошникова, тетя Зина Костева, зав. хозяйством В.Н. Егорова, администратор В. И. Елупова. Начинала я методистом в отделе научной пропаганды (нынешний экскурсионный). Как методисту мне

¹ Трифонова Людмила Викторовна, ведущий научный сотрудник музея «Кижь». Работает в музее с 1968 г.

приходилось не только прослушивать экскурсоводов, но и быть организатором: встречать туристов, оформлять документы, составлять месячные реестры, самой водить экскурсии. Иногда приходилось водить группы по 60-70 человек.

Жизнь в Кижях была прекрасна и романтична. Часто ночью мы сидели на скамейке перед Преображенской церковью и смотрели на звезды. По утрам летели по дороге мимо ансамбля, чтобы успеть до экскурсии положить букет на ступени церкви Лазаря Муромского. А 19 августа, тайно ото всех, украшали цветами и веточками рябины икону «Преображение» в нашем любимом храме.

В сентябре 1973 г. меня родилась дочь Даша, но уже в июне 1974 я вышла на работу. Встречала туристов на проходной с коляской, из которой радостно смотрела на мир моя Данюша. Идя на экскурсию, сдавала коляску с Даней в камеру хранения, где присматривала за вещами туристов мама Бориса Гущина Мария Михайловна.

Жили мы в те времена дружно в небольших комнатках старого административного здания, которого уже нет. С торца «административки» располагалась «бытовка», в которой наши смотрительницы обедали и пили чай. Мы часто сидели с ними и слушали их бесконечные рассказы. Именно от них мы научились добросовестно и любовно относиться к делу. Видя, как они моют полы в музейных домах, «шоркая» их песком, или чистят до блеска медную посуду, мы проникались любовью к этому непривычному для нас деревенскому быту, учились настоящему, честному отношению к жизни.

Умение работать в экспедиции (в середине 70 я уже стала мл. научным сотрудником) нам преподавал А. Т. Беляев. Вместе с Борисом и Виолой Гущинными он делал первые музейные интерьеры. Моей научной темой была «Материальная культура карел-людиков». В те годы я часто ездила в Кондопожский и Пряжинский районы. Особенно мне запомнилась экспедиция с О. Набоковой в сентябре 1978 г., во время которой мы посетили деревню Кавгора. Перед этим мы долго плутали и приехали туда вечером. До сих пор стоят перед глазами тревожный красный закат и черные, зияющие пустыми глазницами окон дома... Эта экспедиция была последним ярким событием, которым завершился период моих 70 гг. в музее.

2010 г.

ТАТЬЯНА АГАРКОВА¹

ВОДИЛИ МЫ ЭКСКУРСИИ ПО ОСТРОВУ КИЖИ...

Осенью 1971 г. я, студентка историко-филологического факультета Петрозаводского университета, вместе с однокурсниками начала заниматься на курсах подготовки экскурсоводов в музее «Кижы». О работе на острове Кижы нам много и увлекательно рассказывали Зоя Акудович, Надя Кипнис и Лена Арутюнова, которые ранее прошли обучение на курсах и уже работали экскурсоводами на острове в летний сезон. Наши занятия проходили в помещении музея «Кижы» на площади Ленина, нам читали лекции сотрудники музея, искусствоведы, художники-реставраторы, архитекторы. Так, постепенно стали складываться знания о древней иконописи Карелии, о деревянной архитектуре Русского Севера, об укладе жизни, традициях и бытовых условиях жизни населения нашей северной территории. После окончания летней сессии нас (а мы — это были: Т.Агаркова, Н. Брель, Н. Гусарова, Л. Горина, Р. Калашникова, Т. Никулина, Э.Шейченко, В.Щемелева) — приняли на работу в качестве внештатных экскурсоводов в музей «Кижы», и наступила пора отправляться на остров и приступить к работе.

«Метеоры» и «Кометы» в те годы курсировали между Петрозаводском и островом Кижы с невероятной для нашего времени активностью. (Разница в отправлении рейсов составляла полчаса — час, цена билета также была не велика — 1р. 40 коп, а потом 1 р. 70 коп.).

...Утренний рейс, красота открытого Онего, кижские шхеры и всегда сказочный силуэт Кижского ансамбля! Травы и цветы, ветер с озера, много неба и невероятной красоты церкви! Это впечатление осталось во мне навсегда, и, несмотря на то что в последующие годы я приезжала на остров с гостями и различными делегациями, в памяти я всегда только с островом и музеем тех лет. «Дорога бетонная тянется в вечность по Кижам... Мне грустно, я Кижы помню другими...» — это из переписки 80 с Надей Кипнис. Все было другим. И не удивительно! Все многочисленные сотрудники музея тогда жили на острове. Одни

¹ Агаркова Татьяна Ивановна, декан факультета повышения квалификации Петрозаводского государственного университета. В 1972-1974 гг. внештатный экскурсовод музея-заповедника «Кижы».

в административном здании, другие в деревне Ямка и в садовых домиках по дороге в Ямку. Приезжали на моторных лодках только знаменитые плотники Борис Елупов и Константин Клинов, а из Сенной Губы приезжала смотрительница Анна Константиновна Елизарова. Мы жили в административном здании в большом помещении, рядом с которым было помещение для дежурного по музею, а еще телефон, ручку которого надо было вертеть и кричать «...Великая, Великая... дайте Петрозаводск...». В этом же здании жил замечательный директор музея Вилхо Арвидович Ниemi, семья Гуциных, Солонен; жили главный хранитель музея А. Т. Беляев, заместитель директора по научной работе И. П. Тюриков, Б. М. Моталев. По вечерам, после отхода последней «Кометы», практически семейная была обстановка. Играли дети, топилась баня на берегу, готовили ужины, выходили сидеть на крыльцо и завалинки. Вроде бы и ничего особенного, все как везде, но голову повернешь, а там Преображенская и Покровская церкви и колокольня впридачу, и сразу чувствуешь, что особенное все.

Экскурсии начинались рано. Первая «Комета» приходила в 8.15, следующая в 8.30, и так далее с интервалом в полчаса. Мы встречали группы у ворот и шли по маршруту. Еще приходили к причалу напротив ансамбля большие трехпалубные и двухпалубные теплоходы, каждый по-особенному, один с колокольным звоном, другой с музыкой Рахманинова, кто-то давал гудки по-особому... Иногда утром стояли два, а нередко и три теплохода, и тогда экскурсоводы вели экскурсии в режиме «non-stop», чтобы все туристы успели пройти экскурсионными маршрутами. На территории кижского ансамбля тогда скапливалась уйма народа. Три-четыре группы вокруг Преображенской церкви, группы три возле Покровской, и парочка групп возле колокольни. Удивительным образом каждая группа ухитрялась слышать своего экскурсовода и следовать за ним. Кстати, Эля Шейченко рассказала, что лет восемь спустя в Москве к ней радостно обратился незнакомый человек: «...Здравствуйте, Вы разве меня не помните? Вы же в Кижях у нашей группы экскурсию вели!...». Вообще, в те годы пребывание туристов на острове не было регламентировано по времени. Люди могли весь день провести на острове, могли приехать с первой «Кометой», а уехать на последней. Частыми туристами были жители районов Карелии, которым оплачивал поездку профсоюз. Такие группы приезжали на весь день и после экскурсии отдыхали, гуляли и, удалившись в поля,

раскладывали продукты, располагались поудобнее и устраивали импровизированные пикники. Как-то мы с Зоей Акудович встречали две такие группы и готовились начать маршрут, как подошел по-тогдашнему для нас просто дяденька и душевно так сказал: « Девочка, давай-ка ты нам все скоренько проведи. Церкви давай поглядим, а в домах таких мы и сами дома проживаем. И другой девочке тоже скажи, чтобы недолго. Нам еще обратно ехать, а завтра рано в лес работать, так что давай минут за сорок обернемся, чтобы и отдохнуть еще малость». Среди туристов было много известных артистов, режиссеров, писателей, журналистов, ученых. Книга отзывов была полна восторженных откликов, эмоциональных стихотворных похвал экскурсоводу. Вообще, туристы были настроены всегда доброжелательно, ну и мы старались не испортить впечатление от знакомства с «жемчужиной деревянного зодчества».

Сотрудники музея, научные работники и методисты время от времени проверяли качество содержания наших экскурсий. Иногда это было неожиданностью для экскурсовода. Как-то раз, усадив группу на лавки в доме Ошевнева, в разгар своего повествования я обнаружила среди туристов в уголке главного хранителя Алексея Тихоновича Беляева и вместо того, чтобы сказать: «это было во времена царя Алексея Михайловича Тишайшего», я сообщила группе, что все происходило во времена царя Алексея Тихоновича. Таких маленьких оговорок, случайных шероховатостей было достаточно, чтобы потом с улыбкой о них вспоминать. Были проверки методики изложения содержания, научности информации, отдельно проверялась антирелигиозная составляющая экскурсии. Удивляться не приходится, хотя сейчас это звучит почти неправдоподобно и , вероятно, нынче проверяют составляющую без приставки «анти». Но нам требовалось в экскурсии отразить антирелигиозную направленность содержания. Мы призадумались, но вспомнили, что творцом фольклора является народ, придумали новый вариант легенды о мастере Несторе и утром следующего дня стали внедрять легенду в практику. Теперь знаменитая легенда звучала так: «Мастер Нестор строил Преображенскую церковь не только со своей артелью. Вместе с ним работал его старший сын Иван. Работа над церковью была почти завершена, и только Нестор с Иваном работали последнюю двадцать вторую главу. Оставалось прикрепить совсем немного лемешин, когда Иван поскользнулся и упал с тридцатисемиметровой высоты Преображенской церкви.

Нестор доработал главу, только тогда он спустился вниз, увидел безжизненное тело сына... Вот тогда-то он и бросил свой топор в Онежское озеро, вот тогда-то он и сазал: «Не было, нет и не будет такой никогда!» И больше Нестор церковей не строил. Весь рассказ сопровождался выразительной интонацией и не менее выразительной жестикуляцией, указывающей где стоял Нестор, где лежал Иван и откуда был брошен топор. Легенда имела успех у слушателей и проверяющих. Говорят, что она рассказывалась еще несколько лет после нас.

На самом деле немного в жизни бывает таких вечеров, какими были вечера кижские, с разговорами, писанием шуточных поэм, с гуляньем, с размышленьями и обсуждениями, веселыми придумками и шутками. Как-то мне пришло письмо с адресом: «Остров Кижь. Кижский погост. Агарковой Татьяне Ивановне.» Письмо мне вручил радостный Борис Гушин, и я поняла, что весело уже всем. Теперь вечером после ужина мне можно было сказать: «Ну, дорогая подруга, нам спать пора, так что и тебе пора до дома, по известному адресу».

Были и общие для всех дела, были и общие праздники. В юбилей Вилхо Арвидовича Ниemi собрались все сотрудники. Среди скромных подарков был и наш. Золотое Кижское ожерелье из шестидесяти шоколадных медалей украшало юбиляра. А 19 августа все вместе праздновали праздник Преображенья.

В последующие два года мы продолжали работать в музее летом и жили в садовом домике по дороге в Ямку. Рядом с нами жили змеи, грелись на камне возле дома, а специалист по этим змеям просил нас нежно и бережно к ним отнестись. Наверное, мы так и поступали, потому что никто нас не укусил, а ведь запросто можно было. Комары, во всяком случае, не стеснялись. В мой последний кижский год я приехала на остров с началом навигации. Я писала дипломную работу по истории развития музея, и надо было ее заканчивать. Руководителем диплома был Б. А. Гушин. Удалось даже съездить в экспедицию в деревни Нильмогуба и Нильмозеро, а потом и закончился июнь, потом июль, а в середине августа надо было прибыть на работу по распределению. Так вот и закончился волшебный чудо-остров, и живет он весь в цветах и травах со всем своим тогдашним населением в моей памяти, и я благодарна судьбе, что в моей жизни были Кижь.

2015 г.

ТАТЬЯНА ВАХРАМЕЕВА¹

**«КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ...», ИЛИ О ВРЕМЕНИ
ВХОЖДЕНИЯ В ПРОФЕССИЮ НА О. КИЖИ**

**Татьяна Вахрамеева и Виктор Гребнев, сотрудники
КСНРПМ, на объекте реставрации. Фото 1972 г.**

Удивительно, как давно она была, наша юность.

До чего все изменилось, да и мы сами тоже.

Вспоминая прошлое, естественно, документальной точности от меня нечего ждать. Кое-что придумаю, кое-что присочиню.

Но что точно я знаю, так это то, что стать тем, кем я стала, было бы невозможно, если б не Кижы.

Девочка с романтическими наклонностями поступила после школы на строительный факультет университета. «Железобетон»,

¹ Вахрамеева (в девичестве Остриянина) Татьяна Ивановна, архитектор-реставратор высшей категории, кандидат архитектуры, директор ЗАО «ЛАД». В 1968 — 1969 гг. работала внештатным экскурсоводом музея «Кижы». В 1971 — 1992 гг. работала архитектором в Карельской специализированной научно-реставрационной производственной мастерской.

«металлы», грейдеры и бульдозеры мало ее трогали. У нее был своеобразный настрой мыслей — хотелось в будущем создавать что-то полезное (материальное) и, одновременно, чтоб это было чем-то нетривиальным, «одухотворенным».

Это было время «физиков» и «лириков» (конец 1960), жарких споров о смысле жизни, знакомства с вышедшим из забвения искусством «серебрянного века». Интересной была жизнь, не скучной. И была встреча с Кижами, и этими Кижами мы «заболели». Наша небольшая компания друзей и их подруг решила, что Кижы — это место, где нам очень хорошо, где нам нравится находиться, тем более, что на летних каникулах там нуждались в экскурсоводах, и мы могли не только прекрасно проводить время, но и заработать, прибавка к стипендии совсем не лишняя. Занялись усиленно самообразованием, еще прослушали и курс лекций, и вот мы — готовые к трудовым будням экскурсоводы музея «Кижы». Закончив учебный год, всей компаний — и «физики», и «лирики», на целое лето, а если удавалось пробить там практику, то захватывали и сентябрь, мы выезжали в Кижы. Это были не те Кижы, что мы видим сейчас, с заорганизованной и упорядоченной структурой, тогда это была в какой-то степени своеобразная «вольница». Мы могли по ночам совершать романтические прогулки на погост и по всему острову. Мы любовались тогда еще доступным торжественным интерьером Преображенской церкви. По острову бродило стадо коров. Мы ощущали остров таким своим, родным, действительно «народным достоянием», которым владели и мы в том числе. Жили недалеко от погоста, в старом административном здании, там, где сейчас «площадка образцов традиционных конструкций». Так что, бывало, выходишь утром на озеро умыться и, глянув на погост, замираешь — в легком тумане Преображенка словно парит над землей, а прямо перед глазами, на косой изгороди, в тончайшей паутине задержалась капля росы и сверкает на солнце.

Это те впечатления, которые запоминаются на всю жизнь, и никакому туристу, приезжающему сюда на несколько часов, так не понять этот остров, его исконность, простоту и величие.

Среди экскурсоводов у нас были личности самые разные. Помню молодого человека по имени Валентин, совершенно непонятно, как он попал туда. Одним из перлов в его экскурсиях было объяснение туристам сюжета иконы «Преображение». Он говорил следующее: «Христос с учениками пошел на одну гору, там подпрыгнул и преобразился, и все удивились».

Экскурсии сотрудника музея Виктора Пулькина представляли собой не рассказ, а былинное пение. Мы всегда старались вести свои группы так, чтобы случайно не пересечься с ним. Уже изда- лека слышался его звучный бархатистый бас, он говорил нарас- пев, вставлял в рассказ былинные припевы. Особенно заворажи- вающе его голос действовал на женщин-туристок. И если наши группы оказывались рядом, мы теряли из своих слушательниц значительную часть, а он ее приобретал. При этом В. Пулькин так покровительственно замечал в наш адрес: «Ну, это молодые еще экскурсоводы, неопытные, ничего, со временем они научатся рассказывать». Мы безропотно уступали ему дорогу и продолжа- ли свой маршрут с теми, кто остался и нас не предал.

Нам удалось поработать и пообщаться с одним из самых за- мечательных директоров музея — Вилхо Арвидовичем Ниemi. Он уже в то время говорил, что нельзя людям, которые работают с культурным наследием, с такими великолепными памятника- ми, жить в невообразимых бытовых условиях, что есть в той же Финляндии примеры деревенских домов с полным или хотя бы частичным благоустройством. На что руководство отвечало: «На это средств нет. Ничего, потерпят. У вас работают энтузиасты, для них должно быть счастьем жить на Кижях, они приспособ- ятся». Вот так и до сих пор большинство сотрудников кое-как приспособляются. Конечно, прогресс есть, хотя бы во входной зоне санузел цивилизованный появился. Да и в единственном благоустроенном доме на Гоголевском острове кто-то периодиче- ски проживает, чаще — важные гости.

Закончились студенческие годы, и, так как раньше в вузах су- ществовало распределение на работу, я решила, что сохранение памятников — это то дело, которым я хочу и должна заниматься. Попросила, чтоб мне сделали вызов в только что организованные Карельские реставрационные мастерские. С министром культуры Карелии, в чьем ведении эти мастерские находились тогда, разго- вор был короткий. Он спросил: «Квартиру будешь просить?». От- ветила: «Нет». Вызов был подписан, и сразу, только получив ди- плом, не использовав положенного месяца отдыха, приступила к работе — мастером реставрационного участка на о. Кижь. Теперь уже мое взаимоотношение с Кижями резко поменялось. Это уже было не восторженное любование его красотами, а напряженные, через многочисленные преодоления, трудовые, «производствен- ные» будни.

На острове Кижы в то время (начало 1970) велись масштабные реставрационные работы, формировались экспозиционные деревни Ямка, Васильево, южная часть острова, позднее — Пудожский сектор. На острове Кижы располагалось крупное структурное подразделение Карельской специальной научно-реставрационной производственной мастерской (КСНРПМ), — Кижский реставрационный участок. Там постоянно жило и работало несколько бригад рабочих. Директора мастерской менялись достаточно быстро, но длительный период ее главным архитектором, и, по сути, ее лидером, был Борис Степанович Марков, достаточно интересный человек, мудрый руководитель, своеобразный «отец солдатам». Он всегда был уравновешен, спокоен, ни разу не слышала, чтобы на кого-либо повышал голос.

Основной костяк рабочих бригад составляли местные жители окрестных деревень — плотники Степановы, Елизаровы, Елуповы, Иван Вересов. Пополнялись эти бригады часто меняющимся контингентом рабочих, в большинстве представлявшим собой так называемый «101 километр». Это люди, отсидевшие свой срок в тюрьме и после выхода оттуда не имевшие права проживать и быть прописанными ближе 100 км от крупных городов, в том числе Петрозаводска. Для них Кижы оказывались очень удобной территорией, они там прописывались, жили в организованном в д. Ямка общежитии, и атмосфера там царила соответствующая. Требовалось очень жесткое управление этой командой, чтоб сохранять порядок и рабочую дисциплину. Особенно тяжелым было время осень — зима, учитывая условия жизни, транспортную труднодоступность. И почти каждый год в эти периоды там кто-либо погибал в результате пьяных разборок или несчастных случаев.

Работа мастера — это непосредственное общение с рабочими, руководство реставрационным процессом. Для бывшей студентки, еще несколько парившей в облаках, это была достаточно суровая школа. Меня очень выручали плотники из местных жителей, особенно Николай Иванович и Алексей Иванович Степановы. Они объясняли мне и как лучше организовать работу, и как ее правильно выполнить и т. п. Да и остальные рабочие особо серьезных проблем мне не создавали; на удивление, относились даже с некоторым уважением и, скорее всего, слегка снисходительно. Кроме того, у меня была надежная опора — прораб участка — Виктор Матвеевич Гребнев. Хотя мы с ним одногодки, но с первых дней повелось, что я его называла, как и большинство тех, кто с ним общался, по

имени-отчеству, или просто «Матвейч». Он вызывал особое уважение своей хозяйственной хваткой, выглядел очень колоритно — достаточно солидно, с кучерявой рыжеватой бородкой, светлыми кудрями, имел командирские навыки и командирский голос (недавно вернулся из армии, получив звание ст. сержанта). Мы с ним уже проработали вместе более сорока лет, и хотя теперь он в моем подчинении, это обращение к нему остается неизменным.

В 1970, да еще и в 80, гг. число рабочих на участке летом пополнялось за счет студенческих отрядов. За Кижам на несколько лет закрепился стройотряд химического факультета МГУ. Приезжало на работу до 30 студентов с руководителями. Главным направлением их работы было проведение химической консервации памятников.

Это был период бурного развития химической промышленности, и тогда на химическую консервацию деревянных памятников возлагалась огромная надежда, как на панацею по их спасению. Немало ядовитых препаратов было тогда внедрено в древесину наших памятников, что привело к некоторому положительному и значительному отрицательному результатам. Химконсервацию проводили и панельным способом, по 40 дней подряд ежедневно на стены памятников подавая ядовитый пентахлорфенолят натрия, и пропитывая элементы в ваннах. Случалось, коровы, полакомившись из этих ванн раствором, и «копыта отбрасывали».

В 1971 г. один из отрядов химфака МГУ был направлен на разборку и перевозку в музей дома Сергина из д. Мунозеро в Заонежье. Хорошей дороги в эту деревню не было, только сильно разбитая лесовозная трасса. Приняли решение — разбирать дом и перевозить его на ближайший берег Онежского озера, к причалу, а оттуда плашкоутом на Кижы. Проект реставрации этого дома в полном объеме не был разработан. Его основу выполнил А. В. Ополовников при участии И. Шургина.

Мне была проучена роль мастера — руководителя работами. И с бригадой студентов, которую дополнили техникой в виде грузовой машины и автокрана, командировали в Мунозеро.

В поездке нас сопровождал и сам А. В. Ополовников с И. Шургиным. Александр Викторович, прибыв в деревню, подробно сфотографировал дом, объяснил нам, что в этом памятнике особо интересно и ценно, а затем сразу уехал, кажется куда-то в леса Заонежские, на охоту. В деревне сохранился жилым только один дом, где на постое у хозяев расположилась я. Студенты и наши водители

обустроили себе жилье в пустующем доме и в часовне. Разобрать памятник оказалось делом не совсем простым, да еще и таким малоопытным коллективом, включавшим молоденького мастера и почти всех членов бригады, не имевших никакой рабочей квалификации. Сначала надо было весь дом промаркировать: все бревна, балки, окна, двери. А дом большущий, хотя дворовая часть и была полуразрушена. Выглядел он, особенно в вечерних сумерках со стороны северного фасада, с его небольшими окошками, выступающими массивными стенами хоздвора, взвозом, как некая крепость, напоминая бревенчатые средневековые оборонные сооружения. Хорошо сохранились интерьеры с печами. Парадные, светлые комнаты были обращены на юг, а на север — несколько сумрачных помещения хозяйственных изб первого и второго этажей.

Не обходилось и без небольшого саботажа, отказа выполнять ряд заданий. При этом студенты были в основном правы, так как должных мероприятий по технике безопасности обеспечить не всегда получалось. Но мне было поручено разобрать дом и перевезти, и, руководствуясь генеральным лозунгом нашей страны того времени: «Выполнять поставленные партией задачи любой ценой», я пыталась это сделать. Иногда своим примером, не всегда разумным, заставляла ребят совершать «трудовые подвиги». Как-то меня попытались испытать как мастера наши водители, которым хотелось вырваться оттуда домой на побывку. Жаловались, что вышла из строя та или иная деталь машины, работать нет возможности, надо ехать ремонтироваться. В технике я тогда разбиралась, мягко говоря, слабо, а телефонной или иной связи у нас не было, о мобильниках еще даже не мечтали. Ходила пешком в соседнюю деревню Черкасы, где можно было воспользоваться телефоном, и потом дожидалась прораба, который периодически наезжал и помогал наводить порядок.

Ситуацию моих взаимоотношений с бригадой несколько осложнило одно обстоятельство. Куратор студентов, преподаватель МГУ, который там с нами работал, решил, что мне необходимо повышенное мужское внимание, от чего я резко отказалась, и из вредности он периодически настраивал ребят против меня, провоцировал определенную напряженность в отношении с ними.

Чтобы стимулировать, ускорить работу, я придумала хитрый способ — рассказала ребятам, что хозяин этого дома был не из бедных, человек весьма зажиточный, и вполне возможно, что смутное время вынудило его припрятать свое добро в подполье или еще где-

то; кроме того, объяснила, что в прошлом при строительстве была традиция закладывать под первые венцы, под печи монеты разного достоинства. А кому не хочется обнаружить клад? Так время от времени темпы работы ускорялись. Но, как помнится, кроме нескольких мелких монет начала XX века мы так ничего и не обнаружили. С нами в Мунозеро в составе бригады было два студента факультета журналистики МГУ. По возвращении домой они написали и опубликовали в журнале «Юность» очерк об этой командировке. Плохо помню весь текст, но, кажется, не все там было объективно, и хочу заметить, что эти два студента выказывали наименьший энтузиазм в работе.

Удалось нам все-таки сделать много — отремонтировали причал на берегу озера недалеко от деревни, разобрали дом, перевезли его к месту погрузки на плашкоут. Ну а дальше уже была эпопея его сборки, реставрации. Удивительно, тогда при минимуме чертежей дом был собран достаточно грамотно, в соответствии со своим первоначальным видом. Видимо, сказалось то, что плотники, которые работали на нем, наверное, еще генетически владели традиционными строительными навыками. Так что дом Сергина из д. Мунозеро сейчас на о. Кижы в музее представляет один из характерных для своего времени крестьянских домов-комплексов «кошель», удивляет всех своим масштабом — этакой машиной с фасадами, богато украшенными резьбой, и господствует над остальными постройками деревни Васильево. Интересно, как изменялось определяемое политической ситуацией представление о ценностных характеристиках памятника. В 1960 г. в ходе историко-архитектурных экспедиций он был замечен и предложен к перевозке в музей «Кижы» как образец традиционного Заонежского крестьянского монументального дома-комплекса, богато декорированного, с хорошо сохранившейся жилой частью. Потом, через некоторое время, художественные и архитектурно-конструктивные особенности отошли на второй план, он ведь являлся домом зажиточного крестьянина, «кулака», чуждого советской власти элемента; «негоже» его в пример ставить. Поэтому его историческое значение как дома, где во время Великой Отечественной войны скрывались и работали наши разведчики, становилось для него главным. Сейчас дом правомерно определяют и как памятник архитектурного мастерства, и как памятник истории.

С перевозкой дома Сергина на остров Кижы и проведением еще ряда реставрационных работ в музее моя карьера как мастера заканчивалась. Глубокоуважаемый Борис Степанович Марков понял, что

от меня больше проку будет, если я займусь проектной работой. При нашей мастерской организовали проектную группу, в которой я и стала одной из первых сотрудниц. К этой работе окончательно прикипела, и теперь приятно показать своим внукам таблички на памятниках острова Кижы, где значится моя фамилия (а где-то, может, моя девичья фамилия — Острянина) в качестве автора проекта реставрации. Хотя и в этом деле было совершено немало ошибок, но главное, нами — реставраторами, работавшими долгие годы вместе сначала в Карельской реставрационной мастерской, потом в ЗАО «ЛАД», двигало благородное стремление сохранять культурное наследие. И кажется, как ни странно, несмотря на происходящие сейчас в этой сфере перемены, все еще продолжает двигаться.

2015 г.

ВИЛХО НИЕМИ¹

ОТРЫВОЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ЭКС-ГУБЕРНАТОРА О. КИЖИ

В. А. Ниemi. О. Кижы. Фото 1973 г.

Из 46 календарных лет своего официального трудового стажа только шесть падают на долю Кижей. Несмотря на небольшую долю, значимость этих лет лично для меня весьма весомая. Мне приходилось не раз слышать от сотрудников музея, что те годы, когда я работал на священном острове, с полным правом можно называть «золотым веком» музея. Что они именно вкладывают в это понятие, мне трудно сказать, но могу признаться, что обладаю слабостью, которая присуща любому человеку, я втайне отношу частицу блеска благородного металла себе, губернатору острова этого периода.

Если серьезно, то по-моему существует несколько факторов, которые дают основание подобному определению. В указанный период окончательно оформилась цельная организационная структура музея с его главными подразделениями. Штаты музея были укомплектованы по условиям Карелии того времени и особенно островного музея весьма квалифицированными и компетентными кадрами.

¹ Ниemi Вилхо Арвидович (1914 — 2008), директор музея «Кижы» в 1969 — 1975 гг.

По крайней мере энтузиазма и патриотизма им доставало. Образовался работоспособный и достаточно дружный коллектив. СобираТЕЛЬСКАЯ, экспозиционная работа существенно улучшилась. Особенно заметно «вширь и вглубь» увеличилась экскурсионная работа. Подтверждение этому книга отзывов того периода. Слава музея быстро понеслась далеко за пределы Родины. Что стоит одна благодарность ИКОМОСА ЮНЕСКО ООН, полученная после посещения острова участниками конгресса ИКОМОСА в 1969 г.

Параллельно с приведенными выше факторами не меньше блеска «золотому веку» придавала та уверенность в будущем музея, которую давал ряд фундаментальных документов, которые в то время были разработаны: Генеральный план развития музея-заповедника «Кижы», проект инженерного укрепления главного объекта Преображенской церкви, системы автоматического пожаротушения Преображенской церкви. Все сотрудники музея вложили немало усилий и всю свою душу в разработку этих проектов. Непосредственное участие музея вселяло веру в эффективную реальность этих проектов. К этому можно прибавить широкомасштабную работу по химической защите памятников. Вера вселила уверенность, что неоценимое богатство музея будет умножено и сохранено для будущих поколений. Рассматривая положение в музее с этой точки зрения, тяжело констатировать, что этот основополагающий фактор — вера в будущее музея в какой-то степени потеряна. Дай Бог, что я ошибаюсь.

Если честно признаться, то и у меня лично эта вера стала колебаться в 1974 и 1975 гг. Сначала провалились все попытки найти генподрядчика для осуществления проекта по инженерному укреплению Преображенской церкви. На эту цель предназначалась мизерная сумма — 600 тыс. рублей. Скоро в Москве появились Центральные научно-реставрационные мастерские (ЦНРМ), началась ревизия проекта Ленинградского инженерно-строительного института, которая выродила мёртворождённый железобетонный проект. С большим скрипом, черепашьими шагами начали реализацию генерального плана развития музея.

Возникли грустные мысли о будущем музея: с уходом Маковецкого И. В.² стало почти невозможным решать вопросы в Москве, поразительной была позиция Министерства культуры и руководства республики. На совещаниях: на словах обещались хоть миллионы, а на деле — почти невозможно было выбивать сотни.

² Маковецкий Иван Васильевич (1912 — 1972), архитектор, исследователь русского деревянного зодчества, член Президиума Всероссийского общества охраны памятников, доктор искусствоведения.

Задним числом я упрекал себя в том, что вовремя не сумел создать в музее мощного, компетентного научно-архитектурного эксплуатационного отдела с полноценными лабораториями, высококвалифицированными специалистами. Жалел, что, несмотря на все старания, не сумел создать мало-мальски благоприятные материальные и бытовые условия для сотрудников музея для закрепления коллектива. Можно констатировать, что в этом немалая «заслуга» родного министерства и республиканских органов.

Задним числом приходится признаться, что в музей я пришёл совершенно неподготовленным к этой работе. Мне ни разу в жизни не приходила мысль в голову о работе в музее. Правда, у меня были близкие знакомые музейные работники, с которыми нередко приходилось довольно громко и остро беседовать на эту тему. Почему-то у них сложилось мнение, что я свысока, недооценивая, смотрю на музейную работу. Честно говоря, я мечтал о дипломатической или политической, или даже научной карьере, но только не о музейной, тем более административной. В раннем юношестве, признаюсь, мне приснился Голливуд. Когда я говорю, что совсем не был готов к работе в музее, это не значит, что не имел никаких зачатков для этой работы: жизненный опыт у меня был достаточно широкодиапазонный. Личное знакомство с разными мирами, политическая грамота на определенном уровне, историческое образование, довольно широкое знакомство с Карелией, ее культурой, экономикой. В чертах характера: американская пунктуальность, финское упрямство в хорошем смысле слова, русская и советская терпимость и человеческая душевность. Наверное, все это способствовало нахождению общего языка с коллективом. Некоторые музейные работники удивлялись, а некоторые втайне насмеялись, когда губернатор острова, колеблясь, залез на воз сена и управлял лошадей. Признаюсь, что, возможно, это был рискованный шаг с точки зрения авторитета руководителя, но, кроме некоторых принципиальных мотивов, меня на этот шаг толкнуло желание проверить, не забыл ли бывший фермер из Миниссоты когда-то освоенную профессию.

Итак, после долгого раздумывания, совершенно неподготовленный, по воле партийной организации, я принял пост директора музея-заповедника «Кижы». Как справился с этой архитрудной почетной задачей, не мне судить. Самую высокую оценку могут дать те, с которыми тогда вместе рядом работал.

Перелистывая свои бумаги со времени работы в Кижях, я обнаружил записи от 25.05.1970 г. Эти записи довольно точно характеризуют рабочий день директора музея того времени.

Привожу записи дневника:

1. Ознакомить с объектами музея французского фотокора и журналиста из АПН.
2. В сопровождении Беляева А. Т. ознакомился с домом Ошевнева
3. Ознакомился с состоянием и работой материального склада музея.
4. Разбирал конфликт, который возник по вопросу тонирования часовни между Тюриковым И. П., Тарасовым Ю. А., Калининым П. И.. Посредником назначен Беляев А. Т.
5. Разбирался кофликт в связи с передачей Моталевым Б.В. движка пожарников без согласования вопроса с главным хранителем Тюриковым И. П.
6. Ознакомился с работой продмага в д. Ямка.
7. Сопровождал по музею двух американских фотокоров.
8. Вел переговоры с представителями Совмина.
9. Разбирался в конфликте в связи с обмером объема проведенных реставрационных работ.
10. На собрании разбирали рабочих-реставраторов — нарушителей трудовой дисциплины.
11. Позвонила Мария Ивановна (моя жена).

Приведённый день довольно типичный, особенный в первый период моей работы в музее. К этому можно прибавить, что на острове я находился постоянно с начала мая до второй половины октября. Зимой регулярно приезжал на остров на дежурство 1-2 недели. В течение 6 лет работы в музее у меня рабочий день без исключения начинался в 4 часа утра и кончался около 22:00. Как правило, летом 1-2 раза в сутки я обходил, вернее объезжал на своем верном велосипеде, весь остров. Были дни, когда приходилось вести 2-3 экскурсии обычно на 2-3 языках. За 6 лет пребывания на острове я один только раз опоздал на встречу с высокопоставленными гостями – представителями финско-советского общества дружбы. Был на ночной рыбалке с археологами на Оленьем острове, а на обратном пути мотор лодки подвел (честно признаться, не мотор, а некомпетентность моториста). Губернатор опоздал на полчаса. Выручила Вера Альбертовна Солонен. Высокие гости простили эти слабости рыбака. Можно добавить, что за 6 лет работы в музее я только один раз был в отпуске полный месяц, второй раз через неделю меня отозвали из отпуска. Во время туристического сезона у меня фактически не было выходных дней. Даже в день своего 60-летия я провел экскурсию с финскими туристами, наверное, был в ударе, так как до сих пор туристы, присутствовавшие на этой экскурсии, вспоминают

ее. Прошлым летом мне пришлось пережить приятные ощущения, когда член официальной делегации финского Сейма Илмари Елонен отказался вместе с другими членами делегации поехать в Кижы, как он объяснил, чтобы не испортить впечатление о Кижях, полученное от экскурсии юбиляра в 1974 г.

У меня, как, наверняка, у каждого из нас кижан, имеются наиболее запомнившиеся эпизоды во время работы в музее. Вот некоторые из наиболее вспоминающихся. В первый год моего пребывания в музее остров посетила большая группа (свыше 100 человек) участников конгресса ИКОМОС, который состоялся в Ленинграде. Тогда я был совсем зеленым, с полугодовым стажем музейной работы. Организация встречи, проведение экскурсий, обеспечение пребывания на острове было весьма ответственным мероприятием. В музее остались немногие, которые участвовали в этих мероприятиях. Весьма положительная оценка руководителей ИКОМОС, Министерства культуры СССР и Советского комитета ИКОМОС о проведенной музеем работе говорит о том, что полученный тогда опыт не мешало бы сохранить.

Запоминающимися были посещения острова премьер-министром Финляндии Ахти Карьялайненым, архиепископом Симоеки, космонавтами Шаталовым, Елесеевым, Горбатко и другие. В разгар сезона из центра обкома и совмина каждый день были звонки, предупреждающие о приезде очередных высоких гостей. Как правило, звонки сопровождалась «ценными указаниями». Как, что и кто проведет экскурсию. Все эти «ЦУ», признаюсь, губернатор острова безжалостно пропускал через свой фильтр, что далеко не всем нравилось. Можно констатировать, что за 6 лет ни от одной делегации или гостя не поступило ни одной жалобы на плохой прием.

Гости гостями. Конечно, было престижно представить им музей, и недурно после ознакомления гостей со священным островом отметить его пребывание на «плаву». Но всё-таки самое большое моральное удовлетворение я получил от проведения экскурсий с рядовыми туристами. Приятно было читать отзыв группы американских туристов из «Тура 8-ми флагов» о том, что посещение Кижей было апогеем их пребывания в Советском Союзе. Это тем более приятно, когда стало известно, что до посещения Кижей они были просто негативно настроены в отношении нашей страны. Приятно было прочесть запись финских туристов о том, что экскурсовод преподнес молодым финнам хороший урок, как незаметно для экскурсантов надо пропагандировать преимущество социалистического строя. Сейчас, наверное, это была бы архитрудная задача.

Вспоминаются и мелкие довольно курьезные эпизоды. В течении 3 дней у меня гостил профессор Берклийского университета из Калифорнии Вуосало. Вечером мы с ним выехали на рыбалку на Уйменские острова. При возвращении обратно через узкий пролив мы наскочили на подводный камень, катер стал тонуть. Слава Богу, место оказалось мелким, но до Клименецкого острова было несколько сот метров. Вечерело, поднимался ветер. На всю жизнь запомнилось побледневшее, тревожное лицо профессора. «Ничего страшного» — успокоил я его — «Если потребуется, доплывем до острова». Через пару часов мы уже были в Кижях. Сидели за столом за чашкой крепкого чаю и немного более крепкой с «5-ю звёздочками». Добрый рыбак выручил нас.

Из своего опыта в качестве губернатора острова я пришел к выводу, что самое главное — это налаживание правильных отношений с людьми. В принципе, я верю в доброту и справедливость человека даже до такой степени, что с большим трудом вижу негативное в человеке. Сотрудники музея, наверное, с трудом вспомнят выговоры, внесенные кому-нибудь из сотрудников музея в то время. Было два случая, если память не изменяет, когда отстранил экскурсовода от работы в результате одной жалобы туристов на его грубость, второе: экскурсовод сжег лодочный мотор в нетрезвом состоянии.

Большое переживание вызвали судебные процессы по делу Хеглундов и утонувшего МРБ³. Нелегко было отстаивать права и честь честных и хороших сотрудников музея, особенно в условиях, когда были влиятельные круги, которые сделали все возможное для другого решения по этим вопросам. Это особенно касается дела МРБ. Когда, по существу, стоял вопрос «быть или не быть» губернатору острова.

Затрагивая вопросы об отношении с людьми, хотелось затронуть такой тонкий и щепитильный вопрос. Были ли у губернатора свои любимцы? Честно признаться, да, они были, но я делал все, чтобы эти фавориты никоим образом не чувствовали, что это дает им какие-нибудь привилегии, а с другой стороны, чтобы другие сотрудники не чувствовали, что кто-то находится в привилегированном положении. В этом отношении меня обеспечило то обстоятельство, что подавляющее большинство сотрудников музея вызывали к себе симпатию и глубокое уважение. Еще необходимо сказать, что принципиально всю жизнь ненавидел подхалимство и сам считал его неприемлемым в отношениях среди сотрудников. Ценю искреннее уважение к любому человеку, в том числе и к начальству. Надо

³ МРБ — малый рыболовный бот

признать, что эта черта характера не всегда работала в пользу моей «карьеры», если о ней можно говорить как о настоящей карьере.

Таковы некоторые отрывочные штрихи — воспоминания о годах, проведенных на священном острове. Почему я напомнил о них: может быть, эти записи принесут какую-нибудь пользу тем, кто сегодня и завтра будет работать в Кижях. В своё время и до сих пор говорю, что в Кижях могут и должны работать только исключительные патриоты этого священного острова, которые пожертвовали своими собственными благами, удобствами повседневной жизни. Те, которые приезжают на остров в качестве туристов или гастролёров-инспекторов, особенно в хорошую погоду, готовы считать, что кижане живут как бы в санатории, если чуть не в раю, а фактически, те, которые живут там, несут вахту круглый год, в любую погоду, в любых обстоятельствах, понимают, что это почти ближе к аду, чем к раю. Только чудаковатые, по орошему ненормальные люди готовы посвятить свою жизнь Кижам. Почёт и слава им.

В конце хотелось с того берега изложить свое видение о некоторых задачах Кижского острова.

1. Первейшая и важнейшая задача — спасение церкви Преображения.

2. Сплочение и повышение квалификации сотрудников дружного коллектива музея. Для этого необходимо прежде всего разумные, справедливые, чуткие и одновременно требовательные отношения к каждому члену коллектива в сочетании с дальнейшим резким повышением как материальных, так и бытовых условий коллектива.

3. Создание действительно научно-обоснованного, компетентного отдела эксплуатации и реставрации архитектурных памятников музея с высококвалифицированными кадрами.

4. Всемирное усовершенствование всех аспектов экскурсионной работы, памятуя, что это зеркало музея и всей республики во «внешнем мире».

5. Установить полномочия музея на всей территории заповедника. Как предусмотрено Генпланом.

Замечание. По разным источникам я, к сожалению, пришел к выводу, что после 1975 г. музей постепенно потерял свое главенствующее положение как хозяин острова. Вспоминается, что после ухода из музея не прошло и года, как деловые отношения с совхозом «Прогресс», с аэропортом и пароходством, которые были установлены с большим трудом, уже успели разрушиться. Без разумных деловых связей с работающими на острове очень трудно установить слаженную работу всего комплекса.

б. Надо постоянно вести везде, в «низах» и в «верхах», последовательную, принципиальную линию: «Кижы — это гордость Карелии, во многих отношениях «Кижы следуют после Калевала». Это наиболее престижная визитная карточка Карелии не только в стране, но и во всем мире, и поэтому для Кижей ничего нельзя жалеть (помните слова Косыгина Н. А.).

Это только несколько набросков, часть задач, которые стоят перед коллективом музея, а также перед республикой.

Наконец, несколько слов по поводу ухода губернатора острова со своего поста, поскольку этот вопрос ни один раз задавали сотрудники музея, и думается, что вопрос переходит за рамки персонального дела самого губернатора.

Те, кто работал в музее в 1973 — 1975 гг., хорошо помнят, что тогда с разных сторон начались кампании за «идеологическую» чистоту экскурсионной работы в музее. Потребовали, чтобы в рассказах о культовых архитектурных памятникам и атрибутах красной нитью проходила классовая нить, чтобы материалы были насыщены атеистической пропагандой. Требовался классовый подход к рассказам о гражданских памятниках. Вначале эти вопросы поднимались на разных совещаниях в г. Петрозаводске, а позже уже в Москве. В разных газетах появились материалы по этой теме. Поскольку в то время выступающие с «партийной» и «принципиальной» позицией стояли на твердой почве, то положение губернатора острова действительно оказалось губернаторским. По силе своих знаний и твердых убеждений, он как мог «сопротивлялся» этому натиску. Ценную поддержку он получил от Комиссии Министерства культуры РСФСР, которая в то время положительно оценила экскурсионную работу музея, в том числе и ее идейный уровень.

Но, несмотря ни на что, натиск усиливался с каждым днем, и наконец тогдашнее руководство Министерства культуры Республики вышло в открытую и прямо дало знать, что настала пора губернатору покинуть свои владения и передать место тому, которому оно уже давно было предназначено. В архивах губернатора сохранилась копия докладной в адрес обкома партии по данному вопросу. Одним словом, стало совершенно ясно, что вся эта «идейная» возня нужна была кому-то для своих планов устройства своих близких. Губернатор, имеющий богатейший жизненный опыт в этой области, несмотря на уговоры Москвы, решил уступить свое место более молодым. Не мне судить, насколько правильно поступил. Если я правильно понял, почетная должность губернатора острова до сегодняшнего дня остается вакантной. Упаси Бог, пусть это ска-

зано не в обиду директорам музея, которые не унаследовали этого почётного звания. Не исключено, что при других обстоятельствах Вилхо Арвидович еще лет 10-15 носил бы почетное звание и архи-тяжелый груз.

А был бы из этого прок?

Два замечания.

Очень хотелось бы, чтобы сотрудники музея твердо стояли на следующей позиции: музей нельзя превратить в коммерческую организацию, несмотря на всё приближающуюся ориентацию на рыночную экономику.

Второе: иногда вкрадывается мысль, что сотрудники музея иногда забывают ветеранов и бывших сотрудников музея, которые всегда душой переживают за его судьбу, которые и в старости лет могли бы внести свою полезную лепту на алтарь священного острова.

1991 г.

Тампере, Финляндия

(Научный архив музея-заповедника «Кижи».

Ф.1. Оп.3. Ед. хр. 958)

СЕРГЕЙ КУЛИКОВ¹

ВИЛХО — ГУБЕРНАТОР ГЛАВНОГО ОСТРОВА

В году, кажется, 1973-м я в компании девчонок, бывших одноклассниц, а к тому времени уже сотрудниц музея «Кижы», прогуливался по главному проспекту города Петрозаводска. На одной из остановок стоял невысокий немолодой и внешне ничем не примечательный, но улыбчивый человек. Мои спутницы вдруг оставили меня и бросились приветственно обниматься и чуть ли не троекратно лобызаться с ним. Змей жестокой ревности ужалил мое юношеское самолюбие. Почему эдакая радость общения достается не мне, молодому-красивому, а этому старику?

Но тут подошел троллейбус, и мужичок уехал.

— Кто это был? — облегченно поинтересовался я. — Да это же наш директор музея, Вилхо Ниemi!

Признаться, ни до, ни после я не встречал таких нежных отношений между руководством и подчиненными!..

...Его дед Германи Ниemi еще в конце XIX века во времена Великой миграции финнов уехал из Финляндии из деревни Кюрёскоки, что под Тампере, искать лучшей доли в Америке. И там в штате Миннесота 8 июня 1914 г. у его сына Арвида и невестки Людии появился на свет мальчик Вилхо, по-американски — Вилли или Билл. Мальчик был довольно шустрым. Неплохо учился, помогал отцу в полевых работах, занимался спортом: бегом и греблей, ну и, конечно, мечтал попасть в Голливуд. В 15 лет, закончив комсомольские курсы в Дулуте, возглавил местную организацию молодежи. Так что к работам на отцовской ферме в сельской общине Сэкс (Sax) прибавились еще пешие вечерне-ночные походы за 10-15 миль на комсомольские собрания...

Великая американская депрессия 1930 и советская пропаганда подтолкнули семью Арвида Ниemi снова отправиться в путь через Атлантику, теперь уже в Карелию — помогать стране Советов строить социализм. Арвид продал дом, автомобиль и ферму, загрузил домашний скарб и весь необходимый на новом месте

¹ Куликов Сергей Васильевич, инженер Карельских специализированных научно-реставрационных производственных мастерских, архитектор и главный архитектор музея «Кижы» 1980 — 1994, 2009 — 2010 гг. В настоящее время живет в Финляндии.

инструмент, а также недавно купленный трактор на корабль, и вместе со старшим сыном Юрье-Джоржем первым отправился из Нью-Йорка в Ленинград. В порту Ленинграда трактор тут же почему-то пропал.

Новое место, по-видимому, тоже оказалось не таким привлекательным, как обещалось. И Арвид послал телеграмму жене и сыну Биллу, чтобы те не приезжали. Но было уже поздно. Когда телеграмма пришла в Сэкс, его жена Людия и Билл уже плыли на борту очередного парохода навстречу новой жизни. Эту телеграмму Вилхо-Билл увидел только через 62 г., когда побывал на родине, в США, в 1992-м...

Потом в Карелии у Вилхо была работа и учеба в Петрозаводском педагогическом институте на историческом факультете, по окончании которого в 1938-м стал учителем не истории, а английского языка в Сельскохозяйственном техникуме.

В марте 1940 он был призван в РККА. В годы войны служил инструктором-переводчиком в политотделе Ленинградского фронта. За мужество и отвагу, проявленные в боях под Белоостровом (Valkeasaari), на реке Сестре, был награжден орденом Красной Звезды. Закончил службу в 1950 г. секретарем воинской редакции в звании капитана.

Затем около двух лет работал собственным корреспондентом газеты «Тотуус», что в переводе с финского — «Правда». Однако правда в изложении Вилхо пришлась не по вкусу партийным работникам, и по решению бюро ЦК КП(б) К-ФССР его отстранили от работы и послали подальше. Хорошо, не так далеко — всего лишь в Вагвозеро на три года в семилетнюю школу трудиться по специальности — учителем истории и английского языка.

В музей Вилхо Арвидович пришел уже из патентного бюро Онежского тракторного завода. Назначение на должность директора музея «Кижы» получил 25 апреля 1969 г. «согласно решению бюро Карельского обкома КПСС».

Когда это произошло, можно сказать, что музея как такового еще не было. Это при нем музей «Кижы» приобрел нынешние форму и содержание. Вилхо Ниemi набирал и обучал кадры, при нем были начаты работы по сбору музейных коллекций, открылись первые экспозиции, был разработан первый Генеральный план развития музея «Кижы», начался поиск путей сохранения Кижского архитектурного ансамбля с привлечением ведущих ин-

женеров и химиков страны, была отстроена административная деревня Жарниково и многое другое. Но основная его заслуга — это заложенный им в коллективе дух единения и преданности Кижам, который, несмотря на трудности и невзгоды, позволил музею вырасти в Музей с мировым именем. Не только остров Кижы, но и сама атмосфера в музее очаровывали всех его посетителей.

С пяти часов утра он обходил остров как свои владения, чтобы к утренней планерке знать, что и где нужно сделать сегодня. Недаром его величали Губернатором острова Кижы, чем он страшно гордился. Тем не менее как директор он меньше всего походил на государственного мужа, облеченного властью. В его речах были душевность и чувство юмора, и не было официозных штампов. Его любили уборщицы и научные работники, местные жители и туристы, попавшие на его экскурсию. В числе последних бывали весьма высокие экскурсанты, такие как президент Финляндии Урхо Калеви Кекконен и другие представительные персоны... Приветствие смешанных иностранных групп он начинал на трех языках: русском, английском и финском к всеобщему восхищению присутствовавших и... к некоторой досаде сопровождавших лиц.

Когда я пришел на работу на остров Кижы в качестве мастера реставрационного участка, он уже лет шесть как был на пенсии. «Меня ушли на пенсию», — рассказывал он мне. — «Я им говорил:

— Вообще-то я полон сил, и еще могу быть полезным. — А вот этого-то нам как раз не надо! Отдыхайте... — и спровадили...»

Собственно, несмотря на всю свою идейную подкованность и тонкую дипломатичность, он был неудобным для власти: происхождение — не русское, умен, с иностранцами может общаться свободно без посредников (а вдруг секреты реставрации продаст?!), честен и прям в отстаивании своих позиций и абсолютно не способен к подхалимажу. А без этого в номенклатуре нельзя. Там ценится приверженность начальству, а не делу.

До последних дней Вилхо всегда живо интересовался всеми кижскими проблемами. В июне 1984 г. Вилхо с супругой Марией Ивановной приехал на Кижы, чтобы отпраздновать свое семидесятилетие в компании старых сотрудников. И там в стеклянном

«поплавке» ресторана «Кизи» за одним столом сидели тракторист, фельдшер, плотник, реставратор икон, научный сотрудник и заведующий отделом музея. Вот только представителей администрации в зале почему-то не припомню...

В 1989 г. во время подготовки номинационных документов для включения ансамбля Кижского погоста в список Всемирного наследия ЮНЕСКО он любезно предложил мне свою пишущую машинку с латинским шрифтом — большую редкость в Петрозаводске в ту докомпьютерную эру — и выступил даже корректором английского текста. (Все-таки американец!) Одного я только не учел тогда, что его знания архитектурной английской лексики все-таки остались на уровне общеобразовательной американской школы образца 1929 г., и к тому же были несколько подзабыты...

Свою последнюю экскурсию для англоязычной группы он провел в 1993 г., приехав с сыном и внуками ко мне в гости в Жарниково. Стас Куликов отснял эту экскурсию на видео. Она шла добрых три часа. Не знаю, как туристы успели на теплоход, но дезертиров из группы не было.

А потом в 1990 пришло время очередной эмиграции. Жена Мария Ивановна умерла, родное советское государство еще раз обмануло и ограбило, обесценив последние сбережения. И Вилхо Арвидович Ниemi был вынужден поехать вслед за сыновьями в Финляндию, в город Тампере, откуда когда-то в Америку отправился его дед. На первых порах евангелическо-лютеранская церковь опекала его: устроила квартирный вопрос, подарила кое-что из обстановки, включая массивную кровать, стол и стулья. Я уже решил, что старый коммунист Вилхо на девятом десятке стал подумывать о Боге. На что он мне ответил: «Да, я размышлял о Боге, и думаю, что Его все же нет!». Так до последних дней и остался атеистом... и подписчиком газеты коммунистов Финляндии...

Единственное, о чем он сожалел в последние дни своей жизни, — это о реставрации так называемого капитализма в России с его цинизмом и профанацией всех достижений человечества, в том числе и в сохранении традиционной культуры. «Это крах всей моей жизни!», — говорил он.

Хотя, наверное, нечто подобное о крахе своей жизни думал и его отец, который вместо обещанной «земли — крестьянам» получил в СССР всего лишь известный надел «метр на два» на

сельском кладбище близ Ляскеля. А брат Юрье-Джорж закончил свою молодую жизнь за колючей проволокой под Челябинском, так сказать, «мобилизованным» в трудовую армию.

На центральном кладбище города Тампере, недалеко от западных ворот, есть небольшой черный камень с надписью по-фински: NIEMI VILHO, 08.06.1914 — 10.11.2008. На камне сидит пестро раскрашенный керамический воробушек, который мне страшно напоминает самого Вилхо: маленький, нахохлившийся, бойкий и неумимый. Неумимый в поисках вредных насекомых и полезных зерен для души и тела. Этот воробушек может жить в любой стране, на любом континенте, и нет для него границ. Как их не было для Вилхо, Губернатора славного острова Кизи, гражданина мира.

2014 г.

БОРИС ГУЩИН

МОЙ ЛЮБИМЫЙ АМЕРИКАНЕЦ

**Сотрудники музея «Кижь» с г-жой Каукконен Т. И.,
директором музея «Сеурисаари» (Хельсинки).
Остров Кижь, 1971 г. Слева направо: Т. И. Каукконен,
Б. А. Гущин, И. П. Тюриков, В. А. Гущина, В. А. Ниemi,
Н. А. Гринин.**

Сначала, наверное, надо сказать о том, почему директорство В.А. Ниemi в 1969 — 1975 гг. называют «золотым веком» музея «Кижь». В своих воспоминаниях сам Вилхо Арвидович, как мне кажется, вполне объективно объяснил этот феномен. С ним работал небольшой дружный коллектив с мощным зарядом оптимизма и искренней любви к острову. Коллектив по мере своих сил принимал участие во всех проектах, рисующих светлое будущее Кижей. Вспомним Генеральный план развития музея «Кижь», проект инженерного укрепления Преображенской церкви, систему автоматического пожаротушения, химическую консервацию памятников, активную перевозку памятников на остров, электрификацию и телефонизацию Кижей. Значительно увеличилось количество успешных экспедиций, причем на транспорте музея. С каждым годом на Кижь приезжало все больше и больше туристов, в том числе и иностранных.

В 1969 г. один из своих конгрессов ИКОМОС провел на острове Кижы. Я помню краткое вступительное слово Вилхо Арвидовича, произнесенное им на русском, английском, финском и немецком языках. Бурные аплодисменты икомосовцев означали полное признание ими директора Кижей. Да и сотрудники музея прониклись все большим и большим уважением к новому директору, которого по началу встретили с изрядным скептицизмом. Ещё бы: маленький, худенький, говорящий по-русски с акцентом, скромный, тихий, без какого-либо намека на призывный пафос. Причем ко всей этой «культуре, архитектуре и этнографии», как нам казалось, он не имел ни малейшего отношения, не имел понятия. Он пришел к нам как «национальный кадр» по направлению обкома КПСС с Онежского тракторного завода из отдела научно-технической информации, где он проработал много лет.

Директора зауважали постепенно, что неудивительно. Вилхо Ниemi, на мой взгляд, являл собой ярчайший образец коммуниста западной формации. Он родился в Америке, в штате Миннесота, в семье фермера, выходца из Финляндии. Семья придерживалась коммунистических взглядов, и Вилхо стал одним из первых пионеров, а потом и комсомольцев США, успев поработать на многих тяжелых работах. Юноша мечтал о дипломатической, политической или хотя бы научной карьере. Да и какому американцу не снился Голливуд... Были и у симпатичного, хотя и невысокого, юноши и такие сны. Музей не снился никогда.

В начале 1930 г., во время экономического кризиса в США, семья Ниemi переехала в СССР строить социализм. Вилхо окончил историческое отделение Карельского пединститута и какое-то время учительствовал в Олонецкой глубинке.

Во время Великой Отечественной войны офицер Красной Армии Вилхо Ниemi занимался контрпропагандой на машине с рупорами. В письме поэта-фронтовика Николая Гиппиева (Лайне) к поэту-фронтовику Якко Ругоеву от 29 сентября 1943 г. автор письма вспоминает, что машина, на которой работал Вилхо Ниemi, взорвалась. Сам же Ниemi по счастливой случайности остался жив-здоров и не получил ни малейшей царапины.

Вот такой американец стал нашим директором. Первым делом он обложился книгами по истории Карелии, народному деревянному зодчеству и этнографии. Через пару месяцев он с явным удовольствием уже водил экскурсии на английском и финском языках.

Со своими замами и завами он нашел общий язык, быстро освоившись «по верхам», предоставив мелочи и детали подчиненным.

На планёрках с ним можно было спорить, доказывать свою правоту. Но если ты что-то доказал и твой вариант был принят, то с тебя и спросится.

Если же директор настоял на своем, то это означало, что всю ответственность он берет на себя, и если что-то пойдет не так, он никогда не подставит подчиненного. То есть как начальник В. А. Ниemi был всегда благороден. В своих воспоминаниях он писал: «Я верю в доброту и справедливость человека даже до такой степени, что с большим трудом вижу в нем негативное».

Спустя время, когда в 1984 г. В. А. Ниemi приехал отмечать свое 70-летие на острове в ресторане «Кижы», он пригласил всех, кто с ним когда-то работал — человек примерно сорок. Каждый из нас встал и сказал о том, что директор сделал хорошего лично для него.

В общении с людьми Ниemi всегда помогало своеобразное чувство юмора. Помню, как В. А. Гущина, слегка опоздав на работу, поздоровалась с директором:

— Доброе утро, Вилхо Арвидович! — Добрый день, Виола Анатольевна, добрый день, — ответил тот, взглянув на часы.

На всех воскресниках, уборке территории, сенокосе директор был первым.

В первый год своей работы Вилхо решил потрянуть стариной, вспомнив свое фермерское прошлое, и начал возить сено на санях, как это принято в Заонежье, а не на телеге. Делал он это как заправский американский ковбой, только мне было очень смешно слышать, как он разговаривает с кобылой Машкой на английском языке. Ничего, Машка все понимала, ведь истинные ковбои говорят исключительно на английском.

Почему же полного сил, энергичного, казалось бы, совсем не конфликтного, всеми уважаемого и любимого директора отправили на пенсию сразу же, когда ему исполнилось 60 лет, после шести лет безупречного директорства? Я считаю, что противостояние директора с Министерствами культуры КАССР и РСФСР возникло из-за того, что В. А. Ниemi, глубоко понимая проблемы музея и острова, стал смело высказывать свое мнение, поддержанное всеми кижанами, часто отличающееся от мнения министерского начальства.

Вспоминается собрание на острове по поводу будущего островного жилья и основной базы музея. Все сотрудники во главе с директором единогласно проголосовали «против» будущей «столицы» в деревне Жарниково на Заонежском полуострове. Нами предлагался вариант расположения нового жилья севернее деревни Васильево на острове Кижы, где сейчас находится реставрационный комплекс. Но республиканские власти и автор Генплана настояли на своем, говоря нам о «развитии сельского хозяйства на материке, о доставке всех сотрудников музея на работу на вертолетах, о благоустроенных домах» и т. д. Кроме того, обещанных миллионов министерство давать и не собиралось. К тому же началась ревизия инженерного укрепления Преображенской церкви. Настырный директор стал неудобен.

На смену В. А. Ниemi пришла Валентина Матвеевна Ионова из Краеведческого музея, главным девизом которой стала такая сентенция: «Главное – это не пойти на поводу у коллектива». Но это уже другая история.

А директорство В. А. Ниemi все, работавшие с ним, вспоминают с теплым ностальгическим чувством.

2014 г.

ВЛАДИМИР БОРОВКОВ¹

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О КИЖАХ

Впервые я встретился с Кижами, когда мне было 13 лет, т. е. в 1956 г. Я с семьей жил в Петрозаводске и учился в 9 средней политехнической школе. Тогда и услышал от кого-то о сказочном острове Кизи, где стоит величественная Преображенская церковь. Подговорил моего друга Бондаренко Леню, и мы сбежали из дому, сказав родителям, что идем с классом в поход. На деньги, которые нам дали на поход, купили билеты на парходик, который ходил раз в сутки на Кизи, и вот мы на этом чудесном острове. Четыре дня, проведенные на острове, запомнились мне на всю жизнь, т. к. была масса впечатлений. Поселились мы за мизерную плату в избе одного рыбака. Обошли весь остров, ловили рыбу, потопили якорь, за который с нас рыбак заставил нырять чуть ли не два часа, затем, видя наши тщетные потуги, содрал немалые для того времени деньги. Ну а церковь мы налюбовались вовсю. Тогда она была еще в деревянной обшивке и имела серебристый оттенок.

После этого до окончания школы моя судьба никак не была связана с Кижами. И все-таки то детское путешествие имело некоторый сакральный для меня смысл. Так, в 1968 г. я закончил Ленинградский инженерно-строительный институт (ЛИСИ) и меня распределили в этот же институт в Лабораторию испытания и исследования строительных конструкций зданий и сооружений. А в 1974 г. при нашей лаборатории было создано по приказу Министра высшего и среднего специального образования РСФСР № 155 от 08.04.74 специальное исследовательское и конструкторское бюро для обследования технического состояния и восстановления несущей способности здания Преображенской церкви в Кижках. С этой поры у меня начался период в жизни, напрямую связанный с Кижками, и продолжался он почти до 1982 г. Этот период жизни у меня навсегда останется в памяти. Он в первую очередь связан с интереснейшими людьми, настоящими учеными и сподвижниками по сохранению памятни-

¹ Боровков Владимир Павлович, руководитель группы обследования ОАО КБ «Высотные и подземные сооружения» (Санкт-Петербург). С 1974 по 1982 гг. научный сотрудник Ленинградского инженерно-строительного института.

ков русского деревянного зодчества. Это и Душечкин С. А., научный руководитель нашего бюро, и Горшин С. Н. заведующий Сенежской лабораторией консервации древесины, и Орфинский В. П. председатель в то время Союза архитекторов КАССР и многие другие. Встретился и с замечательными людьми энтузиастами своего дела — работниками музея «Кижы». Этот период также связан с интереснейшей исследовательской и проектно-конструкторской работой по памятникам русского деревянного зодчества, основной жемчужиной которого я считаю Преображенскую церковь в Кижях. Ей-то мы и отдали большую часть своего времени и своего творческого потенциала.

Наше начало знакомства с Преображенской церковью началось с десанта на остров зимой в начале 1970 г. Нас доставил туда гидросамолет и, помахав крыльями, улетел в Петрозаводск, оставив одних, как нам казалось, на необитаемом острове. Но нет, остров был уже достаточно обитаем, и руководство музея «Кижы» в лице директора Ниemi В. А. поселило нас в административном здании в просторной комнате с большими окнами и печкой. Нашей задачей было провести предварительное обследование строительных конструкций церкви, выполнить предварительные инженерные обмеры и фотофиксацию. Все это приходилось выполнять в весьма тяжелых условиях. Нас преследовали сильные морозы — приходилось много сил тратить на заготовку дров и топить печку почти постоянно, а спать в ватных брюках и в шапке-ушанке. Были обильные снегопады. В туалет зачастую ходить приходилось с лопатой, чтобы дойти до заветного домика. Был даже случай, когда нас чуть не подстрелили какие-то приبلудившиеся отморозки из Москвы (был даже по этому поводу суд в Петрозаводске). В общем, много всего, что накрепко засело в памяти. Потом пошли затяжные командировки на Кижы в летние периоды. И здесь кроме напряженной работы случалась масса приключений, связанных и с самим обследованием конструкций Преображенской церкви, с рыбалкой, и с досугом после рабочего дня и т. п. Но это отдельная тема. Сейчас же хочется рассказать о том, что нами было выполнено за это время. Во-первых, было выполнено детальное обследование всех строительных конструкций памятника с обмерами и выявлением всех деформаций как отдельных элементов, так и всего здания. Для этого была разработана целая система, которая сейчас называется инженерным мониторингом (тогда это слово не применялось). Затем составлены были подробные карты дефектов

и повреждений всех конструктивных элементов Преображенской церкви. Были разработаны 2 варианта восстановления деревянного сооружения весьма сложной конфигурации. Эти два варианта имели общую идею – сохранения сруба на период производства работ без разборки с возможностью максимального экспонирования данного памятника. После рассмотрения данного проекта в различных экспертных комиссиях в 1972 г. был принят к производству вариант с наружным расположением специальных силовых металлических конструкций. Вся конструкция представляет собой как бы порталный кран из четырех пространственных башен, на которые опирается балочная клетка в виде ферм. На этой площадке устанавливаются специальные винтовые домкраты, позволяющие синхронно поднимать весь сруб на высоту 1-1,5 м. Для подъема нами были разработаны специальные захваты, позволяющие обхватить бревна сруба в двух точках панелей. Таким образом, получается рабочий зазор для ремонта или замены любого венца сруба после его освидетельствования. Такой способ переборки сруба не имел аналогов в мировой практике. В связи с этим авторами такой идеи Г. А. Полиевским и С. А. Душечкиным была подана заявка на изобретения, которая затерялась в каких-то инстанциях. И вот теперь до меня дошли сведения, что данный способ называется либо «норвежским», либо «скандинавским». Хотя в конце 1970 и в начале 80 гг. о способе разработанном в ЛИСИ, было много написано, в том числе и периодической печати. У меня сохранились выписки из статей в газетах «Ленинская правда», Петрозаводск, 23.07.1972 г. и 25.08.1974 г. и в «Ленинградской правде», Ленинград, 2.10. 1970 и журнале «Советский Союз», в которых дано подробное описание нашего способа.

И все-таки хочется вернуться к тому, что мы кроме разработки проекта по Преображенской церкви еще выполняли в то время. Нами был разработан метод оценки степени поражения древесины, в том числе и гнилью. Для этой цели было использовано ультразвуковое прозвучивание бревен. Результаты работы, выполненной Давыдовым С. Н. и Боровковым В. П., были внедрены на памятниках деревянного зодчества после рассмотрения такого метода на конференции в Новгороде (см. сборник Ленинградского зонального НИИ экспериментального проектирования «Новое — в строительство», г. Новгород, 1978). Разработаны также специальные домкраты для реставрационных работ на

деревянных срубах (получены авторские свидетельства). Кроме того, данный способ переборки срубов был проведен в качестве эксперимента на одном из памятников музея «Кижь» — часовне Кирика и Улиты в деревне Воробьи, недалеко от острова Кижь (15 минут на моторке). Не могу не сказать о моих товарищах, с которыми я вплотную работал в период «кижской эпопеи». Это научный руководитель бюро к. т. н. Душечкин С. А., главный инженер проекта Кувелин В. И., Полиевский Г. А., Волков В. И., Новомирский В. В., Гришина Е. М. и многие другие. Мы все были единой командой и для достижения такой благородной цели, как сохранение на века творения наших гениальных предков, были согласны работать и в жару, и в холод, в труднейших бытовых условиях вахтовым методом, вдали от родного дома. Однако не менее родным домом для нас в то время стал и музей «Кижь» с его замечательными людьми, прекрасными деревянными сооружениями и замечательно природой.

2015 г.

БОРИС ГУЩИН

ПЕРВЫЙ В СССР, ИЛИ ЗЕЛЕНАЯ УЛИЦА И ЗАКРЫТЫЕ СЕМАФОРЫ

Конечно, это была наглость с нашей стороны, проработав в музее всего-то три с небольшим года, прийти к директору Вилхо Арвидовичу Ниemi, который работал в музее второй год, и предложить издать полный каталог фондового собрания музея. Нас с Виолой активно поддержал Алексей Тихонович Беляев, первый музейный главный хранитель фондов и наш первый музейный учитель.

Наглость начинающих музейщиков заключалась в том, что в СССР еще не было ни одного каталога историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника. То есть мы собирались создать некие общие каталожные стандарты для, казалось бы, несовместимых друг с другом вещественных памятников, как: церковь (дом) — икона — этнографический предмет.

Вилхо Арвидович сразу поддержал нашу идею. В Министерстве же культуры Карелии идею приняли несколько настроенно, но все-таки приняли.

Мы начали работать над каталогом в 1971 г. Несколько легче было Алексею Тихоновичу. Он, пользуясь чуть ли не единственным в то время музейным определителем «Хозяйство и быт русских крестьян» (А. С. Бежкович, С. К. Жегалова), сделал первые описания этнографических предметов в коллекционных описях. Мы с Виолой сделали к тому времени коллекционные описи всех фондовых икон. Долгое время я не расставался с двухтомным каталогом икон Третьяковской галереи В. И. Антоновой и Н. Е. Мневой. Да и консультанты у нас были блестящие. Прежде всего это Энгелина Сергеевна Смирнова. Счастливое знакомство с ней у нас произошло в Петрозаводске в музее ИЗО. Мы с Виолой ходили по выставке икон, оживленно разговаривая на их тему. В зале никого не было, кроме женщины, сидящей и что-то записывающей. Вдруг эта женщина встает. Подходит к нам и говорит: «Хотите, я вам расскажу об этих иконах». Так мы познакомились с выдающимся исследователем северной иконы Э. С. Смирновой.

Вторым нашим консультантом стал Савва Васильевич Ямщиков, с которым мы подружились с первой встречи, и дружба эта продолжилась до самого его ухода.

Труднее всего было Виоле с памятниками архитектуры, так как в 1970 — 1971 гг. было нечего принять за образец описания архитектурного сооружения. Образцы паспортов на памятники архитектуры появились чуть позже. В тот момент нам очень помогли книги Р. М. Габее, В. П. Орфинского, А. В. Ополовникова, а главным методическим пособием в тот момент стала книга С. Я. Забелло, В. Н. Иванова и П. Н. Максимова «Русское деревянное зодчество», изданная в 1942 г.

К каталогу мы решили дать приложение с краткими сведениями о коллекциях фондов, указав, где и кем собраны, а также краткий состав коллекций.

Собрав всё написанное воедино, я пошел к рецензентам. Прежде всего к Вячеславу Петровичу Орфинскому, который тогда только начинал становиться тем, кем он есть теперь. Он очень доброжелательно оценил главу Виолы Анатольевны и сделал ряд замечаний по форме. Заместитель директора по научной работе музея ИЗО М. Н. Анисимова очень быстро написала рецензию на мою главу, сказав, что это только самый начальный этап введения в научный оборот наших икон. Дольше всех держал этнографическую часть нашего каталога Иван Михайлович Мулло, главный хранитель краеведческого музея. Он скрупулезно отнесся к каждому предмету, сделал несколько замечаний (пару достаточно едких), но тем не менее одобрил главу в целом.

Фотографии, цветные и черно-белые, согласился делать фотокорреспондент ТАСС Семен Аронович Майстерман, с которым мы уже работали по некоторым фотовыставкам. Для Майстермана такая работа была в новинку, и он (сама деликатность) советовался с нами по поводу каждого кадра. У меня до сих пор осталось чувство благодарности Семену (Сене, как его все звали и зовут до сих пор, несмотря на его 80-летний возраст).

Нам очень повезло и с редактором — Дорой Ильиничной Шехтер. Она обладала сплавом черт лучших редакторов — строгостью и добротой. В будущем она будет редактировать альбом «Кижы» В. Е. Гиппенрейтера с нашим вступительным текстом. Красоту нашей книге придали талантливые художник Лев Дегтярев и художественный редактор Римма Серафимовна Киселева. Работать с этими людьми было тепло и радостно.

В 1970-е годы музей «Кижы» был подведомственным Министерству культуры Карельской АССР. Естественно, интерес министерских чиновников к тому, чем мы занимаемся, мы ощущали всегда. Тем более что музейщики, как считалось, стояли на переднем крае идеологической борьбы.

И вот первый разговор с инспектором Минкульты: — Это у вас научное издание? — Научное. — А где классики марксизма-ленинизма?

Я так и сел, где стоял. Но делать нечего — пошел листать собрание сочинений В. И. Ленина. В тематическом указателе нашел слово «икона». Сейчас дословно не помню, но смысл ленинского высказывания был примерно следующий: на икону можно помолиться, покреститься, но она никак не изменит существующего положения. Больше ничего. Ну и как это соотнести с нашим каталогом?

Мне пришлось долго доказывать, что, хотя В. И. Ленин упомянул один раз икону, но к древнерусской живописи это не имеет никакого отношения. Обошлось.

Далее начались проблемы с Облитом (цензурой). У нас в главе «Памятники народного деревянного зодчества» в библиографический список была включена монография финского исследователя Ларса Петтерссона об архитектуре Заонежья, основной материал для которой он собирал во время оккупации Заонежья в 1942 — 1944 гг. Нам эту книгу подарили в Хельсинки в 1970 г. директор музея Сеурасаари Т. — И. Каукконен и сотрудник этого же музея А. Колехмайнен.

Цензор вычеркнул книгу из библиографии, сказав, что оккупанта он не может включить в каталог. Почти одновременно с нашим каталогом в Ленинградском отделении «Стройиздата» вышла монография В. П. Орфинского «Деревянное зодчество Карелии», так там книга Ларса Петтерссона была включена в список литературы. А нам впоследствии пришлось со стыдом объяснять финским коллегам, что Петтерссона изъял из нашей книги карельский цензор.

А в 1989 г. мы вместе с Альфредом Колехмайненом были в гостях у самого Ларса Петтерссона на вилле в окрестностях Хельсинки. И когда хозяин некоторое время отсутствовал, его жена сказала, что покажет нам самое дорогое, что есть у ее мужа. Она провела нас в его спальню и показала стоящую на туалетном столике фотографию военных лет: лейтенант Петтерссон на фоне Кижского погоста.

Автором вступительного слова к каталогу стал Игорь Тюриков, только что начавший работать в музее заместителем директора по научной части.

Каталог вышел колоссальным по нынешним временам тиражом — 15 тысяч экземпляров. Как ни странно, весь тираж разошелся довольно быстро и попал в другие музеи Советского Союза.

Дмитрий Сергеевич Лихачев посоветовал нам послать его В. И. Белову и Ф. А. Абрамову. Послали. И получили от Федора Александровича очень теплое письмо с благодарностью. Да и коллеги-музейщики не раз вспоминали наш каталог в прессе.

Сейчас, по прошествии четырех десятков лет, наш каталог кажется мне несколько провинциальным и недостаточно подробным. Конечно, нет предела совершенству, но как бы то ни было, мы стали первыми и сполна ощутили радость от итога работы над этим музейным изданием.

2013 г.

ГАЛИНА ФРОЛОВА¹

КИЖИ ИЗМЕНИЛИ МОЮ ЖИЗНЬ

Художником-реставратором я стала, можно сказать, случайно. Хотя в нашей жизни ничего случайного не бывает. Увидела в газете объявление Карельской специализированной научно-производственной реставрационной мастерской (КСНПРМ) о том, что на остров Кижы требуются рабочие на химвработы, и мы с подружкой, студентки худграфа, пошли наниматься. На нас очень странно посмотрели: молодые девчонки... на такую работу... но приняли. Какие мы наивные тогда были! Как можно было верить, что химвпропитка безвредна для человека, если она все живое в дереве убивает? А мы верили и этот «фенолят» в бочках разводили, чуть ли не ныряя в него.... За доверчивость и наивность мы теперь расплачиваемся своим здоровьем. Лето мы проработали на пропитке двух объектов: Покровской церкви и часовни Архангела Михаила. А в конце лета меня взяли на ставку ученика художника-реставратора. Так Кижы изменили мою жизнь. В КСНПРМ была своя производственная база на острове, и на музей в те годы работали архитекторы, плотники, реставраторы. В музее художником-реставратором была Ирина Гурвич, а в КСНПРМ — Галина Попова и Александр Байер. Галочка Попова, художник-реставратор из Петербурга, добрая и отзывчивая душа, учила меня работать. Ее расположение и дальнейшая многолетняя дружба сделали меня личностью. Реставратор — профессия не только редкая, но и специфическая. Нужны определенные свойства характера, прежде всего терпение пополам с усидчивостью и, конечно же, от Бога или от небесной канцелярии такой дар, как зоркость глаз, чуткость и одновременно твердость рук.

Реставратор — это профессия, которую осваиваешь всю жизнь. Художники учатся друг у друга, а готов ли мастер поделиться своими секретами — зависит от наставника. Мне очень повезло. В Государственном Русском музее я стажировалась под руководством Ирмы Васильевны Ярыгиной, в окружении таких «асов», как Михаил Малков, Сергей Голубев, Галина Попова. Мне, начинающему реставратору, казалось невозможным постичь премудрость реставрационных операций: как понять, когда и какой крепости раствор клея нужен для укрепления грунта и красочного слоя; как обращаться со скальпе-

¹ Фролова Галина Ивановна, художник-реставратор древнерусской живописи с 1979 г., ст. научный сотрудник отдела фондов музея «Кижы» с 1990 по 2015 гг.

лем — так, чтобы не дрогнула рука и — Боже упаси! — не срезала малейшую частичку авторского слоя. Ольга Владимировна Леликова, руководитель мастерской Государственного НИИ реставрации (ГосНИИР), научила меня работать с микроскопом, для нее это было незыблемое правило: все реставрационные работы выполнять только под микроскопом. Под ее руководством я раскрывала икону «Рождество Христово», середины XVII в. из фондов нашего музея. Это была очень сложная работа, поскольку нужно было удалить два слоя записи на иконе, испорченной плесенью. Без микроскопа значительная часть авторской живописи на этой иконе могла бы исчезнуть незаметно для не вооруженного дополнительным зрением глаза. Когда при подведении итогов моя работа была оценена на отлично, я испытала целый «калейдоскоп» чувств: облегчение, что не оконфузилась, гордость за то, что удалось. И тогда я поняла, что состоялась как реставратор. За годы работы и общения с коллегами — русскими и зарубежными, а также многими другими профессионалами высокого уровня, с которыми приходилось встречаться во время стажировок, семинаров, конференций, я приобрела определенные навыки и знания. Немецкие коллеги из баварских реставрационных мастерских помогли мне освоить реставрацию позолоты, технику золочения и приняли активное участие в разработке методики реставрации золоченого покрытия иконостаса Преображенской церкви.

Любая живопись несет в себе энергетику, и далеко не всегда положительную. Иконопись отличается своей техникой, есть свои особенности подготовки к реставрации. Икона предполагает иное отношение — мысли и чувства должны быть искренними и желательно светлыми — это я теперь понимаю, а когда начинала, то и не задумывалась, что передо мной ИКОНА. Ведь наше поколение воспитывалось пионерией и комсомолом в эпоху безразличного атеизма. Реставрация привела меня к вере. Я перестала смотреть на икону как на станковую живопись, во мне все изменилось. Работа с иконой — как определенная тайна — меня воспитывала, шел постепенный процесс духовного возвышения. Крестилась я уже сознательно в нашей Покровской церкви. Любопытно, но Покровская церковь постоянно связана с моей работой. Когда-то я пропитывала ее пентохлорфенолятом натрия, потом выполняла профилактические работы на иконостасных иконах, восстанавливала интерьер церкви, в ней крестилась, реставрировала несколько икон. И, как мне кажется, после стольких лет общения, церковь приоткрыла некоторые тайны. Через зашифрованные слова на пророческих иконах объяснила происхождение и принадлежность икон иконостасу Никольского при-

дела, располагавшемся в трапезной церкви, способствовала уточнению времени их написания и через датировку покровских икон помогла атрибутировать преображенские. Я помню, какие сильные чувства я испытала, когда по завершении реставрации в иконостас Покровской церкви устанавливали главную икону «Спас в Силах», — я была переполнена счастьем! И, конечно же, когда с отцом Николаем устраняли ошибки, имевшиеся в реставрационной программе иконостаса 1950 гг., то и глаз, и сердце радовали происходящие в храме изменения.

К большому сожалению, три иконы из иконостаса Покровской церкви — это «Архангел Михаил» из деисусного ряда и праздничные иконы «Воскресение Христово» и «Сретение» принадлежат музею ИЗО, который любезно предоставляет их нам на сезон: весной и осенью иконы путешествуют по Онежскому озеру. История с передачей икон давняя, и сегодня уже ничего не изменить. Наш музей создавался как этнографический, икона была чуждым элементом, из понятий «опиум народа». Для воссоздания храмовых интерьеров были отобраны необходимые иконы из так называемой «кижской коллекции» (огромное количество кижских и заонежских икон хранилось в доме Ошевнева), а остальные переданы создававшемуся практически одновременно музею ИЗО как древнерусская живопись.

Лучшего места для хранения икон, чем на острове, нет. Там их родная среда, температурно-влажностный режим им подходит, он плавно меняется. Иконы должны жить там, а не в городском хранилище: здесь от резкой смены температур и влажности доски рассыпаются, страдает грунт и красочный слой.

Впереди у нас большая работа по реставрации иконостаса Преображенской церкви, для этого необходимо создать реставрационную базу в Пудожском секторе музея «Кижжи», где сейчас хранится разобранный в 1981 г. резной иконостас. Состояние позолоченной поверхности признано аварийным уже во второй половине 80 гг. XX столетия. Сегодня аварийные участки находятся под профилактическими наклейками. Для реставрации позолоты потребуется несколько лет напряженного труда бригады реставраторов.

Для меня «Кижжи» — это не только остров, но и деревня Жарниково, в которой я живу столько лет, сколько работаю в музее, и люди, с которыми я общаюсь. За много лет жизни в Жарниково сложился прочный коллектив, мы все сроднились, здесь выросли наши дети, но все-таки ежедневные переезды, «привязанность» к транспорту мешают работе. Реставраторам жить надо на острове.

Моя дочь Вера стала островитянкой в трехмесячном возрасте. Компания у нее была хорошая: Максим Набоков, Ваня Воробьев —

вместе росли, в детский сад ходили. Наши дети связаны с островом, пожалуй, даже крепче, чем мы, поскольку они с детства в этой музейной стихии. Вера освоила разные ремесла, несколько сезонов подряд работала в «Ожившей экспозиции», помогала мне в профилактических работах, вместе с Ксюшей Наумовой работала техником в фондах, мечтает работать в отделе фондов, окончила истфак ПетрГУ. Как я в свое время была очарована красотой острова и его сокровищами, так и дочь привязалась и сердцем, и душой к музею, острову и деревне Жарниково.

С музеем связан еще один член нашей семьи — Михаил Фролов, сын моей сестры — реставратор по дереву, каждое лето он приезжал к нам и незаметно стал нужным музеем мастером. В реставрацию он пришел, имея специальность «столяр-краснодеревщик». У Миши золотые руки, он очень уравновешенный и спокойный, каким и должен быть реставратор.

Я люблю путешествовать, раньше много ездила. Сказочное впечатление произвел на меня город Тюбинген, где совместно с музеем ИЗО мы экспонировали пятьдесят семь икон на выставке «Сокровища Республики Карелия — Православный образ». Узкие улочки, уютные дома, как будто побывала в детской сказке. А самое сильное впечатление — это люди, у которых я и Людмила Трифонова жили во время стажировки в Баварии. Реставраторы Сабине Пальфи и Карл Фогт не только приняли нас в своем доме, но и в течение трех месяцев кормили, возили на работу, знакомили с достопримечательностями земли Бавария, договаривались о посещении музеев. В результате мы привязались друг к другу и сердцем, и душой и теперь время от времени встречаемся.

Я подготовила себе смену в лице Надежды Куусела, она очень способная ученица. Она стажировалась у московского реставратора Александра Яблокова из ГосНИИРа и уже может выполнять довольно сложные консервационные работы. В дальнейшем планирую продолжить научную работу — очень много накопилось материала по внутреннему убранству храмов Обонежья, кижских церквей и часовен. Буду готовить научные публикации, а также планирую заняться работой по восстановлению внутреннего убранства часовни Успения Богоматери в деревне Васильево.

2007 г.

НАТАЛЬЯ ВЕРБОВСКАЯ¹

ОСТРОВ КИЖИ — МОЙ СЧАСТЛИВЫЙ СОН...

Господи, ну что я могу написать такого особенного, что было бы достойно этого дивного острова? Ну не сны же мои на чужбине... А может, и сны. Один из них: «Я прибегаю на экскурсию к 8 утра, а группа уже ушла на маршрут, и Надежда Александровна говорит, приходить надо не менее чем за 20 минут до расписания». Другой сон: «Я прихожу на экскурсию, а Надежда Александровна говорит: знаешь, тут у тебя вместо итальянцев — испанцы, ты уж возьми, языки-то родственные, сможешь как-нибудь рассказать».

Я так часто вижу во сне остров Кижы и просыпаюсь счастливая, хоть и далеко-далеко от острова. Разобраться, шагком за шагком, то, может быть, понятно станет, что страна, в культуру и искусство которой был влюблен со школьной юности, стала второй Родиной для моих детей (да простят меня не квасные патриоты, ведь Родина бывает только одна, а все остальное лишь удобство) тоже благодаря во многом острову. Со школьной юности потянуло к прекрасному, а значит, поступив на исторический и увидев объявление о наборе на курсы экскурсоводов, сразу захотелось в Кижы. И ведь не была ни разу до этого, поэтому первый приезд на остров был на практические занятия зимой: самолетик на лыжах приземлился на лед, нам выдали валенки, и мы на целую неделю при 30-градусном морозе под чутким руководством Бориса Александровича Гушина прикасались к древней и в то же время живой русской истории. Живой, потому что поздно вечером, всем гуртом живя в доме Мошниковых (10 человек в одной нижней избе), мы гадали; а то в старом, ныне исчезнувшем с пригорка русского сектора, административном здании отогревались и ели новгородские пироги с горохом, испеченные коренными заонежанками-бабушками, ну прямо как в Новгороде XIV в. Из той нашей группы практикантов, уж не знаю почему, я только одна и приехала летом работать на остров. И добираясь на «комете», я даже не знала, что первая остановка будет в Сенной Губе, вышла с сумкой, а церковей-то и нет. «А где же Кижы-то?» — спрашиваю. «Так это дальше ехать надо». А «комета»

¹ Вербовская Наталья Васильевна, искусствовед и переводчик. В 1980 — начале 1990 гг. работала внештатным экскурсоводом музея «Кижы». В 2003 — 2004 гг. зав. выставочным залом музея «Кижы». В настоящее время живет в Италии.

уже отошла на метр или полтора, со страху так и прыгнула с сумкой на уходящее крыло, поругался тогда матрос на меня. А потом первые экскурсии, жизнь в Жарникове, и любимый преподаватель Татьяна Никулина тоже здесь, и мы с ней хоть на минуточку, но коллеги, а ведь в нее влюблен весь курс... В тот первый островной сезон еще вспоминаю веселые разговоры молодых девушек, обсуждавших романтическое фото Регины Калашниковой во всесоюзной газете. Еще помню лекции А. Невского, сотрудника Музея истории религии и ровесника века. Долгий и жаркий август, редкий в те годы; а потом и сентябрь, потому что университет разрешил заменить колхоз на экскурсионную работу. Наш «Заонежец», плывущий сквозь косые дожди, а однажды мы видели вдалеке прекрасное зрелище: лось переплывал с острова на остров. Столько светлых воспоминаний: ведь все студенческие каникулы, от самых первых — только на остров. Веселые фотографии представляли нашего Бориса Гущина туристам, которые хотели «сразу на насамбель», просто как известного архитектора Ополовникова. Что удивило бы сегодня некоторых гидов из той нашей кижской жизни, так это, пожалуй, только два факта: первый, что в течение первых трех лет никак не удавалось увидеть змею живую, туристов каждый день просила быть осторожнее, а сама, даже скача по камням гряды в поисках земляники, ни разу с ними не встречалась, стало быть, меньше их было; а второй, не было практически такого явления, как чаевые. Однажды предложили, так чуть не заплакала от обиды, мы были другими, отношения к деньгам тогда было иным, может и снобизм, ведь гостинцы и сувениры нас не смущали. В общем, не помню ни одного отрицательного штриха, может быть, потому, что юность, а может быть — такой уж это остров, щедро дарящий светлые воспоминания тем, кто этого хочет. Скажете — экзальтация?! Но почему тогда так упорно возвращаются на этот остров очень многие, кто по жизненным причинам уезжает от него?

А в какой-то свой студенческий еще сезон, теплым летним вечером, под плеск весел, я услышала счастливый смех и радостные восклицания Веры Мартыновой и Марины Шубской — они поступили в Академию. Это стало зернышком, проросшим в желание попасть когда-нибудь в эту самую Академию. А потом в ней самой уже на собеседовании знаменитого Пунина, от которого зависело, допустят ли тебя к вступительным экзаменам, остров Кижы стал как пропуск-пароль к допуску, а уж там оставалось только постараться... Хотя работала я в то время совсем в другом музее, но в отпуск летом возвращалась на остров.

Я любила итальянское искусство, а потому мои неспешные и спокойные в силу северного нрава коллеги предпочитали отправить с итальянскими, шумными и галдящими, группами именно меня. И кто бы мог подумать, что экскурсия может иметь такие далекие продолжения. Была она, правда, не на острове, а в церкви Александра Невского, который в те поры был Краеведческим музеем. Но судьба моя пришла на экскурсию в музей только потому, что опоздала на экскурсию на остров Кижь, а если бы поехала с группой, то не пришла бы в музей, так как полгруппы лежало в гостинице и отходило от сильной августовской качки. И в этой же церкви с одним из тех туристов мы крестили потом сына Александра. Да, явно, это все не случайно, остров Кижь, Александр Невский, и старичок, и Святой, и любовь к искусству. Правильно говорят, наверное, что судьба и на печке отыщется.

И наконец свершилось, в 2003 г. я пришла работать в музей уже штатным сотрудником. И это тоже стало счастливым подарком судьбы. Музей помог мне тогда просто морально и физически выжить. Может быть, не всегда получалось все сделать именно так, как хотелось, но все равно, столько нового, столько опыта. Да если бы я не работала сначала экскурсоводом на острове Кижь, а потом сотрудником в городском подразделении музея, разве смогла бы я когда-нибудь так осмелеть, чтобы вызваться провести экскурсию по Венеции, пусть и нелегально, по-партизански, так как нет еще удостоверения, но мечта-то есть! А раз есть мечта, то она уже греет. И корни этой мечты, если размотать клубок, в тех далеких первых кижских сезонах, в конце 70 — начале 80 гг. Судьба сложилась, как сложилась, я не проработала в Кижях всю свою жизнь, но все-таки остров вплелся яркой нитью, определившей весь узор на ее ткани. Жаль, конечно, что дети бывали много, но не выросли на острове, зато мы рассказали о нем здесь, в нашем поселке, где мы живем, пришли в школу и устроили рассказ, откуда мы есть. Мы показали чудесные виды острова, образы девушек в фольклорных костюмах, а там, где речь шла об исторической регате, кто-то сказал, что у них в семье есть лодка, и они тоже хотят... (а почему бы и нет?).

В общем, сегодня мне хорошо уже от того, что дети помнят остров, и часто говорят: «Смотри, мама, это похоже на Кижь». Спасибо тебе, любимый остров и музей, за то, что вы есть в моей судьбе!

2015 г.

ВЯЧЕСЛАВ АГАПИТОВ¹

КИЖИ — ЛЮБОВЬ МОЯ

Восьмидесятые годы — время моей работы в Кижях. Хорошо помню первую экспедиционную поездку осенью 1982 г. на Водлозеро. Когда другие участники экспедиции тормозили местное население в поисках предметов ушедшего быта, я в это же время записывал топонимию и исторические предания. Когда вернулись в Кижы, то в газете прочитал... сообщение ТАСС о нашей поездке, а также о том, что участники экспедиции привезли много уникальных вещей, собранных ими на стыке границ Архангельской, Вологодской областей и Карелии.

С осени 1981 г. по август 1986 работал в музее художником-оформителем. После экспедиции в августе 1986 г. (привез рукописный старообрядческий Псалтирь) меня перевели в научные сотрудники, в отдел, которым руководил Б. А. Гуцин. Начальник мой оказался достаточно терпимым к моим увлечениям и часто прощал мне явно не музейные наклонности в виде топонимии, увлечения живописью, джазом. В те годы пришло осознание, что, несмотря на выбранную тему исследования, необходимо собирать в поездках всё, что связано с традиционной культурой. На наших глазах исчезали деревни, уходили в мир иной славные земляки — те же плотники из легендарной бригады ополовниковского набора — Б. Ф. Елупов, К. П. Клинов, И. Ф. Вересов.

Когда жил в Жарниково, в Серовском доме, то часто бегал на лыжах в Потаневщину к Анне Константиновне Елизаровой — моей лучшей приятельнице в Кижях. Одинокая женщина вспоминала прожитые годы, кормила калитками и пила чаем из самовара. Елизаровой я обычно относил молоко, купленное у В. Г. Мордвинкова или у стариков Максимовых в Ерснево. Ближайшим другом стал на годы лесник Володя Панфилов, живший на Боярщине. Лесник по приходу угощал меня вкуснейшей картошкой, выращенной им на поляне, где некогда стоял дом сказителя В. П. Щеголенка. Эти встречи с кижскими старожилками потом вошли в мою книгу «Святая салма».

Зимой в Кижях было не суетно. Редкие вызовы в городскую контору музея осложнялись лишь трудностями на обратном пути: днями можно было сидеть в аэропорту «Пески», ожидая погоды. Само-

¹ Агапитов Вячеслав Алексеевич, историк, этнограф, художник, поэт, музыковед. В 1981 — 1989 гг. работал в музее «Кижы» художником-оформителем и научным сотрудником.

леты, вертолеты — неперенные атрибуты тогдашнего быта. Жили в музее в те годы как-то более патриархально, хотя было немало проблем. Но когда их не бывало? Память удерживает и эпизоды вешней распутицы, когда лед превращался в шильник и попадать на работу — на остров из Жарниково — становилось проблемой. Вспоминается и «Ладога» — легендарный двухпалубный теплоход, построенный в ГДР после войны. В Жарниково дружили семьями. Нередко ходили к Жуковым, жившим в другом конце деревни. Галя угощала свежими пирогами. Когда родился Армас, пришлось переехать нам с Надеждой на остров. Жили в доме Вичурина в Ямке. «Гажий остров» оправдывал название — гадюк было много, и когда подрастали дети, приходилось следить за ними постоянно. Помню, как ходили собирать землянику. Я ставил малыша на валун, а сам в высоких финских резиновиках выискивал в траве душистые ягоды.

Все годы, прожитые в Кижях, у меня была своя лодка-кижанка. Одно из любимых увлечений — ловля щук на спиннинг. Как-то актер финского театра Лео Нярья подарил мне особенную французскую блесну, на нее стали брать и крупные окуни. Но что вспоминать моих щук, когда Володя Панфилов по весне притаскивал порой их таких огромных, что я понимал в тот момент: в любом деле есть мастера и есть подмастерья.

2008 г.

ЮРИЙ СУВОРОВ¹

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОСТРОВЕ КИЖИ

Впервые на острове я оказался летом 1982 г., приехал работать экскурсоводом на один месяц, а получилось так, что с музеем связался на несколько лет. Помню тот дождливый день, когда я высадился из «кометы» и с огромным рюкзаком оправился в администрацию. Организатором экскурсий в то лето был Максим Михайловский, который сразу же предложил взять мне группу. Я, который в Кижях вообще не бывал, экскурсий в жизни не водил, тут же в испуге отказался...

Первые впечатления от увиденного в музее были сложными. Шедевры деревянного зодчества соседствовали с убожеством «серой лошади» (здание администрации), общежития для экскурсоводов в Жарниково. Бытовых проблем было множество — отсутствие продуктов в деревенском магазине, жуткие туалеты, очередность на посещение бани. Но все они как-то отходили на второй план вследствие молодости и желания работать с публикой. Потрясли своей красотой сотрудницы музея — молодые, очаровательные, интеллигентные. Тогда, в начале 80 гг., в музее работали очень хорошие методисты, которых я до сих пор вспоминаю с теплотой — Е. И. Яскеляйнен, В. А. Солонен, М. Ф. Куликова. Работа с туристами очень многое дала: поставила голос, научила выступать перед десятками людей и в дождь, и в жару, и на пронизывающем ветру. Все это было важно для 20-летнего студента, да и потом пригодилось в преподавательской работе. Прошло более 30 лет, а я иногда вспоминаю свою первую группу, до сих пор жаль этих туристов. Первый блин был, что называется, комом. Туристы попадались разные; сильно отличались друг от друга московские и ленинградские группы. Шумные, говорливые, практичные москвичи и интеллигентные, спокойные, заинтересованные ленинградцы. Утренние теплоходы отличались публикой с перегаром, особо это чувствовалось в интерьерах памятников. В первые годы работы случались различного рода ляпы: то фразу построишь неправильно, то что-нибудь от себя добавишь, то факт перевернешь, слово исковеркаешь. М. Ф. Куликова вела тетрадь с записями таких «шедевров», иногда зачитывала, все смеялись и брали себе на заметку — как не стоит говорить. Экскурсий

¹ Суворов Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент ПетрГУ. В 1984 — 1987 гг. работал в музее «Кижки».

я водил много, как правило, по четыре в день. По этому поводу С. В. Воробьева даже хихикала и исполняла в мой адрес песенку: «Пони бегают по кругу, пони мальчиков и девочек везет», как-то так.

После окончания университета и службы в армии я поступил работать в музей, сначала был младшим научным сотрудником, потом ученым секретарем; одно лето замещал заведующего методическим сектором и сам учил молодежь искусству экскурсовода. В музее я проработал три года, за это время обрел много друзей и знакомых, с некоторыми поддерживаю отношения до сих пор, многих уже нет в живых.

Последний раз в Кижях был в 1997 г., уже будучи преподавателем ПетрГУ. Решил тогда поработать экскурсоводом, но не получилось. Бывшие коллеги встретили холодно, расписание экскурсий было составлено на месяц вперед, и я в него не вписывался, жить было негде. Уехал через неделю, и с тех пор на остров не тянет, хотя вспоминаю его часто.

Получилось как-то не очень складно, но, может, кому-нибудь эти мои воспоминания и покажутся интересными.

2015 г.

НАТАЛЬЯ МЕЛЬНИКОВА¹

ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАШ ЭКСКУРСОВОД

«Большое спасибо экскурсоводу!

*Как хорошо, что есть молодые люди, так хорошо
знающие историю и культуру нашей страны!»*

(Из книги отзывов посетителей музея-заповедника «Киж»)»

В 2016 г. Государственный музей-заповедник «Киж» отмечает свое 50-летие. Несмотря на не столь долгую историю, музеем достигнуты определенные успехи. Целый ряд музейных программ в течение многих лет является востребованным, пользуется вниманием, популярностью и искренней любовью посетителей музея, жителей Карелии. Особую роль и значение в жизни музея все годы его существования играли курсы подготовки экскурсоводов. Курсы являются самой первой образовательной программой музея, самой долгой и, пожалуй, самой успешной. В музейном архиве есть документы, свидетельствующие, что первый набор слушателей на курсы экскурсоводов был осуществлен в 1967 г., на второй год существования музея. На мой взгляд, курсы — образовательный проект с большим педагогическим эффектом. Для профессионального и личностного становления сотен молодых (и не только молодых) людей курсы стали настоящей школой мастерства, общения, подлинного патриотизма.

В феврале 1984 г., будучи студенткой 3-го курса историко-филологического факультета Петрозаводского университета, я стала слушателем курсов подготовки экскурсоводов. На курсы я пришла вместе с однокурсницами Викторией Григорьевой и Ириной Ивановой. Как оказалось, этот шаг сыграл исключительно важную роль в моей жизни: Киж стали для меня судьбой, сыграли огромную роль в профессиональном становлении и в личной жизни.

Занятия проходили в университете, где существовала такая форма дополнительного образования, как факультет общественных профессий, в рамках которого музей и организовывал эти курсы. Занимались так же как и сейчас: два раза в неделю, в вечернее время, как правило, по три лекции. Лекторами выступали сотрудники му-

¹ Мельникова Наталья Михайловна, ученый секретарь музея «Киж». В 1984 — 1989 гг. — внештатный экскурсовод.

зая «Кижы» и преподаватели университета. Учиться было интересно. Лекционный цикл был очень содержательным, разнообразным по тематике: история, архитектура, иконопись, народные традиции. Лекторы были хорошо подготовлены: свободно владели материалом, просто и ясно излагали его. Для лекций университетских преподавателей были характерны академичность, масштабность. Лекциям сотрудников музея были присущи конкретность, восторженность и увлеченность Кижями. Среди университетских историков и филологов курсы пользовались популярностью, аудитории всегда были полны слушателей. Занимались мы весь февраль, март, апрель. В начале мая сдавали экзамены, по результатам которых музей набирал студентов на работу.

Экзамены я сдала успешно и на два месяца, июль и август, подписала с музеем договор на работу экскурсоводом. На остров я приехала со своими однокурсницами Викторией Григорьевой, Ириной Ивановой и Еленой Зубениной. Наши контракты с музеем вступали в силу с 1 июля. На остров мы приехали 30 июня рейсовой «кометой», которая прибывала в Кижы в 19.30. Хорошо помню тихий летний вечер. Очарование острова. Предчувствие чего-то нового в нашей жизни. На причале нас встретил Геннадий Юрьевич Бурканов. Как мы потом узнали, он был заведующим отделом реставрации памятников, а в этот день являлся ответственным дежурным по музею. Встретил он нас очень дружелюбно, сразу расположил к себе. Он же на катере привез нас в деревню Жарниково, где жили сотрудники музея. Демократичность и доброжелательность были присущи большинству музейных сотрудников, которые общались с экскурсоводами, принимали участие в работе с ними. Вспоминаю атмосферу открытости, творчества, дружеского участия, царившую в музее в то время. В этой чудесной атмосфере я работала внештатным экскурсоводом все шесть лет, с 1984 по 1989 г.

Экскурсоводы жили в деревне Жарниково (там было общежитие, от которого сейчас сохранились остатки фундамента), а также в деревне Ямка на острове Кижы, в доме-памятнике Мошниковой. Общежитие экскурсоводов располагается в этом доме до сих пор.

Дом музею подарила его владелица Анна Васильевна Мошникова, которая в 1980 г. работала смотрителем в доме Ошевнева. Очень маленького росточка, бойкая и острая на язык Анна Васильевна была «грозой экскурсоводов», позволяла себе прямо при туристах высказывать свое мнение о наших экскурсиях. Не дай бог экскурсоводу допустить ошибку, «бабка Мошка» могла тут же прервать рассказ — нечего, мол, ерунду говорить. Но даже если у кого и случались такие

эксцессы с А. В. Мошниковой, зла на нее не держали, воспринимали как науку, искренне считали, что ей это можно. В праздничные дни А. В. Мошникова надевала народный костюм и садилась за ткацкий стан в доме Ошевнева, преображаясь за работой так, что вызывала восторг и восхищение туристов. Помню, один раз зайдя в дом Ошевнева с группой, в сенях на втором этаже увидела обнимающихся А.В. Мошникову и Татьяну Владленовну Никулину, моего университетского преподавателя (она в свое время также работала в музее экскурсоводом). И слышу, как Анна Васильевна говорит: «Вот, тоже хороший экскурсовод, такой же хороший, как ты, Татьяна, была...». Для меня было счастьем такое услышать.

Первый месяц я жила в Жарниково, а затем перебралась на остров. И там, и там были свои плюсы и свои минусы, свой шарм. Большинство экскурсоводов предпочитали остров: здесь можно увидеть потрясающей красоты закаты и восходы, гулять по всему острову, жить в старинном деревенском доме. Недостаток жизни в Жарниково — большая зависимость от транспорта, а достоинство — особая атмосфера музейной деревни, музейного братства, молодого веселья.

Завтракали и ужинали экскурсоводы в общежитии, готовили сами. А обедали в плавучем ресторане «Кижы», который тогда ничем не отличался от других ресторанов Петрозаводска — вкусная, профессионально приготовленная еда, белые скатерти, официанты, нормальный городской санузел (сейчас на Кижях такой туалет имеется только в доме специалиста на Гоголевском острове). На зиму ресторан отбуксировали в Петрозаводск, где он продолжал работать. Судя по всему, у ресторана была хорошая репутация. Например, там всегда обедали иностранные группы, приезжавшие в музей по линии «Интуриста». На острове работал киоск, где продавалась приготовленная в ресторане выпечка. Что касается сотрудников музея, то для них в ресторане готовились комплексные обеды, которые стоили 1 рубль. К слову сказать, проезд на остров на рейсовой «комете» стоил тогда 3 рубля 20 копеек, на экскурсионной «комете» чуть дороже — 3 рубля 50 копеек. Стоимость одного часа экскурсии начинающего экскурсовода составляла 98 копеек.

Работали мы без фиксированных выходных, проводили, как правило, по две экскурсии в день (хотя очень часто приходилось проводить и по 3-4 экскурсии). График прихода теплоходов был такой же, как и сейчас: утром — в 8-9 часов и вечером — в 16 часов. Обычно приходило по 1-2 теплохода, не припоминаю, чтобы тогда к причалу одновременно швартовались по 4-6 теплоходов, как это стало нор-

мой в последние годы. Зато «кометы» шли непрерывно: начиная с 9.15 и далее до обеда через каждые 15-30 минут, иногда бывали и «вечерние» «кометы» (15.45 и 16.45).

У экскурсоводов было принято посещать экскурсии методистов, научных сотрудников или своих более опытных коллег. В летнее время было много лекций, занятий. Мы много читали. На острове в то время была полноценная библиотека. Собирали книги с кижской тематикой. Помню, когда в 1986 г. вышел альбом Вадима Гиппенрейтера «Кижь», который многие сотрудники музея до сих пор считают одним из самых стильных кижских фотоальбомов, на острове он продавался «по списку» штатным сотрудникам и немногим «заслуженным» экскурсоводам. Было очень приятно приобрести это издание в личную библиотеку.

В общезнании много обсуждали экскурсии, замечания методистов, спорили. Много гуляли по острову, старались посмотреть округу. Обязательным было посещение часовни в Подъельниках (в то время учебные поездки туда не организовывались). Из Жарниково в Подъельники ходили пешком (8 км) или плавали на лодке.

Сами топили баню: кто-то брал выходной и топил для всех. В сенокосную страду помогали убирать сено в основной экспозиции. На сенокосе работали и хозяйственная служба, и методисты, и экскурсоводы.

Очень любили музейные праздники: первое воскресенье июля — фольклорный, первое воскресенье августа — праздник ремесел. В эти дни остров преображался. Становился еще более многолюдным от участников фольклорных коллективов, ремесленников. К кижскому разнотравью добавлялось разноцветье стилизованных под «народные» костюмов, этнических мотивов в женских нарядах. Экскурсоводы за честь воспринимали просьбу методистов поработать кураторами фольклорных ансамблей — гостей праздника. Денег за это, естественно, никто не получал. Существовала традиция во время музейных праздников на экскурсию надевать сарафан. Нам это нравилось, хотя носили мы его в то время неправильно — не подпоясываясь, что, конечно, являлось грубой ошибкой. Туристам нравилось, если экскурсовод был в сарафане, некоторые даже огорчались, если он был одет в обычную одежду.

На экскурсию меня «выпускала» Марина Федоровна Куликова, методист отдела научной пропаганды. Яркий и интересный человек, чуткий педагог, точно подмечавший достоинства и недостатки экскурсии, методист, умевший дать грамотную рекомендацию, дельный совет. Мои первые экскурсии — это подражание экскурсиям Бориса

Александровича и Виолы Анатольевны Гуциных, которые в 1980-е годы были, пожалуй, самыми сильными экскурсоводами музея. Они не просто много знали о Кижях, но отличались большим артистизмом, умением общаться с людьми. На начинающих экскурсоводов производили впечатление эмоциональность и восторженность В. А. Гущиной, эрудиция и свободное владение материалом Б. А. Гущина, его умение показать причинно-следственную связь событий и фактов, соотнести локальный материал и общерусский. Я очень благодарна М. Ф. Куликовой за совет не копировать стиль и манеру других экскурсоводов, а делать свою экскурсию, беря в пример лучшие черты их экскурсий.

Очень сильное впечатление производили занятия, посвященные иконописи, проводимые реставратором музея Ириной Михайловной Гурвич. Мы жили в атеистической стране. Об истории религии студенты-историки узнавали из курса лекций, который назывался «научный атеизм». И в тоже время главными памятниками музея были храмы. И на остров тысячи людей со всей огромной страны — Советского Союза, ехали прежде всего из-за знаменитых кижских церквей. Тема икон, религии было очень интересна нам, на экскурсиях мы очень хотели рассказывать об иконах. Да и туристы очень часто, даже в первую очередь, интересовались сюжетом иконы, особенностями кижских икон. И вот здесь возникало явное противоречие. Увлечение библейскими сюжетами не поощрялось, методика проведения экскурсий рекомендовала делать акцент на исторические сведения, искусствоведческий анализ. Поэтому занятия И. М. Гурвич вызывали неизменный интерес. Лекции И. М. Гурвич ценили за глубину знаний иконописных сюжетов и образов, общую эрудицию, интеллигентность, за стремление избегать упрощения сложных вопросов. Тихий голос и некоторые особенности дикции зачастую служат серьезным препятствием для восприятия лекционного материала. В случае с Ириной Михайловной это только усиливало нашу сосредоточенность и внимание. Думаю, что именно И. М. Гурвич стала для очень многих штатных и внештатных сотрудников музея примером профессионала высочайшего уровня. Сожалею, что в 1990 г. И. М. Гурвич вынуждена была уйти из музея, уехать из страны. Помню её горестные слова накануне отъезда в Ново-Валаамский монастырь в Финляндию о том, что никогда ей уже не придется работать с иконами уровня, сопоставимого с уровнем икон из Преображенской церкви.

Зимой-весной 1985 г. я посещала курсы повышения квалификации, которые музеем организовывал для экскурсоводов, уже имевших опыт работы на острове. Этот лекционный цикл произвел на меня сильное впечатление. Некоторые темы отличались большой оригинальностью. Помню совершенно блистательную лекцию, посвященную современной японской архитектуре, прочитанную Вячеславом Петровичем Орфинским. Запомнились семинарские занятия, посвященные религиозной тематике, роли церкви в современном мире университетского преподавателя Виктора Николаевича Семеновкера. Восхищала исключительная эрудиция лектора, умение раскрыть тему, четкость, ясность изложения фактического материала. Его лекции произвели большее впечатление и были более интересны, чем лекции по схожей тематике в университете.

На протяжении всей своей достаточно долгой жизни в музее с чувством глубокого уважения и искренней признательности вспоминаю сотрудников отдела научной пропаганды (как тогда назывался экскурсионный отдел), работавшими с внештатными экскурсоводами в 1984 — 1989 гг.: Берту Константиновну Эртте, заведующую отделом, сотрудников отдела Марину Федоровну Куликову, Веру Альбертовну Солонен, Елену Ивановну Бёрнинен. И поныне в музее работает Галина Александровна Михайловская. С теплыми чувствами вспоминаю своих коллег — внештатных экскурсоводов Марину Каневу, Татьяну Абакумову, Людмилу Фабричнову, Марину Долгушину. Все они были из Петрозаводской (тогда еще филиала Ленинградской) консерватории и вели интересные, какие-то поэтично-музыкальные экскурсии, со своим шармом. Среди экскурсоводов — молодых людей выделялся эрудицией, общительностью, юмором Максим Михайловский. Кстати, принятое в Кижях обращение «барышни» я впервые услышала именно от него. Думаю, именно Максим ввел его в обиход, обращаясь так к девушкам-экскурсоводам.

В среде внештатных экскурсоводов были свои «авторитеты». Например, Регина Калашникова, чья фотография («Кижский экскурсовод») была опубликована в главной газете страны — «Правде». Или Наталья Вербовская, которую после великолепно проведенной экскурсии приехали сватать из далекой Югославии (она так понравилась одной туристке, что та присмотрела ее в жены своему брату). Регина и Наташа — умницы, красавицы, какие-то светлые в жизни, в них действительно все было прекрасно. Впоследствии обе связали свою судьбу с Кижями. Регина Борисовна много сделала для музея:

фольклорный музейный коллектив, Рябининские чтения, часовенные праздники, научные и просветительские темы, посвященные народной культуре и кижским священникам — это ее инициативы и труды, завещанные коллегам. Наталья Васильевна работала заведующей выставочным залом, занималась подготовкой экскурсоводов на итальянском языке. А судьбу свою все-таки нашла не в России, а за границей — в Италии, где живет сейчас с семьей.

В 2014 г., выступая перед студенческой аудиторией, доктор исторических наук, профессор Петрозаводского университета А. М. Пашков, долгие годы читавший лекции по истории Карелии на курсах экскурсоводов, выразил сожаление, что в студенческие годы эти курсы прошли мимо него и он не работал экскурсоводом в Кижях. Он высказал мысль, что для студента-гуманитария такая работа является лучшим университетом. Прекрасная и верная мысль. В 1980-е, мои студенческие годы, для студентов-историков и филологов работать летом в Кижях экскурсоводом было не только престижно и модно, но и важно для личностного и профессионального формирования. Спасибо за это курсам и музею!

2015 г.

ЮРИЙ ГОРБАНЬ¹

РОБОТ В КИЖАХ

**Техническое совещание по пожарной безопасности
на Кижском погосте. Фото начала 1980 гг.**

По линии матери мои родственники из Заонежья, Горожанкины, из бывшей деревни Обельщина близ Сенной Губы. Еще подростком я часто приезжал к заонежским родственникам в Подъельники. Сейчас там сохранилась только часовенка, трогательно приютившаяся под старыми елями — украшение Кижского ожерелья, почитаемое туристами. А тогда в Подъельниках была целая деревня, и на берегу Онега выделялся большой 2-этажный дом Киселевых, в котором летом собиралась вся родня с детворой, выбравшаяся из тесных коммунальных квартир. Помню деда Михея, хозяина дома с бородой волхва и неизменным посохом. Известный художник Коненков, путешествуя по окрестным местам, останавливался в доме Киселевых и оставил на память портрет деда Михея в графике. В 50-е годы еще курсировали колесные грузопассажирские пароходы «Урицкий» и «Володарский», с широкими палубами, высокими трубами; паровые машины в трюмах сверкали медью и важно пыхтели паром. Парохо-

¹ Горбань Юрий Иванович, полковник Управления государственной пожарной охраны МВД РК, один из авторов проекта пожарозащиты памятников Кижского погоста.

ды подходили к старому причалу, очень близко к погосту — и на таком расстоянии Кижский собор поражал своей величественностью, божественно проникая в самую душу. Тут же на поле у погоста негусто росла северная рожь вперемешку с васильками. Тогда, несмотря на пережитую войну, в Заонежье еще теплилась жизнь, о чем свидетельствовала флотилия маломерных судов и лодок-кижанок, встречающих пароход. 20-й век, как чудовищный каток, прокатился по этим землям, подминая под собой целый мир, созданный поколениями. Только реставраторы — и это их подвиг, смогли сохранить для потомков сказочно прекрасное наследие наших предков.

Позднее, а точнее с 1977 г., когда на Кижском погосте уже шли реставрационные работы, мне, ставшему специалистом пожарной автоматики, приходилось не раз бывать на острове по вопросам защиты памятников деревянного зодчества. Запомнилась фраза, вырезанная кем-то, возможно, из реставраторов, прямо на деревянной стене в здании дирекции музея: «Где кто родился, тут тому и Иерусалим». Действительно, и Кижский архитектурный ансамбль, и сам остров, с детства мною почитаемые, стали для меня святыми и судьбоносными.

Деревянные церкви нередко загорались от ударов молний. От человеческой небрежности в 1963 г. сгорела двадцатипятиглавая Покровская церковь в Анхимово, близкая по архитектурной форме к Преображенской церкви в Кижях. После такой утраты смириться с беззащитностью памятников деревянного зодчества было невозможно. Защита всемирно известного архитектурного ансамбля Кижского погоста стала государственной задачей. Этой проблемой в 70-е гг. занимался Всероссийский институт противопожарной обороны (ВНИИПО) МВД России, который смог предложить только традиционные спринклерные оросители, устанавливаемые на наружной поверхности главков в прорезанные отверстия, что и составило основу утвержденного проекта защиты. Категорически против этого проекта выступили реставраторы страны. Изрезанные спринклерами купола, километры железных труб с бесчисленным количеством соединений внутри церкви совершенно не соответствовали принципам, заложенным в строительстве этого деревянного храма, построенного без единого гвоздя и не приемлющего железа. Мнение было одно — нужна другая защита, а от этой защиты памятник погибнет значительно раньше, чем от других своих бед.

Николаем Поповым, работавшим тогда в ГПИ «Спецавтоматика», было предложено для наружного пожаротушения установить

по периметру Кижского погоста дистанционно управляемые лафетные стволы. Помню обсуждение этой идеи в кафе «Заречное». «Это абсолютно безнадежное дело, — сказал тогда Валерий Деревенец, зам. директора музея «Кижжи». — Ведь проект уже утвержден на всех уровнях, а такой техники с дистанционным управлением нет. Такую технику можно создать, мы уже внедряем промышленные роботы, которые имеют даже программное управление», — поддержал я идею, работая в это время начальником лаборатории автоматизации института тракторного производства. Был произнесен популярный тогда тост, как никогда подходящий к данному случаю: «Так давайте выпьем за успех нашего абсолютно безнадежного дела». И этот суеверный шутливо-иронический тост-пожелание (чтобы не сглазить), как талисман, многократно произнесенный в дальнейшем, сопровождал всю эту долгую, с пестрыми событиями, ненадуманную историю.

Позднее в подтверждение правильности принятого решения оказалось, что и в Норвегии для защиты кирх, и в Японии для защиты пагод лафетные стволы используются, но без дистанционного управления. Патентный поиск показал, что лафетные стволы с дистанционным управлением есть, но только на бумаге и, судя по чертежу конструкции, такие стволы реально никогда не собирались. Есть стволы с гидравлическим управлением, но они громоздки и весят тонну. Для них требовалось наличие масляной гидростанции. Управление осуществлялось золотниками, как в паровой тяге. Все это заставило вести совершенно новую разработку, которая проводилась в институте тракторного производства. Крутили, вертели и все равно пришли к танковой башне. Ведь у нас все было военизировано, и даже макароны имели калибр 7,62. Как обещалось, оснастили лафетный ствол программным управлением, в планах было установить телеглаз. Провели гидравлические, огневые и климатические испытания в зимнее время. В результате проведенных работ был создан пожарный робот. Он соответствовал промышленным роботам по ГОСТ 25686-85 как автоматическое устройство, на 2 степени подвижности, манипулирующее рабочим органом — стволом, имеющим программное управление.

Разместили пожарный робот на Кижском погосте в наиболее пожароопасном месте. Участники Всесоюзного совещания ведущих организаций страны по пожарной безопасности одобрили принятые решения.

18 июня 1984 г. первый пожарный робот заступил на постоянное дежурство по защите памятников деревянного зодчества на о.Кижжи, о чем было сообщение ТАСС («Робот в Кижжах», газета

«Правда», 19.06.1984 г.). Об этом тогда писалось в журналах «Советский Союз», № 12, 1984 г., «Наука в СССР», № 2, 1985 г. и др. изданиях

Первый пожарный робот стал началом нового направления в пожарной науке и технике — пожарной робототехнике, которая получила признание специалистов пожарного дела и с этих пор стала успешно развиваться.

Два года стоял первый пожарный робот на боевом посту в Кижях — на «горячем пятачке», в центре между иссушенными веками деревянными исполинами: Преображенской и Покровской церквями и колокольней — там, где нельзя быть человеку, когда бушует огненная стихия.

Менялись пожарные смены, а он днем и ночью, летом и зимой нес свою службу, а служить ему надо было 10 лет. Ему часто давали вводные по тушению пожара. Поэт Евгений Евтушенко в стихотворении о Кижях, жалея памятник, беспокоился, что его:

*... роботы захлещут,
шланги взяв наперевес.
С автоматикой — хаос
несуветный начался.
Раньше церковь рассыхалась.
Размокает нынче вся.*

Но не пришлось пожарному роботу служить 10 лет. Ему была уготована иная, героическая судьба. Авария в Чернобыле заставила срочно разрабатывать роботы для экстремальных сред — там, где нельзя быть человеку. По телеграмме министра внутренних дел СССР А. Власова первый пожарный робот был демонтирован с Кижского погоста, погружен в вертолет и срочно отправлен в Москву в институт Минсредмаша. Вместе с ним были вызваны разработчики Николай Попов, Юрий Горбань и наладчик Евгений Заваренский. В институте Минсредмаша экстренно, по законам военного времени, готовилась техника для ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Перед специалистами из Петрозаводска была поставлена задача в короткие сроки создать устройства на базе пожарного робота для удаления радиоактивных отходов с кровли сооружений Чернобыльской АЭС с использованием гидромеханического воздействия струи. К технике предъявлялись особые условия — это высоконадежная работа под высоким давлением и при высокой радиации. Итогом работ стало создание целой боевой группы пожарных роботов-гидромониторов, готовой к выполнению поставленных задач.

Их поставили с помощью вертолетов на наиболее сложные участки в районе трубной площадки Чернобыльской АЭС, серьезно пострадавшие от взрыва. Управление ими осуществлялось дистанционно операторами по телевизионному экрану из безопасного места. Пожарные роботы заменили человека в угрожающе опасных местах и сделали за него большую работу, сберегая здоровье и жизни многих людей.

Первая пожарная команда роботов была захоронена в черномыльском саркофаге. Но остались в конструкторской документации их «коды», по которым можно воспроизводить и далее совершенствовать этих появившихся на свет и уже проявивших себя новых созданий: пожарных роботов — «железных огнеборцев».

Работы по совершенствованию пожарного робота продолжались. Он уже приобрел техническое зрение для обнаружения загораний на базе телевизионной камеры, был одобрен специалистами пожарного дела как возможная замена пожарных на опасных для человека участках и удостоен золотой медали ВДНХ в 1987 г.

Крупномасштабная катастрофа на Чернобыльской АЭС и вытекающие из нее последствия вызвали большой резонанс во всем мире. Были созданы устройства, позволяющие с меньшим риском работать в экстремальной зоне. Но все это только для одного объекта, на который смотрит весь мир. А как быть с пожарной безопасностью на других подобных объектах? Эта проблема была поднята в статье «Кого послать в огонь», Ю. Горбань, газета «Правда», 09.03.88 г. По материалам этой статьи была встреча в «Минатомэнерго», после которой, по сути, начался новый этап работ в создании пожарных роботов для машинных залов АЭС, утвержденный Председателем Бюро Совета Министров СССР по топливно-энергетическому комплексу 02.04.88 г. Уже в 1989 г. первая партия пожарных роботов, изготовленных Лабораторией пожарной робототехники, была отправлена на Ленинградскую АЭС. Разрабатывались также проекты защиты с применением пожарных роботов на других АЭС. Наступили 90-е гг., и эти работы были остановлены.

Но работа в Кижях не прекращалась. Был разработан проект комплексной противопожарной защиты Кижского погоста. Совершенствовалась конструкция пожарного робота, который приобрел уже тогда современные черты и был одобрен для установки в Кижях. Работы по проекту, как было принято в 90-е гг., выиграла фирма из Москвы, непосредственную же реализацию проекта осуществлял наш «Инженерный центр пожарной робототехники «ЭФЭР». Вспоминается эпизод. Шел 1997 г. Порвали подводный

кабель электроснабжения острова, как раз когда шли работы по сварке пожарного трубопровода по периметру погоста. Работать приходилось в ночное время по резервному питанию от танковых аккумуляторов. Даже во время ночной грозы работы не прекращались. От разряда молнии на одном из концов кабеля образовалась воронка. Все это сопровождалось русской ядерной речью. Присутствующий при этом отец Николай (Озолин) окрестил нас, и на следующий день угостил всех участников этого ночного действия пивом. Работы были закончены, но разразился дефолт, и меня срочно отправили в Москву, чтобы успеть получить то, что осталось от падающего рубля. Все это уже позади. Несмотря на все перипетии, нам удалось создать комплекс для защиты Кижей, который постепенно был укомплектован до проектных параметров и вот уже около 20 лет стоит на защите памятников деревянного зодчества. 18 июня 2014 г. отмечалось 30-летие пожарной робототехники именно с даты создания первого пожарного робота в Кижях. В настоящее время в Петрозаводске работает завод пожарных роботов, который выпускает эту продукцию в возрастающем количестве для всей страны и за рубеж.

2015 г.

НИКОЛАЙ ПОПОВ¹

НА ПОДСТУПАХ К КИЖАМ

Преображенская церковь на о. Кижы — великий памятник. Я впервые его увидел в свои 33 г. (1978 г.), причем прибыл на остров как один из проектных подрядчиков музея. Особенно меня потрясло внутреннее пространство церкви, особенно выше «неба», куда по делам служебным мне удалось попасть. Потряс огромный внутренний объем деревянного сооружения, особенно то, что это было создано человеческими руками. Оригинальным был способ попадания за «небо»: в алтаре стоял стол, со стола лестница в лаз в потолке и так далее. Запомнилось, что на этом столе стояла пластмассовая баночка, до краёв наполненная окурками (хапчиками) — вот был уровень отношения! В церкви в то время работали монтажники фирмы по пожарной сигнализации.

Долго оставалось, да и до сих пор во мне, это первое впечатление. Тогда и в голову мне не могло придти, что эту громадину именно мне и придется развернуть через многие годы. Воистину, пути Господни неисповедимы; не знаем мы, куда он нас направит. Всевышнему виднее, как расставить силы в подвластной ему вотчине.

Конечно же, все последующие годы меня интересовала и волновала судьба этого гениального строения. Наблюдал, как мне казалось, какую-то мышиную возню вокруг спасения этого шедевра. А то, что его надо было спасти, — это было очевидно и тогда!

Где бы я ни был, в каком качестве и месте ни работал, я постоянно отслеживал ситуацию, сам пробовал найти какие-то разумные реставрационные решения, но сознаюсь, что чего-то умного ничего не находил в те годы. Говоря о мышинной возне, вспоминаю мировой симпозиум 1988 г. по сохранению и реставрации Преображенской церкви. Съехались со всего мира более 100 специалистов из более 20 стран. Пригласили и меня (тогда я работал на о. Валаам), как специалиста по инженерным сетям и спец. автоматическим системам. Я был потрясен масштабностью этого совещания, его размахом и материальными затратами на проведение этого форума. В очередной, третий раз я был потрясен, увидев выводы – заключения по сохранению шедевра на одной страничке формата А4 без всякой конкретики... И снова пошли годы...

¹ Попов Николай Леонидович, начальник Плотницкого центра музея-заповедника «Кижы»; с 2002 по 2013 гг. зам. директора музея «Кижы» по реставрации памятников, руководитель реставрационных работ на погосте.

Уже 90-е гг. XX в... А церковь так и стояла у меня в глазах (я прибыл в Кижы на работу в 1997 г.), было такое впечатление, что она безмолвно и безропотно вопрошает проходящих, прибывающих, собирающихся на бесконечные симпозиумы и конференции: «Так когда же?» И было мне, честно говоря, неудобно смотреть в ее сторону, так как я тоже отметился, побывав участником этого форума.

Возвращаясь в памяти к событиям тех лет, вспоминаю организованный шквал нападок тогда еще в советской прессе на честных, порядочных, талантливых людей, которые впервые занялись не трепом, а искренне желая помочь церкви, прошли сложный, тернистый путь и внедрили в конструкцию церкви металлический каркас, который спас церковь от разрушения (Н. Смирнов и Б. Зайцев). Это было действительно практически нужное дело, как показало будущее.

Уверяю, что ни один из «доброжелателей», кричащих из кустов «Не пущать!», «Неззя!», даже краем глаза не посмотрел на суть проекта, не пытаясь вникнуть в существо вопроса, предлагаемого настоящими русскими мужиками. Жаль, что эти люди сломались, но трудно было выстоять против толпы, даже с учёными званиями отдельных ее представителей.

Опять 30 лет никаких практических действий. Соответственно, продолжилось дальнейшее разрушение и загнивание сруба. Необъяснимо, почему в нашей стране нет ответственности (судебной) за действия такого характера, которые могут привести к исчезновению такого памятника. Особенно хорошо «помогает», когда можно кивнуть на «возмущенную» общественность, но это, я считаю, нечестная борьба.

И опять пошли бесчисленные конференции и симпозиумы, на которых обладатели просиженных штанов с академическими и научными званиями с высших трибун вопрошали в пространство залов, заполненных в основном чиновниками, журналистами, около-реставрационным людом: «Доколе можно смотреть, как гибнет деревянное зодчество?», взывая к первым лицам государства, ожидая, видимо, что эти первые лица возьмут топоры и лично возглавят спасение погибающего наследия.

Потрясающе!

Один автор в интернете точно заметил: «Строили и запускали космические корабли, а с деревянной церковью справиться не могли...»

Так и было, однако, слава Богу, кончилось! Кончились и мои откровения.

Но вернёмся в 1981 г... Велись активные работы по подготовке к реставрации Преображенской церкви: «Промбуммонтаж» возводит внутри церкви стальной каркас, активно разрабатывается проектная документация на реставрацию церкви (Московская «Спецпроектреставрация» и упоминаемые руководители работ Н. И. Смирнов и Б. П. Зайцев). Выясняется, что ранее разработанный технический проект пожаротушения (1971 г. Всесоюзный НИИ пожаротушения (ВНИИП), Иванов Е. Н.) явно не устраивает ни заказчика, ни реставраторов из-за невозможности его воплощения! Это прокладка огромного количества труб внутри церкви (в том числе и глав, на верхних сторонах которых планировались отверстия с водяными оросителями (а как в период снеготаяния и обледенения?) для наружного пожаротушения церкви. Из-за этой системы вся церковь, как кокон, обматывалась термочувствительными кабелями для получения сигнала о возгорании. Вопросы содержания и обслуживания этих систем были вообще упущены.

Поднялся шум вплоть до союзных (СССРовских) министров и начальников главков (в частности, Минкультуры СССР). Начался поиск выхода из создавшейся ситуации, которая грозила остановкой всего проекта. В эти годы я трудился на должности главного инженера проектов (ГИП) в Петрозаводском филиале Ленинградского государственного проектного института (ГПИ) «Спецавтоматика», который входил во всесоюзное объединение «Союзспецавтоматика», которое, если далее продолжить, было частью Минприбора СССР, министр которого К. Н. Руднев тогда дал команду разобраться. Никто не знал тогда, что делать.

У меня к тому времени были наиинтереснейшие объекты. Это военные объекты в Северном Ледовитом океане, объекты космодрома в г. Плесецке, олимпийские объекты в городе Таллине, в частности церковь Негулисте в самом центре города, судьба которой была крайне необычна. Но это история для другого рассказа.

И вот распоряжение Руднева К. Н. по Преображенской церкви докатывается до меня, то есть нашли крайнего, мол, решай, ты любишь рыпаться — вот тебе и задачка. Но я не огорчился такому повороту событий, тем более у меня давно уже была идея совершенно необычная по тем временам. А так как никто больше ничего предложить не мог, эта идея вдруг начала продвигаться. Идея отличалась от всех известных тем, что все автоматическое пожаротушение (сама система) выводится изнутри объекта, строения, что было классикой, идеологией всех старых систем, и устраивается снаружи объекта на улице, что давало ряд значительных преимуществ. Всё это было обосновано и рассказано в проекте 1981 г.

«Технико-экономическое обоснование. Установка изолирования». Проект Петрозаводского отдела Лен ГПИ «Спецавтоматика» 32.в.81.123, дело № 4233, дог. 123 от 30.04.1981 г. Этим проектом в качестве ГИПа руководила.

Краткая суть дела: на погосте вокруг памятников внутри ограды устанавливаются пожарные стволы с дистанционным управлением (такого в России еще не было), которые при обнаружении загорания управляются по телекамерам за 2 км либо из-за ограды погоста с помощью пультов на удлиняющем кабеле либо, если пожарный попадает на погост в период горения, он работает на выбранном стволе вручную.

Как видим, все ловко на бумаге (но нарвались на овраги). Овраги в данном случае — это отсутствие стволов с дистанционным управлением, то есть управляемых по проводам на любом расстоянии «вверх — вниз», «вправо — влево». Слава богу, телевизионные системы наблюдения созданы были давно.

Пытались мы заказать в разработку ствол — но это оказалось невозможным в нашей стране (даже Рудневу). И вдруг судьба повернулась к нам лицом.

В Петрозаводске оказался такой институт на базе ОТЗ: Петрозаводский технологический институт тракторного производства, в котором был отдел автоматизации и который пытался создавать технологические манипуляторы, в какой-то степени и роботы. Модное тогда было направление. В 1982-83 гг. нам с Минкультуры (Б. С. Марков) удалось разместить заказ на создание 1-го опытного образца пожарного дистанционно-управляемого ствола (дуло) для Кижского погоста.

Над электрической и электронной системой управления работал бывший работник Петрозаводского отдела ГПИ «Спецавтоматика» Горбань Юрий Иванович, над механической исполнительской частью работала уже другая группа конструкторов. В целом в 1984 г. к поздней осени был создан первый в стране управляемый дистанционно-пожарный лафетный ствол, общим руководством по созданию которого занимался я, Попов Н. Л., перейдя на работу в институт, конечно же, для воплощения в металле своей идеи.

В 1984 г. летом опытный образец дула был установлен в центре Кижского погоста, опробован для целей пожаротушения в режимах, описанных выше, и принят союзной комиссией, которая это увидела, была потрясена и рекомендовала обязательно продолжить эти работы.

Институт продолжил работы по усовершенствованию этого ствола и переходил уже к роботу, то есть к автоматизированной машине. Этому способствовало изобретение (Попов и Горбань) технического зрения на базе существующих телевизионных установок для обнаружения возгорания на любых объектах как снаружи, так и внутри. Создатели получили авторское свидетельство на своё изобретение и создали робот, который в 1987 г. получил золотую медаль ВДНХ СССР.

Далее институтом разрабатывался и комплекс пожаротушения для всего погоста на базе 14 стволов. Работы проходили очень трудно, т. к. это направление было непрофильным для института, и где-то телега пошла впереди лошади. Сначала надо было строить насосную подачи воды, а не изготавливать 14 роботов (1988-1989 гг.). Я, к сожалению, вынужден был уехать в 1987 г. из Петрозаводска на Валаам (по семейным обстоятельствам), поэтому руководить не смог.

1986 г... Отдельно останавливаюсь на событиях этого года случившихся в Чернобыле.

По команде союзных министров в начале июня 1986 г. с этот ДУЛС², который был опытным и стоял на погосте с 1984 г. и был единственным в стране, был демонтирован для участия в ликвидации последствий аварии. Именно ему было предназначено срывать мягкие гидронные кровли с впаявшимися в них осколками трубок с радиоактивными элементами из реактора, которые при взрыве поднялись на 1,5 км, а потом упали обратно на кровли блока №4. Температура их доходила до 3000 градусов. Огромным давлением воды до 30 атмосфер кровли через авиационные насосы воздушной заправки топлива были сорваны вместе с радиоактивными осколками при дистанционном управление по телекамерам. В Москве были созданы еще три копии этого ДУЛСа. Все это погибло после выполнения задачи. Роботы были сброшены в закрывающийся бетоном взорванный реактор.

Так Кижичи участвовали в ликвидации последствий самой страшной техногенной катастрофы. Причем, по оценке отдельных основных ликвидаторов, кижские роботы спасли Европу.

2015 г.

² ДУЛС – дистанционно управляемый лафетный ствол.

АЛЕКСЕЙ КОЧКИН¹

НАДЕЖНАЯ ОПОРА

(подготовка публикации Т. Николюкиной)

В научном архиве музея-заповедника «Кижи» хранится множество документов: проекты, чертежи, сметы, хранящие информацию о том, что из себя представляют металлические разгрузочные конструкции каркаса, введенного в Преображенскую церковь, кем он создавался в теории и на практике.

Предыстория металлокаркаса начиналась в конце 60 гг. XX в., когда в 1968 г. здание Преображенской церкви было признано аварийным, вследствие чего было необходимо принимать меры для его сохранения. В следующем, 1969, г. к решению проблемы укрепления церкви были привлечены ведущие научно-исследовательские и проектные организации страны, среди которых были Ленинградский инженерно-строительный институт (ЛИСИ), Московский архитектурный институт, а также московские НИИ и организации: «Спецпроектреставрация», «Союзспецавтоматика», «Спецпромонтаж».

Целое десятилетие понадобилось ученым и практикам, чтобы из множества предложенных проектов выбрать самый оптимальный. И время подтвердило правильность этого выбора.

Генеральным проектировщиком по разработке проекта инженерного укрепления сруба Преображенской церкви был утвержден московский институт «Спецпроектреставрация».

В феврале 1979 г. вновь зафиксировано аварийное состояние отдельных конструкций. Согласно Распоряжению Совета Министров КАССР от 6 августа 1980 г. в связи с аварийным состоянием конструкций Преображенская церковь была закрыта на период проведения первоначальных противоаварийных работ. С сентября 1980 г. началась подготовка к организации противоаварийных работ согласно проекту, разработанному специалистами института «Спецпроектреставрация» Н. И. Смирновым, Б. П. Зайцевым и Г. Н. Мурашовой.

В 1981 г. архитектор А. В. Ополовников с одобрением воспринял «Комплексный проект инженерного укрепления и архитектурной реставрации Преображенской церкви», разработанный специа-

¹ Кочкин Алексей Алексеевич, в 1980-е гг. зам. начальника производственного отдела Петрозаводского СМУ треста «Союзпромбумонтаж», которое занималось монтажом металлокаркаса в Преображенской церкви.

листами треста «Спецпроектреставрация». Проект предусматривал полную переборку сруба с помощью внутренних стальных разгрузочных конструкций с сохранением силуэта памятника в процессе реставрации.

В своей «Рецензии на проект реставрации Преображенской церкви в Кижях» А. В. Ополовников пишет: «...остроумная идея подвески памятника на внутренней мачте и создание специальных лесов, жестко фиксирующих любую его часть при возможности изъятия другой, — представляется на редкость удачной и правильной... если бы в действительности она была бы осуществлена именно так, как предлагают ее авторы, то можно быть уверенным, что Преображенская церковь получит «вторую жизнь», будет спасена. Преимущества этого метода неоспоримы». Архитектор отмечает, что самый действенный и эффективный метод полной разборки памятника исключительно трудоемок и содержит массу дополнительных сложностей, связанных с хранением разобранных частей, всегда «чреват непредвиденными случайностями».

В феврале 1981 г. начались работы по противоаварийным мероприятиям: устройство контрфорсов, монтаж панелей жесткости, разборка клиросов, полов и устройство фундаментов под металлоконструкции.

Установкой металлокаркаса занималось наше Петрозаводское строительно-монтажное управление (СМУ) треста «Союзпромбуммонтаж». Начальником СМУ в те годы был Георгий Владимирович Карпов. Проектные чертежи КМ (конструкций металлических) делала «Спецпроектреставрация», а мы разработали КМД (конструкции металлических деталей). Я обратился в Москву, в головной институт «Гипрохиммонтаж», где порекомендовали работать с минчанами — они хорошо это делают; приехал оттуда молодой деятельный конструктор с интересной фамилией — Блюдой, мы с ним слетали на вертолете на Кижы, он посмотрел, взялся и сделал быстро чертежи, и проект производства работ они сделали. Я попросил заложить минимум механизмов, в первую очередь потому, что это остров, и доставка оборудования — дело непростое. Обошлись ручными лебедками и всякими мелкими приспособлениями, которые делались прямо на месте.

Изготавливали конструкции в Петрозаводске, на промышленной базе треста «Союзпромбуммонтаж» на Шуйском шоссе, 9. Николай Филиппов, начальник нашей промбазы, лично контролировал процесс изготовления элементов каркаса.

Все конструкции трубчатые, трубы не простые, а артезианские — толщина стенки 15 мм. Для сравнения: у труб такого же диаметра, которые используются на ЦБК, толщина стенки от 4 до 6 мм. Трубы не катаные, а цельнотянутые. Металл — высококачественная сталь марки С20 — из такой стали делают болты, гайки и различные конструкционные детали, а в данном случае из нее сделан весь каркас: вся силовая решетка. Изготавливали такие трубы единственный на весь Советский Союз завод в городе Рустави, в Грузии.

Переходные детали мы заказывали в Череповце из листовой стали С15.

Все подготовительные работы проходили в течение зимы, чтобы с открытием навигации завести детали каркаса на остров Кижы.

В итоге этих металлических деталей набралось 101 тонна основных и около тонны вспомогательных, предназначенных для выравнивания опорной плоскости фундамента каркаса, которая, как показала проведенная нами приемка, была необходима. Трудности заключались в том, что на остров просто так не попасть. Все конструкции перевезли на небольшом судне «МРБ». Я командовал погрузкой, разгрузкой, проектировал приспособления. Много приходилось делать разной работы. Например, смету на монтажные работы составлял я, удалось отстоять стоимость в 570 руб. за тонну, и это правильно, потому что если бы цена была ниже, мы работали бы в убыток. Сметной литературы было довольно много, утвержденной Госстроем. Всего смета 60 тыс. — это немного. Смету утверждали в Москве. С финансированием было проблематично, приходилось ездить в Москву выбивать.

Монтаж начался летом 1982 г., в общей сложности работали полтора года, завершили летом 1983 г. Монтаж сложности не представлял, но все работы выполнялись вручную бригадой из пяти человек. Работы вел Виктор Дравант, бригадир, его уже нет в живых, — самостоятельный, вдумчивый, инженера не надо за ним ставить, сам справлялся. Хорошо, что работали такие специалисты. Да, кстати, наши с ним каски, подписанные «Дравант» и «Кочкин», были переданы в музей «Кижы». Может, где-то и хранятся?²

Часть П-образных конструкций собиралась внизу, а потом лебедками поднималась на свое место и крепилась там — это ускоряло процесс монтажа. Дело шло для ручной работы, быстро, но при этом качественно.

Конструкции металлокаркаса повторяют конфигурацию внутреннего пространства церкви. В верхней части каркаса, которая за счет

² Фонды музея «Кижы». Инв. № 1400.

отклонения сруба от вертикальной оси не могла быть установлена, как было задумано первоначально, автором проекта Смирновым были сделаны перерасчеты, и мы с помощью распорок и крепежа сумели вписать каркас в сруб. Церковь стоит крепко, а ведь ее общий вес порядка 672 тонн, причем он постоянно колеблется в зависимости от влажности древесины.

Подобного металлокаркаса для фиксации такой огромной деревянной конструкции до нас не было — это был единственный проект. В мире нет второго такого проекта реставрации и до сих пор.

А как нас ругали в прессе! На весь Советский Союз нас ославили. Особенно старался московский журналист газеты «Известия» по фамилии Богат, написал множество разгромных статей о нас по наущению сторонников полной раскатки церкви.

Даже собственная теща говорила мне: «Леша, ты погубил Кижи!» Я потом многие годы даже нигде не упоминал, что был причастен к установке металлического каркаса в Преображенской церкви.

Но главный судья в таком деле — время. Прошедшие с тех пор три десятка лет показали, что мы все сделали правильно: церковь устояла благодаря каркасу.

Очень качественный материал, все качественно смонтировано. То, что некоторые «специалисты» сегодня заявляют, что «этот каркас нельзя снять», — это смешно! После завершения реставрации сруба церкви каркас можно разбирать и снимать хоть снизу, хоть сверху — он весь на болтах. Я рад, что у нас все получилось.

После установки металлокаркаса были разработаны рекомендации по эксплуатации Преображенской церкви с учетом существующего каркаса с целью обеспечения максимально возможной сохранности подлинных архитектурно-конструктивных элементов памятника. Значительную часть вертикальных и горизонтальных нагрузок каркас принял на себя. В дополнение к нему была смонтирована система причерченных сжимов, соединенных гибкими и жесткими связями с металлокаркасом, позволяющих зафиксировать сруб и увеличить его собственную несущую способность и пространственную жесткость.

Металлокаркас монтировался как временное сооружение для обеспечения процесса реставрации храма, но его судьба сложилась несколько иначе: процесс реставрации был приостановлен на неопределенный срок, и каркасу выпала роль сохранять сруб храма в неприкосновенности на долгие годы. С этой задачей и сама конструкция, и ее создатели справились на отличную оценку.

Сегодня работа по реставрации Преображенской церкви идет полным ходом.

Свое мнение о том, какую роль в сохранении Преображенской церкви сыграл металлический каркас, высказал зам. директора музея-заповедника «Кижы» по реставрации памятников Кижского архитектурного ансамбля Николай Попов: «Я считаю, что трудно переоценить роль внедрения каркаса в конструкцию церкви. Это было впервые в стране, а может быть, даже и в мире. Это была смелая идея, когда церковь уже фактически падала. Идея металлического каркаса была спасительной без преувеличения, причем каркас изначально был задуман не только для укрепления сруба, но и для последующей его реставрации. Для своего времени это был абсолютно передовой проект и очень жаль, что тогда его не дали завершить: процесс был остановлен на долгие годы, церковь законсервирована. Каркас в буквальном смысле слова не дал церкви упасть за все прошедшие с момента его установления 30 лет.

Конструкция железобетонная: железо наверху, бетон — в ее основании. Семь ярусов, семь настилов служат для того, чтобы можно было проводить реставрационные работы.

Сделано было очень качественно, но не без огрехов: частично пострадали отдельные детали, где-то была перепилена балка, но все это не столь значимо и вовсе не «невосполнимо», как считают некоторые критики и оппоненты. Это очень небольшой процент утрат, и он не стоит того шума, который поднимают противники проекта реставрации Преображенской церкви.

Авторов проекта Смирнова, главного инженера, и Зайцева, архитектора, откровенно заклевали рьяные деятели. А каркас стоит, он и сейчас выполняет свою функцию — без него реставрация на том уровне, как она делается сейчас, была бы невозможна.

Зайцев умер, к сожалению, год назад, а Смирнова я видел лет пять назад, он после нападок на него сразу уволился из «Спецпроектреставрации» и работал в коммунальном хозяйстве Балашихи главным инженером, но больше ничего о нем не знаю, сейчас ему должно быть уже лет 70. Это были очень талантливые люди. «Доброжелатели» с академическими званиями не дали осуществиться их проекту. Но сегодня мы работаем, и Преображенская церковь реставрируется поярусно, как это, в принципе, и было задумано нашими предшественниками.

2012 г.

БОРИС ГУЩИН

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ. КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ
(из книги «Не только о Кижях». Петрозаводск, 2004)

Моей жене Виоле

Зимой 1974 г. в нашей квартире раздался телефонный звонок.

— Борис Александрович? С Вами говорит профессор Петрозаводского университета Моисей Михайлович Гин. У нас в мае будут проходить Первые древнерусские чтения, которые мы проводим совместно с Пушкинским домом, и я подумал, что, будучи научными сотрудниками музея «Кижы», вы с женой могли бы стать активными участниками конференции. Обязательно придет Дмитрий Сергеевич Лихачев.

— Большое спасибо. Мы подумаем. Все дело в том, что наша повседневная работа не связана с древнерусской литературой. Но... очень хочется. Если можно, то мы Вам перезвоним.

— Хорошо.

— Виола! Иди скорее сюда. Нам предлагают участвовать в «Древнерусских чтениях»! Там будет Лихачев!

— А нам-то с чем выступать?

— Мы сейчас выискиваем в Писцовых книгах XVI — XVII вв. разные сведения о сохранившихся церквях. Вот и придумаем нечто вроде «Писцовые книги Обонежской пятины как исторический источник для датировки памятников деревянного зодчества».

— Так это же сколько в центральных архивах сидеть надо да скоропись средневековую разбирать, в которой мы не очень-то...

— Ну и что! На 15-20 минут подготовим выступление на тех источниках, что у нас уже есть: Кижы, Юковичи, Вегорукса и так далее. Виола! Мы сделаем так, чтобы всем было интересно! Выступим!

* * *

И выступили. На кафедре, конечно, был не я, а обаятельная, улыбкающая Виола. Кажется, мы вписались. Это был счастливый май 1974 г.

Великолепный, полный артистизма В. Г. Базанов, казалось, перевоплотившийся в своих героев Н. Клюева и С. Денисова; Л. А. Дмитриев со своими северными святыми; А. М. Панченко со смеховой культурой Древней Руси; О. Т. Творогов со «Словом»; и

сам Дмитрий Сергеевич, который больше всего понравился нам на вступительной лекции по древнерусской литературе для студентов. М. М. Гин предварил лекцию такими словами:

— Петрозаводским студентам несказанно повезло, так как Дмитрий Сергеевич не читает лекции в ЛГУ, а вот для вас любезно согласился сделать это.

На лекции был весь цвет студентов всех факультетов всех вузов Петрозаводска. И уже здесь начались какие-то странности. Кому-то очень хотелось, чтобы Дмитрия Сергеевича услышало как можно меньшее количество людей. Лекция для студентов переносилась несколько раз. И самое интересное, что ее сделали не позже, а раньше объявленного времени. Не попало очень много желающих. Но аудитория была все равно переполнена.

На следующий день мы с Дмитрием Сергеевичем и его женой Зинаидой Александровной были в Кижках. Очень хочется написать, что Дмитрий Сергеевич вел себя так-то и так-то, говорил то-то и то-то. Но, к моему огромному счастью, говорил только я. (Вы сейчас поймете, почему я так пишу.) От Дмитрия Сергеевича в ответ на мои излияния исходили теплая душевная энергия, доброта и желание сделать нам с Виолой столько хорошего, сколько сможет. Я испытал ту радость, когда тебя полностью понимают.

Дмитрий Сергеевич — один из тех близких мне людей, энергия доброты и участия которых согревают меня всю жизнь. И вот это ощущение счастья, причастности, желания помочь близким и мне самому так хочется передать другим (получается, к сожалению, редко и не всегда).

Дмитрий Сергеевич попросил у нас статью о Писцовых книгах и пообещал со своей рецензией отдать ее в один из научных сборников. Запомнилось, что когда мы рассматривали вместе с реставратором И. М. Гурвич иконы под записью в церкви Воскрешения Лазаря (церковь предположительно датируется XIV в.), Дмитрий Сергеевич заметил, что иконы ему кажутся несколько более молодыми, нежели сама церковь. Как выяснила позже Ирина Гурвич, живопись оказалась XVI в.

Мы подарили Дмитрию Сергеевичу наш каталог музея «Кижки», составленный годом раньше. Он сказал:

— Я люблю эти старые крестьянские слова. Думаю, что их любят и такие писатели-деревенщики, как Белов, Распутин, Абрамов. Пошлите им каталог. Для них это будет и важно, и приятно.

Мы так и сделали. Получили очень теплую открытку от Ф. А. Абрамова. А с Дмитрием Сергеевичем и Зинаидой Алек-

сандровой мы провели тогда целый (!) день. И он был у нас одним из самых счастливых.

Вскоре после отъезда Дмитрия Сергеевича мы получили от него бандероль с книгами, рецензией и письмом (а какие автографы на книгах! Каждый с намеком на городской пейзаж Петербурга):

«24. VII-74.

Дорогие Виола Анатольевна и Борис Александрович.

Спасибо Вам сердечное за чудесные подарки. Книжки-игрушки очень хороши. Это чудесная инициатива петрозаводского издательства. Я знаю только еще очень хорошую инициативу: дома-музея Шекспира в Стратфорде. Они сделали экслибрисы: «Куплено в доме, где родился Шекспир» и продают небольшие издания (например, сонетов) по повышенной цене. Предложите вашим ларькам сувениров сделать книжные наклейки «Куплено в Кижях» (непрерменно красивые, с видом Кижей) и продавать издания с такими наклейками на 50 копеек дороже (цена наклейки). Это будет интереснее многих пошлых и безвкусных сувениров. Вашу статью я решил не посылать в ж. «История СССР», а приберечь для одного из источниковедческих сборников ЛО ИИ АН СССР («Вопросы источниковедения» или другой). Напечатают не так скоро, зато статья останется навеки, а не промелькнет в журнале. Кроме того «История СССР» может и не взять статью (слишком специальна, скажут). Но отзыв на статью я написал уже сейчас (буду разговаривать по окончании отпускного времени) и копию высылаю Вам.

Как Вы живете?

Что Вы думаете о теоретических (общих) проблемах реставрации деревянных памятников? Я формирую сборник «Восстановление памятников культуры» и просил издательство «Искусство» направить Вам приглашение — Вам и В. П. Орфинскому, который тоже (сверх Вас) очень мне понравился. Его я хочу просить написать статью о сохранении и поддержке лучших пейзажей в Карелии (священные рощи и пр.).

Сборник такой был бы очень важен. Будем у Вас в начале сентября (я думаю, на обратном пути из Горького, но, может быть, и когда поедем туда).

Выезжаем из Ленинграда 27 августа на «Александре Попове». Увы — старость требует комфорта, и с рюкзаком (а как бывало хорошо) не попутешествуешь!

Боже, сохрани русскую старину для более умных потомков. (...)
Ваш Д. Лихачев.»

В конце августа Дмитрий Сергеевич Лихачев вышел к нам с теплохода с огромнейшей коробкой конфет. Таких коробок и не бывает-то!

А статья наша о Писцовых книгах, к счастью, была где-то затеряна в редакции «Вспомогательных исторических дисциплин». К счастью потому, что подход-то к проблеме у нас был новый, но источников было использовано слишком мало. Позже историки И. и О. Черняковы более тщательно подошли к нашим Писцовым книгам. Но мы были первыми!

А к теории реставрации мы вообще не были готовы.

Но Дмитрий Сергеевич через два года написал рецензию и опубликовал следующую нашу статью «Новое о памятниках Кижского архитектурного ансамбля» («Вспомогательные исторические дисциплины», Л., 1976).

Летом 1975 г. мы получили от Д. С. Лихачева письмо.

«Дорогие Виола Анатольевна и Борис Александрович.

Рекомендую Вашему вниманию милого искусствоведа из Грузии — Джильду. Я ей рассказал о Подъельниках, и ей очень хочется туда попасть. М. б. туда пойдет катер. Ваша статья идет, но медленно. Теперь ведаёт Археографической комиссией А. И. Копанев.

Я — главный редактор ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия». Хотелось бы, чтобы там была какая-либо статья о новом памятнике деревянной архитектуры («новом» в том смысле, что на него обращено внимание), или о новой датировке старого, или о строителях, если их удастся установить. Достаньте в Петрозаводске I том ежегодника (за 1974 г.) и посмотрите, как там написаны и на какие темы статьи.

В ежегоднике я хозяин и непременно Вас напечатаю. (...)

Ваш Д. Лихачев».

С Джильдой мы, конечно же, приятно пообщались и в Подъельники ее свозили. А статья наша о новых документах по Кижам вскоре была напечатана во «Вспомогательных исторических дисциплинах».

Мы пригласили Дмитрия Сергеевича пожить в Кижях недельку-другую в садовом домике, где у нас обычно останавливается всякое начальство. Об этом же написала ему и карельский историк Т. В. Старостина.

Я сказал насчет домика нашей директрисе, даме, брошенной из обкома КПСС к нам в Кижы, как на передний план идеологической борьбы. И опять начались странности.

Подымаюсь как-то на второй этаж своей конторы и совершенно нечаянно слышу голос директрисы у телефона. Фамилия... Лихачев... Это знакомый Гушиных и Старостиной... Академик? Хорошо... Хорошо... Так и сделаю.

(Оказывается, мы в разговоре с директрисой не упомянули, что наш знакомый работает академиком... Сама же она слышала эту фамилию в первый раз.)

А чуть позже она нам заявила:

— Наверное, лучше будет, если мы откажем Лихачеву. Он ведь, наверное, привык к комфорту. А здесь туалет далеко. Воды нет. Удобства не для академиков.

Мне со стыдом пришлось писать Дмитрию Сергеевичу, что, к сожалению, мы не можем его принять. Скольких счастливых дней мы лишились!

* * *

И снова приезд Дмитрия Сергеевича со многими сотрудниками сектора древнерусской литературы. На Вторые древнерусские чтения в мае 1982 г. Огромная аудитория медфака битком набита людьми разных специальностей.

Ученые дамы из Пушкинского дома потрясли всех своей квазинаучной терминологией. (Лично я не понял ни одного слова. Ну, может быть, через одно.)

И вот на кафедре Дмитрий Сергеевич с сообщением «Назначение Изборника 1076 г.». Вначале буквально в нескольких словах он обрисовал проблемы, которыми занимается его сектор, и сотрудников, которые конкретно разрабатывают эти темы. Всем все стало понятно, и Дмитрий Сергеевич сорвал бурные аплодисменты. Воодушевленный аудиторией, Лихачёв начал свое сообщение эффектно и завлекательно. О том, как по жутко грязному средневековому городу едет рыцарь и от всепроникающей вони опрыскивает себя духами, вспоминает о талисманах дамы сердца и предвкушает удовольствие, которое он испытает, открыв «Изборник», как только прибудет на место своего назначения.

Все слушали, разинув рты. А в конце — аплодисменты. Да такие, каких не снилось ни одному актеру. Вечером ответы на вопросы, которые подавались в письменном виде. Это было блестящей репетицией будущих вечеров Дмитрия Сергеевича на телестудии «Останкино». Наша шестнадцатилетняя дочь с восторгом слушала Лихачева и на вечере, и на лекции для студентов.

...Странности становились уже однообразными. Лекцию опять сделали раньше, и на нее не попали студенты консерватории. А в Кижы свозить Дмитрия Сергеевича организаторы конференции не нашли времени, хотя он очень хотел снова побывать у нас.

* * *

Я тогда не понимал этой ненависти власть имущих к Дмитрию Сергеевичу, великому ученому, который является воплощением человечности, доброты и любви к людям.

Сейчас понимаю.

Всякий тоталитаризм не допускает мысли о существовании какого-то иного мира, иной системы. Допускают только отдельные памятники из какой-то другой эпохи: Венера, «Троица» Рублёва, «Бурлаки на Волге», Софокл... Дмитрий Сергеевич может моментально переключиться в эпоху Древней Руси, Византии, России начала XX в. и, самое главное, мыслить и жить категориями этой эпохи, отрешась... нет, не отрешась, а используя все нажитое современностью.

Мне кажется, что встретиться Дмитрий Сергеевич с Солярисом, они быстро нашли бы общий язык.

Тоталитаризм не прощает знания языка нетоталитаризма.

* * *

По Би-Би-Си услышали, что Дмитрия Сергеевича избили у дверей собственной квартиры. Меня охватил, и надолго, страх за всех любимых мною людей. И за себя тоже.

* * *

1986 г. Чернобыль.

В Кижях незадолго до этого в Преображенской церкви был смонтирован металлический каркас, для того чтобы зафиксировать ее современное состояние и не допустить дальнейших деформаций.

Драма Кижей началась с того, что, монтируя сборно-разборный каркас, монтажники, получив «добро» проектантов и ответственных за работы, перепилили ряд конструктивных связей. В результате этого железяка встала на место, но изъять ее теперь из церкви невозможно без каких-то новых, совершенно немыслимых по трудоемкости работ.

Однажды ранним летним утром к нам в домик прибежал дежурный по музею:

— Идите скорее на погост! Приехал на туристическом теплоходе Лихачёв. Вас спрашивает.

Мы попросили сообщить о Дмитрие Сергеевиче молодому энергичному директору, чтобы познакомить их, но директор оказался слишком занят, зато передал, чтобы мы показали Лихачеву все, и от себя попросил пообщаться с академиком заместителя директора по реставрации.

Честно говоря, мы боялись, видя грустного, похудевшего Дмитрия Сергеевича, вести его в церковь. (У него совсем недавно в дорожном происшествии погибла старшая дочь Вера Дмитриевна, видный учёный-византиевед.)

Дмитрий Сергеевич, стоя внутри каркаса, сразу же все понял и печально сказал:

— В русской культуре это явление равно Чернобылю...

А наши музейные дамы устроили в доме Яковлева симпатичное чаепитие из самовара. И хотя на чай оставалось двадцать минут, Дмитрий Сергеевич проявил себя потрясающим джентльменом и уделил внимание каждой даме. (Одна из дам до сих пор вспоминает, как элегантно ей поцеловал руку самый красивый и уважаемый ею человек. Она преподнесла Дмитрию Сергеевичу букетик и маленькую корзиночку земляники.)

Мы с Виолой подарили Лихачеву только что вышедший в Петрозаводске альбом «Кижы» с нашей вступительной статьей. До сих пор гордимся этим изданием. Хорошая компания делала его с нами: В. Гиппенрейтер, М. Аникст, Д. Шехтер.

* * *

В 1988 г. оживилась деятельность по спасению Кижей. Люди, давно связанные с Кижями и реставрацией деревянного зодчества, предлагали только один вариант — переборку сруба. Это предполагалось и ранее. Уже был заготовлен лес, Преображенская церковь была промаркирована и так далее. Казалось бы, общественность подготовлена. Но угроза переборки насторожила многих специалистов, связанных с Кижями. Тем более что переборка грозила быть довольно-таки молниеносной. Архитектор-реставратор А. В. Попов, до этого перебравший церковь Дмитрия Солунского в Верхней Уфтюге Архангельской области, заручившись поддержкой самого высокого московского начальства, похоже, засучил рукава на Кижы.

Нам, работникам музея, в феврале 1988 г. его представил министр культуры КАССР О. М. Стрелков на встрече-блиц, где реставратору

задавались короткие вопросы и выслушивались столь же короткие ответы.

Результаты встречи были неожиданны для министерства. Работники музея оказались достаточно единодушны (пока что) во мнении, что столь поспешная переборка неоправдана. Открыто за переборку не выступил никто. Мы с Виолой пытались разобраться в чисто технологических тонкостях, взвесить все «за» и «против», но нам это было явно не по силам. Аргументы А. В. Попова в пользу переборки я записал на отдельном листочке. Меня он не особо убедил в срочности переборки.

Через день у меня была командировка в Ленинград в Музей этнографии народов СССР, и я предварительно позвонил Дмитрию Сергеевичу, чтобы договориться о встрече.

Прямо с поезда я отправился в Пушкинский дом, Дмитрий Сергеевич был уже на месте. Прежде всего, он сказал, что такой памятник, как Кижы, принадлежит не только Министерству культуры Карелии, а всему миру, и поэтому судьбу Кижей должны решать специалисты всего мира по линии ЮНЕСКО.

Дмитрий Сергеевич начал диктовать секретарю письмо министру культуры СССР Захарову с просьбой созвать летом 1988 г. в Петрозаводске и Кижях конференцию ЮНЕСКО, чтобы коллегиально решить вопрос о судьбе Кижей. Он взял листок с аргументами А. В. Попова, внимательно его прочел и попросил меня тут же позвонить в музей, чтобы получить столь же обстоятельные аргументы против переборки. Это мог сделать наш музейный архитектор, явный противник переборки. Ему я и позвонил. Трубку взял наш молодой энергичный директор и в свойственной ему жёсткой манере поинтересовался, кто дал мне право и полномочия являться к председателю Фонда культуры СССР.

Я в ответ жалко заблекотал о том, что до сего дня я как-то ходил к своим знакомым безо всяких таких прав и так далее.

Секретарь Дмитрия Сергеевича смотрела на меня с нескрываемым омерзением. К моему счастью, трубку скоро взял архитектор и четко продиктовал мне аргументы против. Я подал Дмитрию Сергеевичу листок. Он взял два листочка с «pro» и «contra», положил их в нагрудный карман и сказал:

— Вот. До заседания ЮНЕСКО-ИКОМОС эти листочки для меня будут главными.

Письмо министру культуры СССР было отпечатано и оформлено прямо при мне.

* * *

А в Петрозаводске, да и не только, вся общественность успела разделиться на «переборщиков» и их противников.

Мы признавали и признаем, что сохранение Преображенской церкви в первоначальном виде — это идеальный вариант. Но если все возможные способы укрепления будут исчерпаны и не дадут желаемого результата, то нельзя упустить и сроки переборки как самой крайней меры, чтобы не довести церковь до руинированного состояния. Мы не сочли возможным участвовать в критике идеи переборки, так как, на наш взгляд, она превратилась уже не в критику идеи, а в травлю личности талантливого архитектора-реставратора. Мы пытались высказать свою позицию в прессе («Комсомолец»), но нас не напечатали.

И вот письмо от Дмитрия Сергеевича.

«16.V-88

Дорогие Виола Анатольевна и Борис Александрович. Спасибо за память, за письма. Я очень огорчен Кижам и общим подходом к проблеме.

Посылаю Вам два предложения. Они смогут быть опубликованы в петрозаводской печати — от моего имени + Ваше. Не надо спешить. Приедут специалисты из разных стран. Пусть поспорят — исследуют.

У меня два предложения:

1. Должен быть собран международный совет (специалисты из Канады, Норвегии, Швеции и Финляндии), так как Кижы — памятник всего человечества.

Кстати, в Финляндии мне говорили: у них есть средство, но его никак нельзя употреблять поверхностно (путем обмазки или заливки), так как все средства, введенные на поверхность, создают консервацию для внутренней гнили. Их средство вводится внутрь под давлением.

2. Попову предложить из заготовленного дерева восстановить Анхимовскую церковь (Покровская), церковь 1708 г. в с. Анхимове под Вытегрой. Предшественница Преображенской церкви. (Сгорела в 1962 г. — Б. Г.) Если справится, и на ней научит свою бригаду, тогда только поручить ему Кижы.

А по Анхимовской церкви есть все обмеры.

Искенне Ваш Д. Лихачев».

Мы с Виолой полностью разделили мнение Дмитрия Сергеевича, хотя с оговоркой, что перебирать и строить по чертежам — это разные вещи.

Я пошел с письмом в редакцию «Ленинской правды» к любимому журналисту. Отдал письмо и сказал, что его можно напечатать в не-

скольких вариантах (я имею в виду форму публикации), но в любом варианте наше мнение полностью совпадает с мнением Дмитрия Сергеевича.

И снова глухие отголоски былых странностей. Уже в «эпоху перестройки». (Многие успели забыть, что это такое.) «Любимый» мурыжил письмо около месяца. Потом вернул в конверте, затертом чуть ли не до дыр, и сказал виновато:

— Знаешь, старик, главный считает, что не стоит его публиковать.

Я не просил объяснений. Они не напечатали еще, может, потому, что мы с Виолой слыли тогда за крутых переборщиков.

* * *

А голос Дмитрия Сергеевича в защиту Кижей прозвучал не в одном коллективном обращении, подписанном совместно с видными людьми страны. К тому же хорошими людьми.

* * *

В сентябре 1988 г. в Петрозаводске и Кижях состоялось выездное заседание ЮНЕСКО-ИКОМОС. Переборку Преображенской церкви признали преждевременной. И если бы не Дмитрий Сергеевич, то еще неизвестно, что было бы с Кижами.

* * *

А я вдруг неожиданно для себя стал писать. Какие-то новеллы мемуарного характера, театральные рецензии и даже, не отрывая пера от листа, историческую повесть «Отзвуки старых ярмарок». Ее газетный вариант опубликовала «Молодежная газета» летом 1995 г. Повесть несколько раз брал и снова возвращал мне журнал «Север». Газетный вариант повести я послал Дмитрию Сергеевичу.

И вот, будучи в Петербурге 1 ноября 1995 г., звоню по знакомому телефону:

— Да, я прочел «Ярмарки». По-моему, вы написали вещь прямо для журнала «Север». Он еще жив?

— Я специально для них и писал, но они то берут рукопись, то снова возвращают. А журнал жив, публикует много интересного, в том числе любимого Вами и мною Дмитрия Михайловича Балашова. Критика любопытная бывает.

— Я очень рад, что «Север» выжил. А сколько прекрасных региональных журналов погибло! Вы еще раз принесите им свои «Ярмарки». Я думаю, что напечатают.

Вернувшись, я позвонил главному редактору «Севера» и сказал ему о разговоре с Дмитрием Сергеевичем. Реакция редактора была очень правильной:

— Борис Александрович, куда Вы пропали? Мы по Вам даже соскучились. Несите свои «Ярмарки».

Мои «Старые ярмарки», правда, в урезанном виде, опубликованы в 8 — 9 номере «Севера» за 1996 год. Первую свою повесть я посвятил Дмитрию Сергеевичу.

1996 г.

ВЕРА ЦЫПЛЯЕВА¹

КАК Я ПОПАЛА НА ОСТРОВ

В. С. Цыплева. О. Кижы. Фото 1997 г.

Попасть на Кижы было легко – доехала автостопом от Костромы до Петрозаводска, естественно бесплатно, купила на «комету» билет за 3 рубля 70копеек, и вот я на острове. Почему именно Кижы — не знаю, посоветовали: есть такой остров, где кузнец играет на саксофоне. Я тогда искала себя. Моя театральная карьера не задалась, и чтобы разобраться в себе, решила, что самое подходящее место — остров в северном озере.

Найти Михаила не составило труда. Его не удивило, что я приехала «слушать себя», а меня не смутил его ответ на вопрос:

— Можно пожить у тебя?

— Боковушка в сенях свободна.

Прожив неделю, я поняла, что хочу остаться здесь, и отбила две телеграммы: родителям, чтобы они выписали меня из квартиры, и в театр — для расчета.

Стоял август 1988 г.

¹ Цыплева Вера Сергеевна, зав. отделом «Музей театрального костюма» Костромского драмтеатра им. А.Н. Островского; в 1988 — 1999 гг. работала хранителем фондов музея «Кижы».

Замужество

Впереди ожидала зима, надо было определяться с работой и жильем. На остров многие приезжают «слушать себя», но не выдерживают и первых трудностей, поэтому руководство музея не спешило зачислять в штат, присматривалось, но без работы не оставляло. Я получила должность — уборщик территории и два месяца мела, чистила, мыла памятники. За два месяца я вымыла полы во всех пяти часовнях Кижского ожерелья. Я была счастлива! Могла подниматься на башенки для звона, слушать руками толстенные полуплахи, балки, сидеть на каменных грядах, вспоминая свои северные корни поморки... С жильем тоже все решилось. Я уже была зачислена в штат, в фонды — хранителем коллекции дерева и мало-помалу знакомилась с сотрудниками; так я познакомилась с Сергеем Цыпляевым. У него-то было жилье, и я уговорила его пустить меня на постой до весны...

По весеннему льду мы ехали в сельсовет на регистрацию брака. Свадебный кортеж состоял из рыжей кобылы, запряженной в сани. Лед был такой опасный, что в сани посадили только молодую, а жених и два свидетеля шли следом. Надо было проехать 7 км до Сенной Губы и столько же обратно, поэтому выехали рано. Нам было очень весело, у Сергея Куликова была балалайка, и мы распевали частушки не совсем приличного содержания. А потом под звуки заезженной пластинки «Марш Мендельсона» нас объявили мужем и женой. Со стены сельсовета на нас строго взирали все члены политбюро, а свидетели подарили мне букет цветов. Букет прислали накануне с оказией сотрудники музея. Что значит цветы на острове зимой, могут понять только те, кто пожил на этом острове зимой.

На дворе было 27 марта 1989 г.

Прохор

Мы жили как крестьяне XIX в. Но никто не сбежал. Наоборот, многие молодые обзавелись семьями, и когда наши дети подросли, мы в обычном северном крестьянском доме открыли детский садик. А потом на его базе — начальную школу.

В нашей семье родился мальчик. В это время я читала роман «Угрюм-река», поэтому вопроса в выборе имени не стояло.

Кижская школа

То, что школа на острове была, знали все. В кон. 19 — нач. 20 вв., в Кижском приходе существовало несколько церковно-приходских школ, на самом острове — земское двухклассное училище, а в ряде

деревень — земские школы. Последние школы округа были закрыты в 50-е годы XX в., когда осуществлялась политика укрупнения деревень и многие съехали в Сенную губу или в Великуюю.

В начале 90-х годов. прошлого столетия на острове зимовало 14 ребятишек от 5 до 10 лет, их надо было учить. Дирекция музея была заинтересована, чтобы фоновые деревни музея были обжитыми, поэтому игровые комнаты детского сада стали переделывать в школьные классы. Решение дирекции музея об открытии, вернее сказать, историческом возрождении начальной школы на острове, в те лихие 90-е годы, вызывает безусловное уважение. В штат были приняты молодые специалисты, выпускники педагогических институтов.

Школьная жизнь была весьма многогранной и насыщенной. Она не сводилась лишь к обязательной программе, вспоминаются школьные спектакли, праздники для всех жителей острова. Особенно ждали Нового года. Все выходили на крыльцо школы и всматривались в сторону Уймы. И вот из темноты, откуда-то из-за горизонта, где звездное ночное небо сливается с ледово-снежной гладью озера, слышался звук «Бурана», а потом можно было разглядеть и сам снегоход. И вот сам Дед Мороз выходит из саней. Все напряженно всматриваются в лицо Мороза: нет, это не кто-то из родителей. Значит, настоящий, прямо из Лапландии! Участие в подготовке праздников принимали все, включая и охранное подразделение милиции, поэтому появление Мороза получалось очень эффектным.

Давно уже выросли дети, разъехались. Каждый идет своей дорогой, и истории у всех разные... Но хочется думать, надеяться, что первые годы, проведенные на острове, будут тем корнем, стержнем, который будет помогать, согревать и поможет устоять в бурных волнах взрослой жизни.

С острова мы уехали, надо было дальше учить сына.
Заканчивался 1999 г., мы стояли на пороге XXI в.

Послесловие

...Когда ж повзрослеет в столице,
Тогда он оценит Николу,
Где кончил начальную школу...
Посмотрит на жизнь за границей.

(Н. Рубцов «Родная деревня»)

2015 г.

ЕЛЕНА ДЫМОВА¹

ШЕСТЬ СЧАСТЛИВЫХ ШКОЛЬНЫХ ЛЕТ

Ученики Кижской школы с учителями и родителями.

Фото 1995 г.

Школа на острове Кижы открылась 1 сентября 1993 г. Инициатором ее создания был директор музея Михаил Васильевич Лопаткин. В то время на острове постоянно жили несколько семей с маленькими детьми. Школа была необходима, чтобы людям не пришлось уезжать из Кижей, когда дети достигнут школьного возраста. Инициативу музея поддержали в Управлении образования г. Петрозаводска, и было решено открыть учебно-воспитательный комплекс «Детский сад — школа», соучредителями которого стали музей-заповедник «Кижы» и Управление образования города. Школа получила номер 49, так как относилась к Петрозаводскому ГУНО. Особую поддержку и просто человеческое участие начинание нашло в лице Татьяны Майевны Аноховой, которая позже приезжала на открытие школы и все годы ее существования помогала молодым учителям дельным советом и умением спокойно оценивать ситуацию. Школа открылась на базе сезонного детского сада, который работал на острове только

¹ Дымова Елена Анатольевна, директор школы на о. Кижы в 1993 — 1999 гг.

летом. Его посещали дети музейных сотрудников и местных жителей. С окончанием летнего сезона сад закрывался. Работал он в доме Ананьевой в д. Ямка.

1 сентября 1993 г., во время открытия, здание школы было освящено отцом Тихоном (ныне — епископ Архангельский и Холмогорский), в нее пошли не только первоклассники Вася Варенов, Алиса Лебедь, Саша и Витя Штурмины, но и Саша Кузнецов, Коля Череповецкий, Миша Логинов, которые до этого уже учились в городе, жили у родственников, приезжали к родителям только на каникулы. Коля Штурмин к тому времени тоже закончил первый класс в одной из городских школ. Семья Штурминых переехала жить на остров в 1993 г., и Коля пошел во второй класс.

В начале первого учебного года стала складываться школьная библиотека. Первые книги принес Николай Александрович Соколов, спустя несколько дней — Михаил Васильевич Лопаткин. А на протяжении всего существования кижской школы, ежегодно, огромное количество книг дарил ей Виктор Тумановский. Первый год работы школы был самым трудным. Ставка учителя была выделена всего одна. Все уроки во всех трех классах вел одновременно один человек. Здание школы не было приспособлено для зимнего функционирования: комфортная температура в помещении была только во время оттепелей. В остальное время тепло от печей за ночь уходило сквозь неутепленные стены, а по технике безопасности протапливать печи в детских учреждениях можно было только вечером. В комнате, где занимались дошколята, было немного теплее, но все равно Нине Владимировне Коршуновой, которая работала воспитателем, приходилось проводить с детьми подвижные игры очень часто. Однако, несмотря на эти трудности, уже в первый год работы школы стали проводиться праздники — самый первый — Новогодняя елка — не только для детей и родителей, но и для всех жителей острова. Со временем праздники стали получаться все лучше. Дети набирались опыта, с каждым разом чувствовали себя увереннее, а жители острова, кажется, приходили на такие мероприятия с неподдельной радостью. Наши старания и выносливость были оценены дирекцией музея, и после первого, самого трудного, учебного года. Михаил Васильевич Лопаткин пообещал, что в школе будет обязательно сделан ремонт с утеплением, установкой новых печей и электрообогревателей.

Надо сказать, что роль музея в жизни школы трудно переоценить. По Уставу школы музей как один из учредителей брал на себя всю хозяйственную деятельность. Те, кто помнит начало девяностых го-

дов, должны понимать, насколько тяжелые это были времена, и для музея тоже. Тем не менее школа получала постоянную помощь и поддержку музея. Родители были полностью избавлены от поборов на нужды школы. Музей обеспечивал нас даже тем, что обычно приобретают родители: краски, альбомы, пластилин, ножницы. И самое главное — музей создал для обучения детей не только комфортные бытовые условия, отремонтировав здание, закупив мебель и лучшие на то время школьные доски, но и великолепную материальную базу. Далеко не каждая городская школа могла использовать на уроках аудиоаппаратуру и видеомэгагнитофон. Для проведения уроков музыки был куплен электромзыкальный инструмент. О подобных возможностях тогда могла мечтать не только любая сельская школа, но и большинство городских. Времена были довольно тяжелые. ГУНО выплачивало лишь заработную плату учителям, да и ее задерживали иногда месяца на три.

В 1994 г. в школу пришли первоклассники Валя Тере, Сережа Луговой, Ваня Варенов, Витя Бурков. В следующем, 1995 г. первоклассниками стали Жанна Ильина, Дима Коршунов и Проша Цыпляев. 1995 г. дал новый импульс развитию школы: нам выделили ставку второго учителя, которым стала Татьяна Анатольевна Корчужева. Еще за три недели до начала учебного года учителя не было. Объявления в газете и в обоих вузах Петрозаводска, выпускающих педагогов, не принесли никаких результатов. Двое позвонивших по объявлениям, узнав, что жилье предоставляется неблагоустроенное, все удобства находятся на улице, больше не перезванивали. Поэтому согласию Татьяны Анатольевны остаться работать на острове мы все очень обрадовались.

В тот момент она училась в педагогическом университете, перешла на 5 курс. Ее появление в школе считаю настоящей удачей для нас. С приходом Татьяны Анатольевны преподавание английского языка стало профессиональным. Достаточно сказать, что комиссия, приехавшая зимой 1996 г. на остров, осталась в приятном изумлении от уровня знания языка кижскими детьми, а чуть позже мы провели один из праздников полностью на английском языке. И конечно, работать в малокомплектной школе вдвоем было намного легче и интересней. Татьяна Анатольевна вела во всех классах уроки английского языка, математики и истории, рисование и труд.

Школа была отремонтирована. В ней стало тепло, светло и уютно. Дети радовали своими успехами и необычными подходами к некоторым вопросам. Всем известно, что кижские дети — не совсем обычные. Это неудивительно: на них все оказывало влияние. И остров, с

его необыкновенным настроением, энергией и ощущением удивительной гармонии природного и рукотворного, не может не повлиять на душу человека. Вспоминаются некоторые моменты: Валюшка Тере удивительно хорошо писала творческие работы, особенно сочинения. Позднее она рассказывала — учительница в городской школе не сразу поверила, что это ее собственные работы. Сережа Луговой был очень способным ребенком с отличными памятью и логикой. Миша Логинов схватывал все на лету, понимал с полуслова. Скромный и очень стеснительный Вася Варенов просто поразил нас своей памятью и способностью быстро и безошибочно выполнять в уме математические действия. Витя Бурков с самого начала проявил себя как зрелая личность: в сложных ситуациях никогда не сваливал вину на другого, вел себя как настоящий мужчина, с уважением относился к девочкам и к учителям. И у всех нас он вызывал заслуженное уважение: ему приходилось ежедневно преодолевать расстояние от Волкострова до Кижей и обратно, и далеко не всегда на транспорте. Осенью и весной Витю привозили на катере, зимой — на снегоходе, иногда на лошади с санями. Но ведь случались и оттепели, два раза в год — распута. Тогда Витю водили по льду пешком. После этого надо было садиться за уроки. На Волкострове нет электричества, а тогда у Бурковых не было и дизельной установки. Таким же образом добирался в школу из Жарниково и Проша Цыпляев, пока они с мамой не переехали жить в Ямку. Про каждого нашего ученика можно сказать много хорошего: некоторые отличались хорошими знаниями, если кто-то не блистал учебой — проявлял себя в творчестве, для чего появились хорошие возможности в 1996 г. Нам разрешили обучать детей не до 4, а до 6 класса включительно.

В школу пришли новые сотрудники. Оксана Ивановна Шевелева преподавала рисование, музыку, труд, природоведение, физкультуру. Ирина Вячеславовна Каткова, которая, будучи сотрудником музея, занималась с детьми народными ремеслами — плетением из лозы, ручным ткачеством и фольклором — танцами, играми, обрядовыми песнями. После уроков дети шли домой обедать, а потом с удовольствием возвращались в школу на эти занятия. С приходом Иры и Оксаны праздники, которые проходили в школе, превратились в настоящие представления. Каждая из них была настоящим кладом творческих идей, каждая имела опыт работы с детьми.

Появилась новая традиция — праздновать Масленицу, приглашая не только жителей Кижей, но и детей и учителей сенокубской школы. В начале праздника возили Масленицу по деревне с традиционными заличками и песнями, затем везли к снежной крепости, где

пели, играли. Однажды даже показывали кукольный спектакль, вели бой за снежную крепость. Крепость строилась совместными силами детей, родителей и учителей недалеко от Нарьиной горы. Ее должны были взять штурмом приехавшие гости. Бой проходил весело и довольно быстро заканчивался: все-таки сенокубская школа была девятилетней и ребята были постарше наших. Но никто не оставался в обиде. Сжигали Масленицу, пили чай, веселились. Подготовить тот праздник нам очень помогла Ирина Набокова, специально для этого приехавшая из города на остров.

До закрытия школы в 1999 г. мы проработали втроем. Кроме радости и успехов были огорчения и даже трагедии: весной 1997 г. случился пожар. Дети не пострадали, но все мы долго не могли оправиться от шока. Здание как памятник не пострадало. Но погибло все школьное имущество. Доучивались во временно приспособленном помещении в доме Пертякова, у детей постарше каждый день наворачивались слезы на глаза. Школу все любили, было очень тяжело. Следующий учебный год пришлось провести в двух смежных комнатах на первом этаже дома Мошниковой. В тот год у нас был единственный и последний в истории школы первоклассник — Филипп Луговой.

Последний учебный год — 1998 — 1999 — прошел в отремонтированном здании школы, но большинство детей уже выпустились и продолжали обучение в других школах Петрозаводска и Великой Губы. Мальшей не было. Из Управления образования, проанализировав ситуацию, сообщили, что школу закроют, потому что содержать ее из-за двух детей, остававшихся на 1999 — 2000 учебный год, никто не станет. Таким образом, она просуществовала всего 6 лет, но кажется, что это довольно существенный отрезок нашей жизни, и, наверное, в нашей памяти кижская школа останется навсегда.

Всегда с теплом вспоминаются родители, участвовавшие в жизни школы, помогавшие готовить праздники и решать трудные проблемы. Это Вера Алексеевна Тере, Вера Сергеевна Цыпляева, Екатерина Борисовна Буркова, Нина Владимировна Коршунова, Олег Иванович Варенов, Дмитрий Дмитриевич Луговой. Кроме того, не являясь родителями кижских школьников, нам всегда помогали Андрей Романович Буяло, Людмила Станиславовна Харебова, Владимир Владимирович и Надежда Евгеньевна Шороховы, многие жители острова.

За 6 лет возникало немало непростых ситуаций, справиться с которыми помогали все те, с кем мы работали и дружили, а также человек, благодаря которому это явление — школа на острове Кизи — стало возможным. Директор музея Михаил Лопаткин. Мы до сих

пор благодарны ему за дельные советы, помощь школе и учителям, за данную нам возможность провести на острове несколько лет и сделать что-то интересное. Банальная фраза о том, что при возможности прожить заново какие-то годы не отказался бы ни от одного дня и все повторил бы, здесь будет очень уместна.

Спустя почти 15 лет после открытия школы мы знаем о судьбе ее учеников и радуемся их успехам. Валя Тере успешно учится на историческом факультета ПетрГУ, получает Оксфордскую стипендию. Сережа Луговой учится в МГИМО. Витя и Коля Штурмины, Саша Кузнецов работают в музейном Плотницком центре. Ваня и Вася Вареновы, Жанна Ильина собираются поступать в вуз. Витя Бурков отслужил в армии, собирается получать высшее образование.

Хочется еще раз поблагодарить всех, кто поддерживал школу и помогал ей, делил с нами не только успехи и радости, но и трудные моменты. А ребятам, учившимся на острове Кижы, пожелать успехов, достижения целей, возможностей реализовать свои способности. Мы верим, что все у них сложится хорошо.

2012 г.

НАТАЛЬЯ АРХИПОВА¹

ОДНА НА ВЕСЬ ОСТРОВ...

Светлой памяти Марии Петровны Степановой²

М. П. Степанова. Фото Т. Николукиной, 2006 г.

Взбегаю на высокое крыльцо, дергаю за веревочку (как в сказке!), стучу в дверь и, не дожидаясь ответа, захожу в «фатеру», так Мария Петровна всегда называла свой дом. А на пороге уже стоит хозяйка — маленькая, уютная, милая — «баушка» из заонежской сказки... Всегда с радостью в голосе: «Наташа!» Будто только тебя и ждала. Уверена, что так встречала многих «островных». Обязательно обнимет, даже если ты только вчера с ней виделась! — и проводит в комнату.

— Не стой на пороге, давай раздевайся, чай пить будем.

А мне, как всегда, некогда, начинаю оправдываться:

— Марь Петровна, я на минутку, вы же знаете, у меня дети...

— Подождут твои дети... Что же ты — из пустой избы пойдешь?

¹ Архипова Наталья Анатольевна, зам. начальника отдела «Детский музейный центр» музея «Кижы».

² Мария Петровна Степанова, в девичестве Дедкова, родилась 13 февраля 1927 г. в селе Толвуя Медвежьегорского района. В 1945 г. закончила семилетку. С 1945 по 1948 гг. работала на почте в Толвуе. Четыре г. отработала в Великой Губе в конторе связи, жила в общежитии — там познакомилась с будущим мужем Николаем Ивановичем Степановым (1931 — 1980). Николай Иванович был плотником, лодочным мастером, рыбаком. Был бригадиром плотников-реставраторов, работал с А.В. Ополовниковым. В феврале 1953 г. вышла замуж и переехала на Волкостров. В 1953 — 55 гг. работала налоговым агентом в Кижском и Сенногубском сельсовете. Потом 12 лет проработала почтальоном. 17 лет проработала матросом на кижском причале. С 1987 по 2008 год работала уборщицей в музее. Общий трудовой стаж — 63 г. Умерла 26 июня 2015 г..

«Изба» большого крестьянского дома Пономарева в д. Ямка разделена двумя перегородками на узкую прихожую, аккуратно застеленную дорожками, уютную комнатку и крошечную кухонку с русской печкой. В прихожей, кроме простой вешалки и скамьи у печи, стоит большая железная кровать с никелированными шариками.

Скользнув сквозь цветастые занавески, оказываюсь в комнате, в которой аж четыре окна с двух сторон, и представляю, что на борту корабля, ведь в окнах, как в иллюминаторах, плещется озеро...

Наверное, по этой причине в маленькой комнатке, заставленной мебелью, не тесно — вода и небо как будто раздвигают стены дома.

— Как у вас хорошо, Мария Петровна, чисто... век бы отсюда не ушла...

— Да что ты такое говоришь, грязь кругом... Не могу я, Наташа, силы уходят, разве раньше я бы сидела в такой фатере? Мама, бывало, говорила: Маруся, полы подпахать — это не работа.

На высоком комодe — старинная икона, гордость Марии Петровны. В серванте, похожем на сервант из моего детства, много разнокалиберной посуды — точь-в-точь как у моей бабушки: чайные пары с какими-то невсамделишными цветами, которые появлялись на столе для гостей. На шкафу уместилась «семья» самоваров: один побольше, повместительнее, «глава» семьи, два других — поменьше.

Ненадолго задерживаю взгляд на большой фотографии на стене — Мария Петровна с президентом Путиным.

Спрашиваю:

— Марь Петровна, а когда у вас в гостях Путин был, на каком месте сидел?

Смеется:

— А вот как раз на том, на котором ты любишь сидеть...

Свое место за столом хозяйка никому не уступала...

Вот уже захлопал носиком, задрезжал крышкой чайник — хозяйка наполняла его всегда до самых краев.

На столе появляется вазочка с сахаром и щипчиками для колки сахара, любимая чашка Марии Петровны с небольшой трещинкой, гора конфет и всегда что-нибудь вкусненькое — блины-рядовики с сушеным творогом или шаньги... Все, что пекла Мария Петровна, — вкуса детства...

Хозяйка зорко следит за тем, чтобы чашка наполнялась, радуется, когда угощения исчезают...

— А для меня все равны, что президент, что экскурсоводы, что какие другие гости — никого без чашки чая не отпущу.

Слово за слово, словно узор заонежский вышивает, Мария Петровна рассказывает то, о чем я (и не я одна!) слышала уже не раз — о Мише Ширвиндте, Юрии Лужкове, об итальянке Карине, о Любове Полищук и

о многих других – известных и неизвестных — волею судеб попавших в ее гостеприимный дом.

— Наташа, почему меня все любят? — и Дима Луговой, Ира Подгорная, Надя Медведева, Таня Николокина — ой, да всех разве перечислишь?

И я — в который раз! — ей отвечаю: да потому что вы одна такая на весь остров!

— Да какая я? — протягивает руки вперед — обыкновенная, ничего во мне особенного нет.

А глаза улыбаются...

— Просто люблю я всех...

Слово «люблю» Мария Петровна произносила часто. Может, с возрастом приходит понимание, что ничего более ценного нет?

— Наташа, как я вас всех люблю, — повторяла она.

Сколько людей, обласканных любовью Марии Петровны, выходило из ее дома с ощущением тихой душевной радости, покоя, благодарности, с новой энергией, воодушевлением, с надеждой на то, что все будет хорошо, с откуда не весть взявшимися силами, с уверенностью в себе и с гордостью от знакомства с таким удивительным человеком.

В первые годы работы в музее я часто приводила к Марии Петровне детей, приезжающих на остров в летнюю школу, понимая, что несколько минут, проведенных рядом с нею, лучше любых слов объяснят ребенку, что такое традиционная культура. Особая заонежская речь, естественность и доброта Марии Петровны укутывали, как теплое одеяло, в которое прячешься, когда возвращаешься домой, промерзнув на холодном ветру. «Вот бы мне такую бабушку!» — сколько раз слышала я такие слова от детей, когда мы возвращались от Марии Петровны.

Год назад мы с детьми разных групп устраивали несколько раз в Ямке театрализованную экскурсию «Ожившая деревня». Дети разыгрывали сценки у бани, в доме Березкиной, у мельницы. Мария Петровна играла в этом ландшафтном спектакле главную роль — саму себя. Когда мы пестрой галдящей гурьбой подходили к ее дому, взбудораженные необычным действием, на крутом крыльчке, как на сцене, представала взору Мария Петровна. На детей это производило такое же воздействие, как встреча с легендарным мастером Нестором или со сказительницей Ириной Федосовой. Мгновенно затихнув, как будто только что открылся занавес и представление вот-вот начнется, дети выстраивались возле крыльца.

— Здравствуйте, детишки. Откуда вы приехали? — степенно, не торопясь, задавала вопросы Хозяйка дома.

Дети, сначала робея, потом все более активно, отвечали на вопросы.

Всегда оказывалось, что среди ребят находился кто-то, связанный с Марией Петровной чем-то общим. Однажды наш спектакль затянулся, потому что дети — участники группы — приехали к нам из Толвуи, старинного заонежского села, откуда родом была сама Мария Петровна.

— Мария Петровна, а вы помните...?

— Ой, да будто не знаю... Конечно, знаю... И добавляла еще такие подробности о своих односельчанах, что дети и руководители — учителя Толвуйской школы — только ахали.

— Ну и память у вас, Мария Петровна! Как вам удалось сохранить такую изумительную память?

— Не знаю я, помню, и все тут...

Мария Петровна помнила по именам-отчествам не только своих односельчан, всех сотрудников музея нынешних и того времени, когда она работала в музее... Она помнила всех, кто к ней заезжал в гости, хоть один раз... Сердце у нее было полное любви, душа широкая, а память просто необыкновенная...

— Учитесь хорошо, слушайте старших, а главное — трудитесь, и все у вас будет хорошо...

Дети уходили от Марии Петровны притихшие... Чем проще и искреннее слова, тем короче путь к сердцу ребенка.

Как радовалась Мария Петровна, когда несколько лет назад у дома Ананьева распахали огород, и дети, приезжающие в летнюю школу, под началом старших стали выращивать репу, лук, картофель. Она несколько раз снабжала нас картофелем на посадку, а потом следила, в порядке ли огород. Остановится, бывало, у изгороди, посмотрит на наши заросли:

— Ой, да что это вы, стыдно смотреть на ваш огород... Вот приду я к вам помогать...

— Что вы, Мария Петровна, мы сами...

Тяпки в руки — и на огород, ребяташки — как галки — мигом все сорняки выполют.

Зайдет через некоторое время, взглянет:

— Вот, другое дело, глаза страшатся, а руки-то шевелятся...

У Марии Петровны была поэтическая душа: сколько пословиц, поговорок заонежских узнала я от нее...

— Это все от мамы я услышала, а она от своей мамы... А вот послушай-ка, что я сама придумала: лишь бы было небо синим, зеленой — трава, мне бы воды и хлеба, и я бы счастливой была...

А я тогда задумалась: как мало нужно человеку для счастья...

2015 г.

ГАЛИНА МИХАЙЛОВСКАЯ

**«ВИЖУ ИЩУЩИХ СВЕТ. ЛУЧ КРАСНЫЙ, ЛУЧ СИНИЙ,
ЛУЧ БЕЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ»**

Е. И. Рерих. Криптограммы востока

**А. Т. Яскеляйнен, О. А. Набокова,
С. В. Куликов, Дж. Мидлтон,
И. М. Архипов. Фото 1990 г.**

Те, кто работал в музее в конце 80 – начале 90 гг., могут вспомнить немало интересного. Жили, конечно, бедненько, но было что-то в этой бедной жизни непреодолимо романтическое, честное, и «грошевой уют» наш был неповторим. После брежневского «застоя» мы оказались на гребне исторических перемен. Странно, конечно, но сейчас это уже история, а в те времена — сама жизнь. Вспомнить хотя бы бурю, вызванную обсуждением проектов реставрации Преображенской церкви. Те, кто выступал против того, чтобы разобрать ее и собрать заново, — спасли церковь от уничтожения. И что интересно, с их позицией приходилось считаться. События внутримузеейной жизни отражали общегосударственные, (было дело, и директора избирали всеобщим голосованием),

а иногда и опережали их. Об одном таком эпизоде и хочу рассказать.

Воспоминания — вещь необъективная, кто-то другой из участников этого события может описать его по-своему, не так, как запомнилось мне. Детали уходят из памяти, но остаются впечатления, чувства. Эта история произошла на фольклорном празднике летом 1990 г. Фольклорная группа музея «Кижы» должна была выступать со своей программой и, на правах хозяев праздника, принимать многочисленных гостей — и российских, и зарубежных, а также высокое начальство из Министер-

ства культуры. Наш коллектив, тогда еще абсолютно любительский и совсем юный, возник на энтузиазме, на интересе к северному фольклору, на желании снова запеть, «как бабушки», и донести до людей эту старину. Мы просто жили народной песней, пели, возвращаясь домой в трюме ССП, в застолье, укладывая спать своих детей — может быть, не очень чисто, но с душой. Без преувеличения, эти песни стала частью нашей жизни и большим открытием для нас самих. Репетировали по вечерам после работы, на лужайке пред домом в деревне Жарниково.

Всем известно, что Кизи — это место, где можно встретить самых неожиданных людей. Как сказал один из экскурсоводов, те, кого видишь только на экране телевизора, здесь от тебя — на расстоянии вытянутой руки. Так получилось, что гостил в те дни в Жарниково один колоритный иностранец, звали его Джон. Поскольку Джон приехал из Калифорнии, его немедленно прозвали Джон-американец. Он немножко говорил по-русски, одевался в белую вышитую косоворотку, подпоясанную пояском, носил высокие сапоги и картуз. Джон тесно общался с сотрудниками музея и самым активным образом включился в предпраздничный репетиционный процесс, с азартом разучивая кадрили. Тогда я впервые и услышала это название: «Форт Росс». Чтобы стало понятнее, вспомните прекрасную оперу А. Рыбникова «Юнона и Авось», путешествие графа Рязанова в Америку и его романтическую любовь к дочери губернатора Сан-Франциско. Корабль «Юнона» в 1806 г. под командованием лейтенанта Н. А. Хвостова достиг Америки, а через шесть лет, в далеком 1812 г., на высоком берегу небольшой бухты недалеко от Сан-Франциско был водружен флаг Российской-американской торговой компании — триколор с имперским двуглавым орлом. Так на берегу калифорнийского залива была основана крепость Форт-Росс, русское поселение на американской земле, продовольственная база, торговый пост и центр пушной торговли.

Сегодня Форт-Росс (Fort Ross) — исторический заповедник. Он расположен на Тихоокеанском побережье Калифорнии в 80 км от Сан-Франциско, а Джон Миддлтон, как выяснилось, являлся президентом исторической ассоциации Форга. По сей день заповедник содержится в идеальном порядке, и церковь, и все здания, построенные когда-то россиянами. До сих пор стоят пушки на бастионах 1812 г., в церкви время от времени совершаются богослужения, а в самом форте проходят фольклорные фестивали. Заканчивая это длинное отступление, позволю себе предположить, что идеи фольклорного движения были, безусловно, близки Джону, и в день проведения фольклорного праздника вместе со всеми участниками фольклорной группы он прибыл на место выступления — на поляну между Кижским погостом и домом Ошевнева. Потихоньку стали подтягиваться зрители и гости праздника — фольклорные коллективы: бабушки из заонежский деревень, ансамбли

из других городов России, а кроме того, зарубежные — из Финляндии, Норвегии, Швеции. Начался праздник с торжественного шествия по поляне, одна делегация следовала за другой, зрители приветствовали их аплодисментами. И вот тут мы видим, что и финны, и норвеги, и шведы несут свои государственные флаги, перед каждой группой вышагивает знаменосец. Лично я не припомню, чтобы на предыдущих мероприятиях такого рода какая-либо делегация выступала под государственным флагом, и, конечно, у нас его не было. Глядя на торжественных, исполненных достоинства гостей, как-то неловко вдруг стало, будто это и не мы принимаем у себя на острове фольклорный праздник, а так, стоим в сторонке, как бедные родственники, сарафанчики ситцевые, пошитые в Доме мод, на головах платочки... И тут на авансцену выходит Джон. Не знаю, откуда он вытащил трехцветный флаг с двуглавым орлом, как мне помнится, из-за пазухи, проворно выдернул из косой изгороди жердь потоньше, насадил флаг на это корявое древко и со словами: «Нет, вы пойдете под российским флагом!» — вручил его нашему руководителю Игорю Архипову. Надо сказать, что теперь национальный триколор можно увидеть повсюду, а мы-то жили еще в СССР! До 25 декабря 1991 г. в Российской Федерации сохранялся флаг 1954 г., красный, с синей вертикальной полосой. Появление на общественном мероприятии под имперским флагом было, мягко говоря, поступком неординарным. На какое-то мгновение мы замерли, а потом будто бы удаль какая-то охватила, взяли флаг и двинули вперед. Вот на этой удалой волне и все выступление прошло. А постановление, в соответствии с которым национальным флагом России стал триколор, Верховный Совет РСФСР утвердил только в августе 1991 г., — в дни путча ГКЧП он был поднят над Белым домом в Москве. Но даже тогда с юридической точки зрения новый флаг не был официальным. Положение об этом государственном символе и его цветах были закреплены в Конституции уже в 1993 г. Вот так и получилось, что наша фольклорная группа вышла выступать под триколором, опережая правительственные решения, и, может быть, это было первое выступление на площадке государственного учреждения, которое прошло под новым старым флагом, ставшим впоследствии государственным.

Флаг российско-американской торговой компании, подаренный Джоном Миддлтоном, до сих пор хранится в деревне Жарниково. Иногда его поднимают на флагшток, и флаг развевается над домом, где и по сей день живут некоторые из тех сотрудников музея, которые в 1990 г. вышли на то памятное выступление.

2015 г.

НИКОЛАЙ ОЗОЛИН¹
(при участии Александры Озолиной)

ВОЗВРАЩЕНИЕ МОЛИТВЫ

Отец Николай (Озолин). Фото конца 1990 гг.

1

Осенью 1992 г. я впервые приехал в Петрозаводск и на остров Кижы как турист. Отчетливо помню первое впечатление от Покровского храма: хотя пространство было организовано сугубо как музей, душой я сразу воспринял его как духовное, церковное, но в спящем состоянии. Ничего, кроме ошеломляюще прекрасного иконостаса и древних образов святых на стенах, не напоминало о храме как таковом: не было аналоев, подсвечников, лампад. Тем не менее любая верующая и просто отзывчивая душа не могла не быть взволнована при входе в эту церковь. После, гуляя по острову, неприменительно к себе, но я старался представить, какой была здесь раньше жизнь священника.

В том же году состоялась вторая значимая поездка. Мой отец, священник и профессор Свято-Сергиевского богословского института в Париже, вместе с французским фотожурналистом Оливье Мартелем работали над репортажем для журнала «GEO» о возрождении православных храмов и иконописи в России. Мы приехали в Карелию на три дня на Крестовоздвижение по при-

¹ Протоиерей Николай (Николаевич) Озолин, настоятель Кижского прихода в 1997 — 2010 гг. В настоящее время живет во Франции.

глашению отца Тихона, секретаря епархии, будущего епископа Архангельского и Холмогорского, с которым я прежде учился в Свято-Владимирской духовной академии, в Нью-Йорке.

Директор музея М.В. Лопаткин пригласил нас быть гостями на учредительном собрании Кижского прихода. Тогда в конце сентября 1992 г. произошло юридическое оформление церковной общины, основу которой составили сотрудники музея. Это был исторический день, поскольку речь шла о возрождении православного Кижского прихода в лоне государственного музея. Мы уехали с острова в приподнятом настроении.

Отец Тихон предложил мне остаться в Петрозаводске и трудиться здесь, на благо новообразованной епархии. Мне, выходцу из русской эмиграции, хотелось быть причастным к тому, что происходило в стране, быть полезным. По возвращении в Париж я объявил родителям о своем переезде в Россию. Они были удивлены, но не отговаривали.

В тот период в России происходила смена общественно-государственного устройства; в воздухе витал дух перемен и оптимизма, несмотря на материальные трудности, люди жили надеждой на лучшее будущее. Атмосфера подъема очень сильно чувствовалось и в Русской православной церкви, которая наконец стала частью общества, призванной к тому же играть в нем особую роль.

На Западе искренне интересовались Россией. В русской эмиграции были организованы целые конвои гуманитарной помощи для нуждавшихся соотечественников разных приходов Москвы и Санкт-Петербурга.

Епископ Петрозаводский и Олонецкий Мануил благословил мое служение в своей епархии, и весной 1993 г. меня поставили во главе молодежного православного движения, созданного с тем, чтобы заинтересовать, привлечь к церкви молодых петрозаводчан. Работой с молодежью я занимался до назначения на остров Кижы в 1997 г.

2

Нужно сказать несколько слов о встрече двух миров, о том, как в постсоветской России зарождались и складывались отношения между музейным сообществом и церковью. Эта встреча была хотя и неизбежной, но вынужденной. Сменился государственный строй, идеология, и перед обществом стояла задача одновременно вернуться к истокам и строить новое.

Случай с Кижами замечателен тем, что именно музей стал инициатором возвращения на свою территорию богослужебной жизни. Безусловно, в этом огромная заслуга директора музея тех лет Михаила Васильевича Лопаткина, который смог почувствовать и понять необходимость такого шага.

К середине 1990 гг. он открыл Кижы для церковной жизни.

В 1994 г. имело место значительное событие: на Преображение Господне впервые после длительного перерыва в Покровской церкви была совершена литургия во главе с Владыкой Мануилом.

С середины 1990 гг. для совершения обрядов и таинств на остров приезжал протоиерей Георгий Варга, известный в Петрозаводске, при нем большинство сотрудников музея приняли крещение. Но церковная жизнь все же носила эпизодический характер.

Постепенно встал вопрос о назначении постоянного священнослужителя, который полностью погрузится в музейную среду, примет ее, полюбит остров и сделает сближение между музеем и церковью главным своим делом. Владыка долго искал кандидата. Весной 1997 г. он пригласил меня на беседу и предложил стать настоятелем и взять на себя труд возрождения церковной жизни на Кижском погосте и в окрестностях. Я согласился с радостью. Владыка Архангельский и Холмогорский Тихон рукоположил меня во диаконы в мае 1997 г., два месяца спустя Владыкой Мануилом в Крестовоздвиженском соборе я был рукоположен во священники. Указ о назначении настоятелем Спасо-Преображенской церкви был подписан чуть позже, 15 августа 1997 г.

Я испытывал чувство восторга от того, что буду священником в Кижках, в месте потрясающей красоты, от важности и ответственности миссии, а также от того, что по отношению к церкви была восстановлена историческая справедливость.

Вместе с тем понимал, что впереди очень много работы, прежде всего в налаживании добрых, доверительных отношений, ведь Церковь создается людьми. Население острова и окрестностей было тесно связано с музеем, эти люди жили в Петрозаводске большую часть года, нужно было постараться и найти с ними общий язык.

3

Культура в Советском Союзе, как известно, была идеологическим институтом, призванным способствовать построению нового общества, мировоззрения, человека. О церковных сооружениях рассказывали только с точки зрения их исторической, архитектурной значимости. Вся красота должна была демонстрировать творческий потенциал и талант народа, качества, которые сами по себе не противоречат духовности, а наоборот, сопряжены с ней, но при советской власти разделялись. Религиозная составляющая признавалась, но умалчивалась, о ней не принято было говорить. Акцент делался на народное творчество, фольклор, и все ресурсы музея были направлены на это. Что касается кижских храмов, их подлинного христианского значения для Заонежья, оно не особенно изучалось и раскрывалось. Подразумевалось, что когда-то это были действующие храмы,

что местные жители почитали эти святые, но прямо об этом не говорилось, нужно было догадываться. Тем самым сужалась и неизбежно искажалась реальная полнота картины, масштаб богатства, которое воплощал Кижский ансамбль.

Музейное сообщество всегда сознавало свою высокую миссию. Первостепенная функция музея — законсервировать, сохранить экспонат. Здание церкви, икона, утварь, облачение — элементы материальной культуры, которые должны свидетельствовать об эпохе и помогать разглядеть прошлое. В принципе, в профессиональной музейной философии не предвидится оживление предмета и появление какой-либо посторонней силы, которая его оживит.

В 1980 г., будучи гражданином Франции, я приехал в Советский Союз со студентами, обучавшимися иконописи у моей мамы. Мы остановились на территории монастыря Золотого Кольца России, на тот момент он являлся музеем. Я был поражен одной сценой. Мы осматривали один из залов монастыря, и вдруг в соседний зал пришла группа советских школьников. Там под стеклом было раскрыто древнее, очень красивое Евангелие. Девочка с бантиками в волосах подошла к Евангелию и начала читать его вслух на церковнославянском. Нужно было видеть лица ее сверстников, смотревших на нее в полном изумлении. Девочка владела этим языком, видимо, она была из семьи священнослужителей или каким-то образом соприкасалась с церковной жизнью. Вообразите, ребенок подходит к предмету, который подается как некое прекрасное, но мертвое старинное изделие, и вдруг ее устами оно оживает.

Приход священнослужителя в музей в каком-то смысле соответствует этому образу. Это возвращение живой традиции в родную среду, которая десятилетиями если не была мертва, то спала глубоким сном.

С другой стороны, с точки зрения музея, ситуация выглядела иначе: в его жизнь, культурного форпоста и оплота интеллигенции, вторгалось другое сообщество, малознакомое, не имевшее еще недавно даже социального статуса, долгое время считавшееся маргинальной группой со своей субкультурой, странным внешним обликом, адепты которой бормотали что-то на древнем непонятном языке...

В 1990-е так встретились две, на первый взгляд, абсолютно противоположные культуры, которые, казалось, были обречены на конфликт, во всяком случае, на первых порах.

4

Первая моя встреча в сане с кижанами и сотрудниками музея состоялась в деревне Телятниково, 2 августа, в день Пророка Илии. Она была трогательная, все ощущали небывалый душевный подъем. Сотрудники, директор, все вместе мы приплыли на корабле и многочисленных лодках

к берегу деревни, где местные жители встретили нас хлебом-солью. На месте уничтоженной часовни плотниками музея был поставлен памятный крест. Здесь прошел праздничный молебен Пророку Илие, мое первое богослужение. Тепло, которое мне подарили в этот день, дало заряд и силы начинать послушание с энтузиазмом и уверенностью, что присутствие священнослужителя нужно на земле Заонежья. Впоследствии каждое 2 августа в Телятниково совершался молебен.

Затем нужно было приступить к подготовке престольного праздника Преображенской церкви. Приходское празднование Преображения Господня состоялось впервые с 1937 г., когда был арестован мой далекий предшественник, кижский священник отец Алексей Петухов. 18 августа была совершена всенощная служба, 19 августа — торжественная литургия. Этот день был объявлен директором музея Днем Кижской волости.

Оставшимся летним временем я воспользовался, чтобы познакомиться с населением и окрестностями. Встречали радушно. Передо мной открывался бесконечный край бесподобной красоты и, конечно, непочатый край трудов. Я радовался перспективам и восхищался гармонией, тишиной, спокойным величием и аутентичным ландшафтом этих мест.

Первостепенные задачи состояли в формировании прихода и налаживании богослужebной жизни. Жизнь прихода разделялась на зимний и летний период, это совпадало с расписанием музея. Свято-Духовская церковь в городе была открыта с первого воскресенья после Покрова до Дня Святого Духа. С Духова дня до Покрова был летний период, организованный на острове. Островной период был для нас главным: мы ждали лета.

Полноценная церковная жизнь на острове включала часовенные праздники в островных деревнях Кижского ожерелья. Там стоят изумительной красоты часовни, а сами деревни, как правило, насчитывают несколько жилых домов.

7 июля — Рождество Иоанна Предтечи в Леликово, 12 июля, в день Петра и Павла, была служба на Волкострове, 28 июля, в честь Кирика и Улиты, в деревне Воробьи (впоследствии футбольной столицы Заонежья), 2 августа, праздник пророка Илии, в Телятниково. 19 августа отмечался престольный праздник Преображения Господня, 28 августа — Успение Пресвятой Богородицы в деревне Васильево, в часовне рядом с приходским домом. Последняя служба летнего сезона на острове проходила в престольный праздник Покрова Богородицы, 14 октября.

5

Начинали скромно. Поддержка священноначалия, конечно, ощущалась. Но, думаю, мои начинания многими рассматривались как некий эксперимент. Тем не менее настрой у меня был серьезный.

Наверное, Божий промысел состоял в том, что музейные сотрудники в большинстве были внутренне готовы к тому, чтобы в Кижях появился священник. Конечно, каждый имел свое представление о том, как это следует устроить. Некоторые, может быть, воспринимали наличие священнослужителя как дань моде. Кто-то сомневался, выдержу ли я.

Но дело собирало людей, многие сотрудники испытывали настоящий, искренний интерес к новой главе жизни музея. Мне предстояло объединить людей доброй воли, предложить каждому какое-либо дело и вместе с ними осуществлять церковную жизнь.

Очень быстро музей открылся мне как особый мир знающих, опытных, преданных своему делу людей, в большинстве подвижников, которые на целых полгода оставляли удобное городское существование и погружались в мир российской глубинки.

Лично для меня отказ от городского комфорта не был самым трудным испытанием. Возможно, некоторым казалось, что молодой человек, который вырос в Париже, не выживет в российской деревне. Но как раз тут была самая легкая часть, потому что все каникулы я проводил в молодежном православном лагере в Альпах. То есть с детства вел судьбоносную подготовку к такому образу жизни.

Впрочем, даже эта, достаточно аскетичная жизнь сельского прихода требовала организации.

По решению М. В. Лопаткина летом 1997 г., в конце сезона, приход обрел на острове свой дом. Помню, словно это было вчера, как, гуляя поутру, набрел на большой «дом крестьянина-средняка», стоявший на берегу, в деревне Васильево (научной деревне музея), робко постучал, вошел и увидел то, что осталось в душе навсегда – озеро в окошках, и пришло волшебное ощущение, что мы на корабле. Про себя подумал: как хорошо было бы, если бы этот дом стал приходским! Чудо произошло, музейные сотрудники передали нам этот дом, следующее лето мы жили уже в нем.

6

Тем временем обустройства требовали оба возрождавшихся храма: Покровская церковь на острове и городская зимняя церковь Святого Животворящего Духа. Свято-Духовская церковь, возведенная в квартале исторической застройки Петрозаводска по распоряжению тогдашнего министра культуры Карелии О. А. Белонучкина на месте старой часовни земской больницы, начала действовать еще до моего назначения. Она находилась на балансе музея. Хорошо помню ход ее строительства, свое восхищение плотницким трудом. В этом маленьком храме не было никакого убранства, на стенах висели бумажные иконы. Но, к сожалению, она не обогревалась, и первую зиму 1997 — 98 гг. мы едва выстояли из-за холода.

В это же время у меня появилось особое послушание при родильном доме №1 в Петрозаводске, в котором была открыта православная часовня. Это особая страница моей священнической жизни, очень много мне подарившая и в области пасторского опыта ставшая чрезвычайно важной для меня. Среди прочего помню, как посещал палаты будущих рожениц, и мы вместе выбирали имена новорожденным.

7

Дмитрий Луговой, занявший в 1998-м на один год пост директора музея, пришел на помощь приходу. Он распорядился провести отопление в Свято-Духовской церкви, за что получил выговор от министерства культуры Карелии. Но без преувеличения можно сказать, что в материальной плоскости Д. Луговой спас тогда приходскую жизнь городской Свято-Духовской церкви.

Обретение дома на острове и проведение отопления в городском храме — сейчас в этих событиях можно увидеть зарождение доброго, плодотворного сотрудничества музея и церкви. Притом что в стране между светскими и духовными учреждениями шла борьба буквально за каждый метр.

Эти совместные решения помогли поставить на рельсы церковное дело в Кижях.

На Крещение 19 января 1998 г. я прибыл на остров на вертолете, впервые сотворил там Иордан, освящение воды. В первый и последний раз сам погрузился в ледяную воду, у знакомого, вблизи Кижей.

В марте 1998 г., во время Великого Поста, из Парижа приехала съемочная группа, которая снимала фильм о православных местах мирового значения. Кижы оказались включены в этот почетный список самых ценных объектов мирового православия.

Фильм «Молчание ангелов» демонстрировался на общеевропейском канале *Arte*. Среди прочих там были такие кадры: белый пустынный пейзаж, Кижы, окутанные чистым снегом, а затем появлялась пустыня в Сирии, где на руинах разоренного древнехристианского собора псаломщик пел на арабском стихи царских часов Великие Пятницы.

Лето 1998 г. стало первым летом возрожденных часовенных праздников. Приехал из Москвы известный священник и мой друг, отец Александр Салтыков с матушкой, привез в помощь нескольких крепких молодых людей. Большие комнаты нашего дома еще были пустыми, мы спали прямо на полу избы, а батюшка и матушка в светелке, тоже на полу.

Тогда же на Волкострове была построена ладья, освященная на часовенный праздник Петра и Павла, ее окрестили «Фавором», в честь горы, где преобразился Господь. С этой лодкой очень многое связано. Ладья помогала приходу во всем: в перевозке людей, вещей, на ней ездили на рыбалку.

В 1999 г. музей возглавила Эльвира Валентиновна Аверьянова. Еще в бытность свою ученым секретарем музея она приняла деятельное участие в том, чтобы придать городскому храму подобающий церковный вид.

У меня сложились дружеские отношения с иконописной мастерской при Санкт-Петербургской духовной академии. Эльвира Валентиновна нашла мецената, и уже зимой 1998 г. были написаны две первые иконы (Нерукотворный Спас и Знамение Богородицы) для иконостаса Свято-Духовской церкви. По стечению обстоятельств, в год дефолта началось благоустройство нашей церкви.

Под руководством Э. В. Аверьяновой музей открыл новую главу своей истории, он стал объектом всероссийского значения, приобрел федеральный статус. Музей-заповедник стал интенсивно развиваться и раскрывать свой потенциал другими темпами.

Речь идет не только о масштабной реставрации памятников в Заонежье – музей стал прирастать зданиями в городе. В частности, было восстановлено административное здание в самом центре Петрозаводска.

Э. В. Аверьянова считала своим долгом развивать отношения с приходом. Так совпало, что она стала директором в преддверии важной даты для всего христианского мира, незадолго до 2000-летия Рождества Христова.

Конечно, Кижский погост не мог остаться непричастным к торжествам, приуроченным к этой знаменательной дате.

На освящение недавно восстановленного кафедрального собора Александра Невского в Петрозаводск прибыл Патриарх Всея Руси Алексей II. Также Святейший Патриарх придал большую важность первосвятительскому визиту на Кижы, который состоялся 4 июня 2000 г. В этот день на острове была совершена первая в его истории патриаршая служба. И конечно, своим присутствием Алексей II благословил все плодотворные совместные начинания музея-заповедника и прихода, убедительно демонстрирующие возможность добрых отношений между государственным учреждением культуры и Русской православной церковью. В тот же день по окончании Патриаршей службы в Покровской церкви Кижского погоста Его Святейшество наградил нескольких сотрудников музея за их заслуги в деле церковного возрождения на острове.

Хорошо известна любовь патриарха Алексея II к острову Валаам, его особое отношение к Соловецкому монастырю. Но если эти острова были монастырскими, то третий остров — Кижы, украшенный архитектурным ансамблем, – являл образ сельской христианской жизни на Русском Севере.

Святейший провел на острове целый день. Сообща с музеем мы постарались сделать все, чтобы достойно встретить нашего Предстоятеля.

Визит Алексия II оказался судьбоносным для прихода, как и последующее посещение Кижей новоизбранным президентом страны Владимиром Путиным.

9

В 2000 г., с приездом глав церкви и государства на Кизи, изменилась жизнь и музея, и прихода. Можно сказать, первые лица своим вниманием подчеркнули важность сотрудничества и взаимопонимания между музейным учреждением и православной церковью.

И коль у нас на острове такое сотрудничество уже было налажено, оно привлекло пристальное внимание из столицы, где наш опыт оценили положительно и посчитали необходимым его развивать. Столь высокое внимание не преследовало сиюминутную или конъюнктурную цель, оно носило совершенно другой характер, давало импульс, указывающий, как должны выстраиваться отношения между музеем и церковью, с тем чтобы каждая сторона выполняла свою роль, удовлетворяя широкий спектр духовных, интеллектуальных, эстетических запросов посещающих Кизи людей.

Важно было понимать тогда и сегодня, что Кизи навсегда останутся музеем, и на это есть объективные причины.

Музейная отрасль в любой стране является убыточной, и она всегда поддерживается государством. На сегодня храмы и часовни Кижского ожерелья находятся на попечении государства. Не следует забывать, что храмовая жизнь создается верующими людьми, народом Божиим. После всех трагических событий XX в. население Кижей и окрестностей оскудело. Храмам сохранила жизнь именно музейная деятельность.

Поэтому сегодня миссия церкви — быть в сорабочестве с музеем. Очевидно, что усилия, которые имели место все эти годы, доказывают, что взаимодополняющее сосуществование возможно и не только соответствует общей картине духовного возрождения страны, но локально важно для местных жителей, которые сегодня возвращаются, хотя бы на лето, в окрестности Кижей, и хотят участвовать в церковной жизни.

2015 г.

БОРИС ЩЕДРИНСКИЙ¹

ИЗ ЗАПИСОК СМОТРИТЕЛЯ

ПРО ПТИЦ

Сколько уже лет приезжаю на Остров, но никогда не обращал внимания на птиц. А в этот раз они меня просто обворожили. Вот некоторые размышления по этому поводу.

Птица любимая. Это, конечно, ласточки. В «Доме Сергеева», где я работаю, под крышей свили свои гнёзда два семейства ласточек. До чего интересно наблюдать, как они целыми днями трудятся, вылетая из дома через ворота сеного сарая и влетая в дом с прокормом для своих птенцов. Сверху слышен был писк малышей, ненасытных и жаждущих пищи. А недавно повзрослевшие птенцы делали свои первые вылеты. Маленькие еще, но уже храбро пытаются летать. Уморительно смотреть, как они прилетают с улицы, а мамаша или папаша (не знаю) не пускают их в гнездо. Птенец подлетает: «Пустите посидеть, отдохнуть, а взрослые, крылья в боки, не пускают, приговаривая: «Нечего бездельничать, летайте и ищите мошек». Ласточка — птица красивейшая и обворожительная в полёте. Даже птенцы-неумёхи.

Птица умная, сообразительная и хитрая. К нам стали прилетать галки. Птица вся в черном оперении, головка почти вся серая, мордочка черная, а глаза мне показалось, серо-зеленоватые, умные и хитрющие. Прилетят, сядут на поручень взвоза сеного сарая и ждут. Первый раз прилетела одна птица. Села и смотрит на нас, на меня и на мою напарницу Елену. У нас перекус. Смотрела, смотрела и высмотрела. Елена дала её немного хлебца. И все. С этого времени два наши перекуса (до обеда и в полдник) не обходятся без гостей. Прилетают, как можно понять, целым семейством. Самая первая, видно, им поведала: «Летим к дому, там люди добрые, без куска не оставят». Так и есть. Самое интересное, как точно они знают время нашего перекуса. И глаза — хитрющие, но умные. Одним словом — галка.

Птица перелётная. Сидим в курилке, ждем корабль (ССП), который должен доставить нас домой после работы. Разговариваем. Замечаем невдалеке в траве странную птицу. Вроде утка, да не похожа. Головка маленькая черная, шея длинная, явно не утиная. Орнитологи из Карельского центра РАН, которые работали на Острове, определили этих птиц как канадский гусь или казарка канадская. Интересная птица-красавица. Перелетная. К нам, скорее всего, залетела с севера Скандинавии, где частично обитает.

¹ Щедринский Борис Насонович, внештатный экскурсовод, смотритель музея «Кижы» в 1988 — 2015 гг.

Птица помойная. Как я в детстве любил чаек. Сколько мною было спето: «Чайка крыльями машет, За собой нас завет. Пионеры, друзья и товарищи наши Собираются в дальний поход». А сейчас на Острове более наглых, крикливых и помойных птиц не видел. Речники и моряки прозвали чаек «помойниками». И поделом. Идет корабль в Кижы — за ним стаи птиц, подбирают то, что туристы и корабельная обслуга выкидывает за борт. Чистишь рыбу, нагло из-под рук выхватывают у тебя требуху, а то еще норовят и кусок рыбы отхватить, да тебя же ещё в руку и клонуть. Успевай только отбиваться. Птица прожорливая и наглая. И все же сердце действительно замирает, когда видишь в небе неподвижную чайку, летящую против ветра. Красиво. И вот еще что интересно. Все годы моего пребывания в Кижях почти никогда не видел, чтобы кресты на Преображенке и Покровке не были без сидящих на них чаек. Сидят гордо и любят окрестностями. Фотографы ругались: нет возможности сделать нормальные фотографии. А сейчас как будто отрезало — ни одной чайки. Почему? Непонятно.

Птицы разные. Сколько еще красивых птиц на Острове! Белоголовая сорока, нервно пересекающая пространство с хвостом-веером, трясогузка, смешно бегающая, перебирая ногами, по дорожкам. И, конечно, утки. Их много. Одна идет по мосткам, смешно переваливаясь с бока на бок. Ну точь-в-точь как Матрена из фильма «Женитьба Бальзамина». Забавно.

Говорят же про Кижы, что это «страна непуганых птиц». И это правда. Птицы рядом, но только если ты не турист, временно присутствующий на Острове, а живешь постоянно с ними рядом. Они хозяева — ты гость.

ПРО СЕРЕГУ

Серега — это галка. До сих пор так и не знаю: он или она. Вроде бы молодая птица и она, но все равно «Серега», так как имя он или она получил(а) потому, что ежедневно прилетает к нам в «доме крестьянина Сергеева», как написано на музейной табличке при входе. Галка — птица умная, сообразительная и хитрая. Пришлось ещё раз в этом убедиться, когда появился Серега, разогнав своих сородичей-галок, сорок и голубей. Видно понял, что одному и проще, и сытнее. Прикормила его смотрительница Елена, а теперь уже по-наглому он считает, что кормить его не только должны, но и обязаны все — и я с Еленой, и мастер-лодочник Володя, и туристы. Сделает такую умильную морду. Клюв набок, глаза зорко смотрят на человека — так и кажется, сейчас скажет: «Ну что вам жалко, я с утра голодный. Подайте». Сам же только недавно съел, никого не подпуская, целую горку гречки с мясом, которую ему дали. Я знал, что галок можно приручить, но так быстро — и представить себе не мог. И еще. Не думал, что когда-нибудь смогу

отличить «свою» птицу от других, но Серегу не узнать нельзя. Всегда слегка потрепанный, с белыми маленькими пятнышками на боку и умильно-нахальной птичьей мордой. Одним словом — «Серёга». Кормит его Елена, и только у нее он ест с руки, к остальным относится настороженно. Он и на лету кусочек схватит. И если скомандовать: «На поручень», вскочит на поручень взвоза и ждет долгожданный кусок, при этом умудряется ещё отогнать непрошенных гостей. Кормим его из пластмассовой коробки. А недавно наблюдали, как он пытался сам достать кусочек хлеба, оставшейся в коробочке. Он и лапкой ее придерживал, и клювом пытался открыть крышку, и пинал ее, а потом сбросил вниз и долго внимательно смотрел сверху, не откроется ли она. В общем, цирк! После еды он, наклонив голову и водя ее одним и другим боком о дощечку, тщательно вытирает клюв. С Серёгой не соскучишься. Как-то утром открываем дом, идем на сенной сарай, чтобы открыть ворота, и видим «картину маслом». Серёга сидит на носу нашей берестяной лодки-кайка наподобие скульптуры греческой триеры или дракона на викингском дракаре. Как он попал в дом под сигнализацией и сколько там провел время, так и осталось загадкой. Когда уехала Елена, Серёгина кормилица, он не появлялся несколько дней. Думали, все отлетела наша птица. Ан, нет — появился и опять принялся за свое нам его кормить, а туристам фотографировать. При этом они его снимают и спрашивают нас: «Он у вас ручной?». А как им ответишь. Вроде да, а вроде и нет. Хотя кто его, Серегу, знает — может, не мы его, а, скорее всего, он нас приручил. Так и живем пока: то ли он при нас, то ли мы при нём. Как писал раньше, птицы — хозяйка на Острове, мы — гости.

ПРО НЕБО И ОБЛАКА

Воспоминания из детства. Маленький мальчик в санатории. Тихий час. Спать не хочется, да и кто из нас любил спать в тихий час. Кроватка мальчика у окна. Он смотрит на небо и перед ним проплывают необыкновенные облака. Облако-верблюд, облако-птица, облако-медведь — всё это привлекает и завораживает. Мальчик вырастает, живет в городе, посещает города в разных странах мира и почти не замечает неба с облаками, раскинувшегося над ним. А если и глянет на небо, то только для того, чтобы узнать, будет ли снег или нет, полет ли дождь, будет ли день жарким. Да и до неба ли в суетной Москве, небоскребом Нью-Йорке, жарком Тель-Авиве, тихом Хельсинки — глаз упирается в дома повыше, дома пониже, голову поднять некогда.

Небо-купол. И вот ты в который раз приезжаешь на Остров, и вдруг перед тобой раскрывается купол неба. Впервые? Разве раньше его не было? «Суета молодости» — было не до него.

Небо над Кижами — это нечто особенное. Стоишь, и от горизонта до горизонта с севера на юг, с запада на восток — огромный купол,

или полный облаков, или чистого «небесного цвета». Ощущаешь себя маленькой частичкой Божественного мира. Стоишь на самой высокой точке Острова и испытываешь чувство восторга и видишь над собой небо, полное необыкновенных облаков, проплывающих над тобой и уходящих за горизонт.

Облака. Это еще одно чудо, подаренное тебе Божественным небом. Можно увидеть «библейские» облака, окрашенные розовато-пепельным цветом с легким голубым оттенком в солнечных лучах, как на картинах мастеров Возрождения. Облака — это ещё и необыкновенное зрелище для фантазий. Маленький мальчик живёт во взрослом человеке, и причудливость облаков — хорошая пища для воображения. Конечно, это банально, искать в очертании облаков диковинных животных или каких-то фантастических существ, но чем больше смотришь на небо, тем больше хочется находить эти необыкновенные картины. Но вот проходит день-два, и вдруг на западе, на горизонте, предстает перед тобой нечто невероятное. Ты уже не на Онеге, не в Кижях, а где-то в предгорьях Кавказа, и перед тобой не протока озера, а широкая река, за ней тёмный лес, а далее — вот чудо! — Кавказские горы с пиками вершин, горы большие и малые, освещённые солнцем — всю эту картину создали причудливые облака. А как прекрасно отражение высоких небесных облаков в озере. Что мы вообще знаем об облаках? Из школьных знаний: облака бывают перистые и кучевые. Одни высоко в небе, другие ближе к земле. Увидеть же, как тень от верхних облаков ложится на нижние, и всё это белое великолепие окрашено голубым цветом в лучах солнца, — картина повседневной жизни в Кижях.

Цвет неба. На Острове все окрашено небесным цветом. Небесным — необязательно голубым. Сегодня в озере отражается голубое небо. Ближний лес у берега еще зеленоватый, а дальний «таежный» цвета от голубого до темно-синего. Но вот в Кижях непогода, и все уже окрашено в серый мрачный цвет: и озеро, и лес — всё окутано серой осенней дымкой, и только ближний, у кромки озера, лес с лёгким зеленоватым оттенком. Здесь на Острове все обретает цвет неба. Какая-то завораживающая красота!

Небо. Полярное сияние. Много лет назад осенью в конце сезона живем в поселке сотрудников Жарниково. Нас осталось немного. Вечером после работы топим печи, ужинаем и уже готовимся ко сну. Завтра последний рабочий день в Кижях и отъезд. Вдруг кто-то зовет всех на улицу. Выходить не хочется: холодно, на мостках изморозь. Но то, что увидели, — невероятно. Северное полярное сияние. Классическое, прямо по учебнику Ломоносова. Вертикальные сполохи переливались всеми цветами радуги. Зрелище космическое. Дух захватывает. Забываешь обо всем. Где ты? Что с тобой и что это всего лишь временное явление природы. Через несколько лет там же в начале ноября снова

посчастливилось увидеть полярное сияние, но уже совершенно другое. Как будто кто-то за горизонтом подбрасывал хлопья снега. Они закрывали полнеба, и по ним переливались разноцветные полосы и похожие на салют искры. И все это на небе. Кижском небе, которому благодарен за этот невиданный подарок.

Небо. Закат-восход. А вот какую загадку загадало мне небо над Островом. Вечер. Выходишь погулять и поразмыслить на дальний причал. Солнце на закате и мягко уходит за горизонт. Там запад. Часа в четыре утра преодолеваешь себя и выходишь полюбоваться восходом. И знаешь, что солнце должно подниматься на противоположном конце горизонта, на востоке. Что за чудеса? Видишь, как оно восходит чуть правее того места, где совсем недавно заходило. Солнце, чуть зайдя за горизонт, через пару часов уже поднимается недалеко от закатного места. А вот ещё маленькое чудо. Бывает и такое. Заходит солнце у горизонта, и место заката темно и непроглядно, но лучи его пробиваются сквозь тучи и освещают восточную часть неба. Где кончается день — темно, а где уже вроде ночь — светло. Это Север. Это Карелия. Это Кижы. Белые ночи.

Маленький мальчик смотрит на небо и не знает, что когда-нибудь через много-много лет уже взрослым человеком он будет очарован небом и облаками на далёком от Подмосковья острове Кижы.

ПРО ПАРОХОДЫ

*Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный...*
О. Мандельштам. 1915.

Никогда не думал, что по именам кораблей («бороздящие водные просторы нашей Родины» — клише советских журналистов) можно получить представление о стране.

Особенно заметно пристрастие у нашего — раньше государственного, а ныне частного — корабельного начальства к именам писателей и поэтов. Из 48 судов, прибывающих на Остров, 16 — это имена, прославивших или не очень российскую литературу. И не важно, гений это (Пушкин, Чайковский, Толстой, Чехов) или сочинители, о которых знают только, что писали они на морскую (Соболев) или революционную (Фурманов) тематику. И вот что интересно. Публика иностранная приплывает на судах с мировыми именами, а наши родные российские туристы — на кораблях попроще. Речное начальство хорошо знает свое дело. Вот, правда, не повезло Александру Грибоедову и Юрию Никулину. Теплоходов с такими именами больше нет, а плавают (речники и моряки говорят «ходят») теперь

вместо них «Княжна Виктория» и «Солнечный город». Долго искал в Интернете, кто такая эта княжна и с большим трудом нашел — малоизвестная и абсолютно неинтересная особа. А второе название вообще непонятно откуда взялось. Жаль, и тот, и другой очень симпатичные люди, если не сказать гении.

Есть среди теплоходов, приходящих на Остров, несколько кораблей с именами бывших руководителей ушедшей в небытие страны («Леонид Красин», «Максим Литвинов», «Георгий Чичерин»). И, конечно, «Ленин», ну куда ж без него. Мало кто знает, что когда-то это был не простой круизный лайнер, а литерный (наподобие 200 секции ГУМа — только для избранных), и таким он много лет назад приходил в Кижы, привозя высокопоставленных чиновников. И вот, поди ж ты, как ни в чём не бывало почти 40 лет плавает, и ничего ему не сделается. Вот она, сила революционного духа! А главное, люди — а это большей частью российские туристы, осматривая города и села, даже, наверное, не очень задумываются о названии своего судна. Ну что ж, людей можно понять: им нужен комфорт. Интересно, а на этом корабле есть Ленинская комната и проводятся ли политзанятия? Надо бы узнать. Есть еще судно с именем основателя пролетарского учения — «Карл Маркс», в отличие от «Ленина» всего трёхпалубник. Провёл мини-опрос среди посетителей моего дома Сергеева, кто такой Карл Маркс. Внятно смогли ответить только несколько человек старшего поколения. Кто-то говорил, что это математик, кто-то — путешественник и т. п.

Поражает страсть наших владельцев теплоходов к их переименованию. Особенно за последние десятилетия. Насколько мне известно, существует морской и речной регистры, в которые заносятся имена судов, их типы, номера и имена, которые даются навечно. Чтобы переименовать, нужно очень веское основание, и, по-моему, это долгая работа. Правда, судя по тому, что творится на наших российских реках, дело это пустяковое и зависит только от кошелька. Конечно, делается это в угоду зарубежным турфирмам. Известно, кто платит, тот заказывает музыку, в данном случае имя. Может быть, я не прав и отстал от жизни?

В этом году впервые увидел теплоходы с совсем уж экзотическими для России именами: «Викинг Трувор», «Викинг Ингвар» и «Викинг Акун». Сплошные викинги. А куда же делся викинг Рюрик? Тем более есть мнение, что викинга Трувора (верная дружина), как и Синеуса (свой дом, община), вообще не существовало, а Рюрик все же основатель династии. Объясняется все очень просто. Пароходы эти плавают от компании Viking River Cruises, и та, ничтоже сумняшеся, переименовала «Маршала Кошевого» в «Викинг Акун»,

«Наркома Пахомова» в «Викинг Ингвар», а «Сергея Кирова» в «Викинг Трувор». Да, не повезло маршалу, наркому и Миронычу — были членами ЦК и даже Политбюро, а стали викингами.

А вот еще необычное, а главное, «грамотно» звучащее имя — «Волга Дрим». Название главной реки России с абсолютно неблагозвучным для российского уха словом «дрим». И ничего, плавает, бороздит, как говорится, просторы.

Немного о патриотизме. Часто приплывает на Остров теплоход с названием «Русь», но этого кому-то показалось мало. И вот появился и ходит по тому же маршруту еще один с похожим названием, но уже «Русь Великая» (бывший «Генерал Ватутин»). Чего уж церемониться с генералом, если маршалов из названий выкидывают. Представляю европейские суда, например, с названиями «Британия Великая», «Галлия Великая» или «Пруссия Великая» — звучит! А может быть, дело в другом, и по российским рекам уже давно ходят суда с названиями «Русь Малая» (правда, сейчас вряд ли) и «Русь Белая».

Среди судов есть и своеобразный рекордсмен не только по долгожительству (с 1956 г.), но и по переименованию. Это теплоход «Очарованный странник» (он же «Андрей Вышинский» до 1961 г., потом «Тарас Шевченко» до 1981 г., после «Сергей Кучкин» до 1999 г., далее опять «Тарас Шевченко»). И только в 2002 г. он обрел и по сей день носит своё нынешнее благозвучное и никого не смущающее имя. У кижан об этом судне остались самые теплые воспоминания, так как именно на нем в 90-е не очень сытые годы можно было для своих малолетних детей купить масло, сыр и колбасу, которые по заказу привозились для сотрудников музея.

Ну и напоследок, корабль — любимец речников «Зосима Шашков». Сколько помню, этот теплоход всегда с самого начала вызывал восхищение своим видом и красиво звучащим названием, хотя сам Зосима Шашков — с начальным церковно-приходским образованием, выдвигенец партии в 30-е гг., прошедший путь от бакенщика до министра — личность весьма спорная. Но каков вид судна и каково имя! Загляденье.

Это малая часть кораблей, «бороздящих водные просторы Родины». Какие же еще названия носят российские пароходы? «Иосиф Сталин», «Феликс Дзержинский», «Яков Свердлов»? А может быть, уже появились «Альфред Шнитке», «Егор Гайдар», «Галина Старовойтова»?

Интересно, а какие корабли и под какими названиями плавают в Европе по Рейну и Дунаю, в Штатах по Миссисипи и Миссури?

Май — сентябрь 2015 г.

Смотрители музея: А. К. Елизарова, А. М. Воронина, А. В. Мошникова.
О. Кижы. Фото Л. Я. Якшиной. 1967 г.

Реставратор И. М. Гурвич. О. Кижы. Фото Л. Я. Якшиной. 1970-е гг.

Субботник по подготовке к летнему сезону. О. Кижы. Фото 1970 г.

Сотрудники музея на взвозе дома Сергеева. Задний план слева направо —
М. А. Витухновская, О. А. Набокова, Л. Я. Якшина с сыном.
Фото второй пол. 1970 г.

Внештатные экскурсоводы музея. Слева направо: Т. Кобылко, Л. Лопаткина, четвертая — шестая — Т. Логинова, Т. Никулина, Н. Демусева. Фото 1970 гт.

Внештатные экскурсоводы музея «Кижь». Слева направо: Вера Щемелева, Людмила Федотова, Наталья Гусарова, Елена Арутюнова, Марина Попова, Регина Калашникова, Татьяна Никулина. Фото первой половины 1970 гт.

Сотрудники музея-заповедника «Кижь»: слева направо стоят — Г. Ю. Бурканов, В. А. Гущина, О. А. Набокова, Л. Я. Якшина, сидят — В. А. Солонен, Л. В. Лопаткина (Шилова), Л. И. Гурвич (Федотова).
Фото 1979 — начала 1980 гг.

Фольклорная группа музея «Кижь» в поселке Ламбасручей с участниками местного фольклорного коллектива. Фото 1991 г.

Е. И. и А. Т. Яскейнены, справа — Л. В. Трифонова.
О. Кижы. Фото 1987 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Галина Михайловская Кижж: взгляд из окна методического кабинета.....	5
Вера Брюсова Кижские фрагменты.....	8
Виола Гущина Фриз с серафимами.....	12
Раиса Каталкина Дело всей жизни.....	15
Раиса Каталкина О Кижжах и не только. Листая страницы истории.....	20
Мюд Мечев Вот ты какой!.....	25
Владимир Крохин Из воспоминаний.....	26
Владимир Максимов Генетика мастерства.....	27
Юрий Смирнов Полузабытые эпизоды из истории Кижского острова.....	28
Борис Моталёв Воспоминания о Кижжах.....	32
Николай Воробьев Начало музея (Кижский отдел).....	37
Николай Долголенко Первые годы.....	47
Борис Гущин «Во сколько вы оцените всю Россию?!».....	53
Борис Гущин Вспоминая Кузьмича.....	55
Татьяна Николюкина Тихоныч. Первый наставник (по воспоминаниям родных и коллег).....	58
Марина Куликова Кижские каникулы.....	63
Игорь Пищик Рассекая волны.....	68
Борис Гущин Первый год в Кижжах.....	76
Виола Гущина Мы хотим объять необъятное и верим, что это возможно.....	80
Анатолий Лопуха Лето. Кижж. 1968 год.....	84
Александр Фролов Мои Кижж конца шестидесятых.....	86
Валерий Коробейников Как Николай Анисимович Щелоков помог острову.....	106
Борис Гущин Савелий — Савва. Каким его помню.....	109
Борис Гущин Пропавшая икона.....	117
Николай Кутьков Островок в судьбе.....	120
Людмила Трифонова Романтика семидесятых.....	126
Татьяна Агаркова Водили мы экскурсии по острову Кижж.....	128
Татьяна Вахрамеева «Как молоды мы были...», или о времени вхождения в профессию на о. Кижж.....	132

Вилхо Ниemi Отрывочные воспоминания экс-губернатора о. Кижы.....	140
Сергей Куликов Вилхо — губернатор славного острова.....	149
Борис Гуцин Мой любимый американец.....	154
Владимир Боровков Мои воспоминания о Кижях.....	158
Борис Гуцин Первый в СССР, или Зеленая улица и закрытые семафоры.....	162
Галина Фролова Кижы изменили мою жизнь.....	166
Наталья Вербовская Остров Кижы — мой счастливый сон.....	170
Вячеслав Агапитов Кижы — любовь моя.....	173
Юрий Суворов Мои воспоминания об острове Кижы.....	175
Наталья Мельникова Здравствуй, я ваш экскурсовод.....	177
Юрий Горбань Робот в Кижях.....	184
Николай Попов На подступах к Кижам.....	190
Алексей Кочкин Надежная опора (подготовка публикации Т. Николюкиной).....	195
Борис Гуцин Дмитрий Сергеевич. Короткие встречи.....	200
Вера Цыпляева Как я попала на остров.....	211
Елена Дымова Шесть счастливых школьных лет.....	214
Наталья Архипова Одна на весь остров.....	220
Галина Михайловская «Вижу ищущих свет. Луч красный, луч синий, луч белый серебряный».....	224
Николай Озолин (при участии Александры Озолиной) Возвращение молитвы.....	227
Борис Щедринский Из записок зрителя.....	236

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

(сборник воспоминаний о Кижях)

Составитель и редактор Борис Гущин
Компьютерная верстка Светланы Григорьевой
Корректурa Елены Емельяновой

В издании использованы фотографии из фондового собрания и
научного архива музея-заповедника “Кижы”.

Отпечатано в типографии ООО «МС».
394043 Воронежская обл.,
г. Воронеж ул. Луначарского д. 30